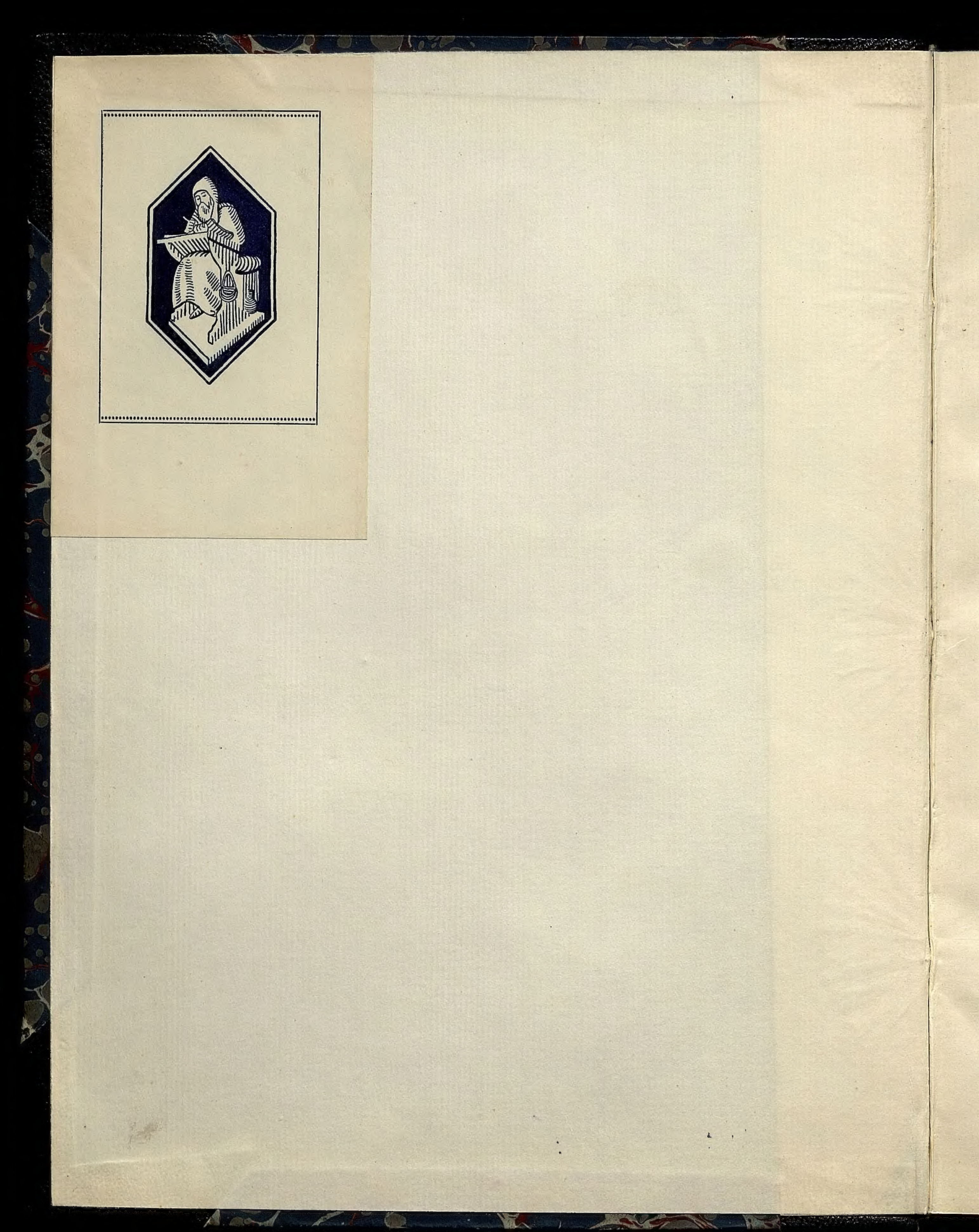
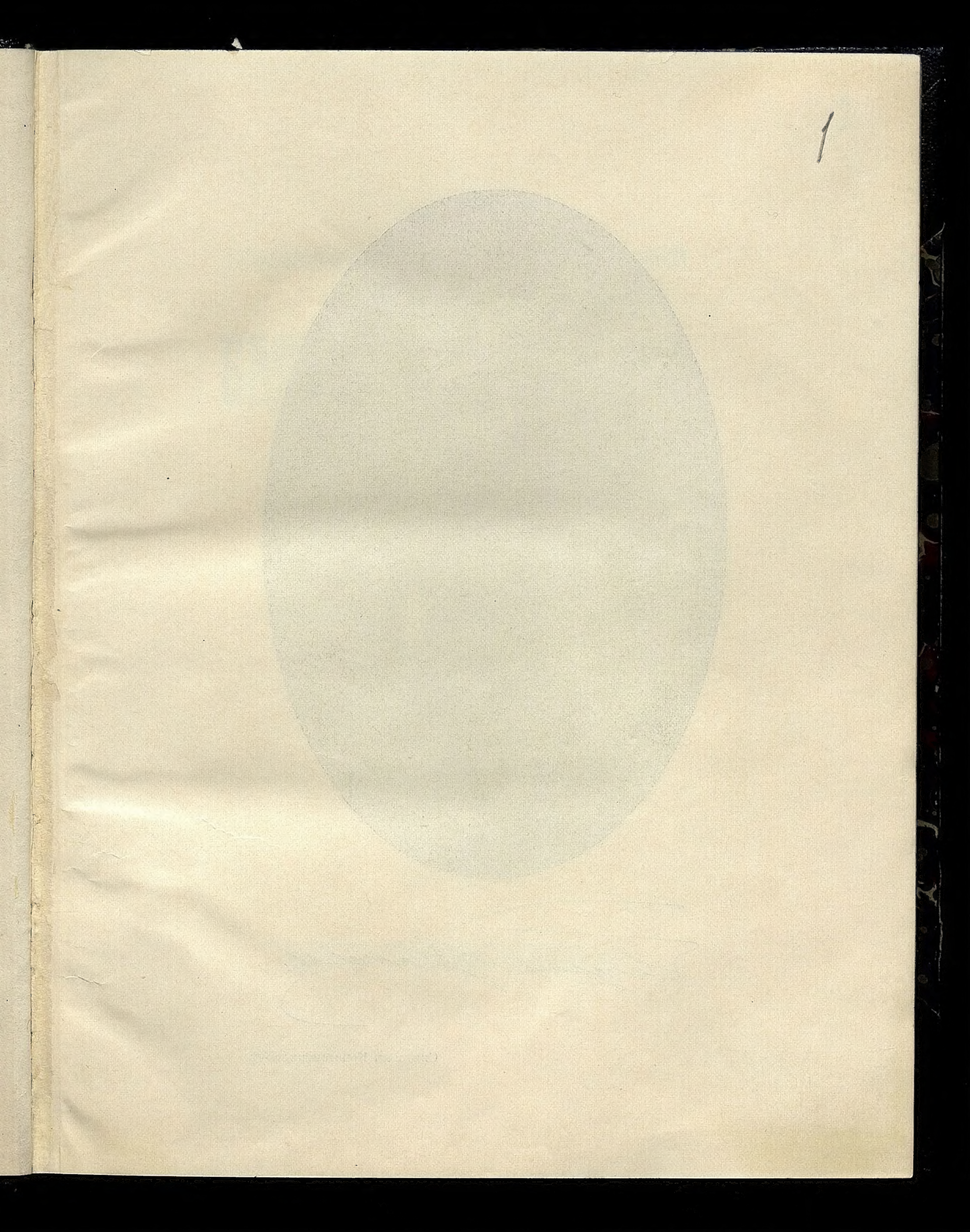


ВРАНГЕЛЬ



Генералъ Врангель

Снято въ Константинополѣ.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ РУССКОЙ АРМІЕЙ

ГЕНЕРАЛЪ

БАРОНЪ П. Н. ВРАНГЕЛЬ

КЪ ДЕСЯТИЛѢТІЮ ЕГО КОНЧИНЫ
12/25 АПРѢЛЯ 1938 Г.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. А. ФОНЪ-ЛАМПЕ

К-ВО „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

Экземпляръ № I

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

Генералъ П. Н. Врангель

(Вмѣсто предисловія).

«Да ниспошлетъ Господь всѣмъ силы и разума одолѣть и пережить русское лихолѣтье».

Заключительные слова послѣдняго приказа ген. Врангеля на Русской землѣ.

Десять лѣтъ тому назадъ... въ рукахъ дрожитъ небольшой, безстрастный листокъ телеграммы: «Главнокомандующій скончался въ девять часовъ. Котляревскій»... *)

Какъ ни подготовляла насъ всѣхъ къ горестному концу неожиданная, но, бурная болѣзнь генерала Врангеля, моментъ полученія телеграммы былъ почти что моментомъ отчаянія, котораго не было за всѣ переживанія войны и революціи. Казалось, что все погибло и работать и стараться дальше не для чего и не зачѣмъ...

Даже и теперь, послѣ этихъ, почти мгновенно промелькнувшихъ десяти долгихъ лѣтъ, при воспоминаніи о пережитомъ, при новомъ напоминаніи о томъ, что П. Н. Врангель

*) Николай Михайловичъ Котляревскій — личный секретарь ген. Врангеля.

ушелъ навсегда, на сердцѣ становится непривычно больно и перо плохо слушается руки. Мысленно переживаешь все то, что такъ прочно связывало каждаго изъ сотрудниковъ покойнаго Главнокомандующаго съ нимъ, съ его стремленіями, съ поставленными имъ себѣ и всѣмъ намъ задачами.

Съ Петромъ Николаевичемъ Врангелемъ до Гражданской войны я былъ знакомъ по одновременной службѣ въ гвардіи, но зналъ его мало. Но со времени нашей встрѣчи на Кубани, куда мы, веленіемъ случая пріѣхали въ Добровольческую армію въ одномъ поѣздѣ, я увидѣлъ въ немъ человѣка совершенно исключительнаго, человѣка, который зналъ *что* онъ хочетъ и *какъ* онъ пойдетъ по намѣченному пути. Позднѣе я понялъ, что въ немъ для меня воплотился тотъ, кого всѣ мы такъ нервно и порывисто искали въ дни развала, воплотился *Вождь* въ полномъ значеніи этого слова.

И потому на первый же его призывъ принять должность генеральнаго штаба въ штабѣ Кавказской арміи, которую онъ велъ на Великокняжескую, Царицынъ и далѣе на соединеніе съ арміями адмирала Колчака я отозвался немедленнымъ согласіемъ, пойдя съ нимъ и за нимъ, до послѣдняго дня, который, увы, наступилъ такъ неожиданно скоро. . .

Все мелькаетъ сейчасъ какъ въ калейдоскопѣ. . . нервная и напряженная работа подъ Царицыномъ, дерзанія и отвага Командующаго арміей, первый, неудачный налетъ на Царицынъ, упорная подготовка и занятіе его при второмъ натискѣ... безконечно радостныя толпы населенія освобожденнаго города, привѣтствовавшаго генерала Врангеля въ только что вновь открытомъ, послѣ большевицкаго запрета, городскомъ соборѣ. . . горячее, огненное обращеніе его къ населенію, призывъ къ помощи въ дальнѣшей борьбѣ за освобожденіе Россіи. . . Борьба за пути на сѣверъ, за пути соединенія съ войсками Верховнаго правителя Россіи, его служебныя тренія и отказъ генерала Деникина пойти по этому пути. . . все это было и все это проходитъ теперь передъ взоромъ, обращеннымъ въ прошлое.

Потомъ тифъ, временно выведшій меня изъ строя и неожиданная встрѣча въ Константинополѣ съ генераломъ Врангелемъ, *высланнымъ* Главнокомандующимъ генераломъ Деникинымъ изъ Россіи. . ., красочная фигура Петра Николаевича, замѣтная даже на пестрыхъ улицахъ Константинополя и его немедленный переходъ на упорную работу чтобы тогда же подготовить возможность концентраціи бѣлыхъ войскъ въ Сербіи, подготовить эту возможность, ибо въ побѣду генерала Деникина мало кто тогда вѣрилъ. Какъ потомъ оказалось не вѣрилъ въ нее и самъ генералъ Деникинъ. . .

И въ разгаръ этой работы полученное имъ приглашеніе прибыть на «Военный совѣтъ» въ Севастополѣ, для . . . выбора преемника генералу Деникину. Никакихъ сомнѣній не было — передъ генераломъ Врангелемъ стояла новая, тяжелая и отвѣтственная задача—ему предстояло быть тѣмъ преемникомъ, котораго долженъ былъ «выбрать» Военный совѣтъ. . . Генералъ Деникинъ готовился передать оставляемую имъ армію тому, кого сначала назначалъ на всѣ отвѣтственныя направленія добровольческой борьбы (конница на Сѣверномъ Кавказѣ, армія на Царицынскомъ направленіи, Добровольческая армія въ періодъ отхода и развала), а потомъ, передавъ свое требованіе черезъ иностранцевъ, удалилъ изъ предѣловъ Родины, за которую готовъ былъ въ каждый данный моментъ положить свою жизнь «высылаемый».

Ясно понимая, что въ распоряженіи генерала Деникина нѣтъ средствъ заставить его покинуть Россію, генералъ Врангель «заглушивъ горесть въ сердцѣ своемъ», какъ онъ писалъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ на имя Главнокомандующаго, исполнилъ свой долгъ подчиненнаго и уѣхалъ въ Константинополь. Теперь получивъ не только приглашеніе прибыть на Военный совѣтъ, но и предназначавшійся генералу Деникину ультиматумъ «союзниковъ», требовавшихъ прекращенія борьбы, генералъ Врангель вновь считаясь только съ своимъ долгомъ — вернулся обратно.

Мнѣ привелось быть послѣднимъ, съ кѣмъ говорилъ гене-

ралъ Врангель, оставляя Константинополь и онъ, сильно взволнованный происходящимъ, говорилъ со мною совершенно откровенно. Онъ шелъ не на праздникъ власти, какъ это думали многіе, онъ ясно сознавалъ трудность и почти безнадежность задачи, которую судьба возлагала на его плечи, онъ понималъ, что идетъ на тяжелый трудъ, на подвигъ и тѣмъ не менѣе онъ опять подчинился долгу и, заявивъ Военному совѣту: «я дѣлилъ съ арміей славу побѣдъ и не могу отказаться испить съ нею чашу униженія», принялъ на себя тотъ крестъ, который и привелъ его къ преждевременной могилѣ.

Въ нѣкоторыхъ кругахъ принято говорить, что П. Н. Врангель былъ честолюбивъ. . . да, это совершенно вѣрно и это качество, столь нужное каждому военному, совершенно необходимо для Вождя; онъ былъ славолюбивъ, но онъ былъ и честолюбивъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого понятія, потому, что онъ любилъ не почести, а самую *честь*. . . и онъ понималъ значеніе этого слова, такъ какъ заявивъ въ своемъ первомъ же приказѣ, уже какъ Главнокомандующій «Я сдѣлаю все чтобы вывести армію и флотъ съ честью изъ создавшагося тяжелаго положенія», онъ исполнилъ свое обѣщаніе и не добившись побѣды, спасъ *честь* арміи и Россіи!

Это относится не только къ страднымъ днямъ борьбы въ Крыму, но и къ спасенію 150.000 человѣкъ изъ Крыма, къ титанической борьбѣ одинъ на одинъ съ представителями великихъ державъ на Босфорѣ, за самое бытіе Русской арміи, къ полной побѣдѣ въ этой неравной борьбѣ и ко всей той безпримѣрной работѣ по разселенію арміи по Европѣ и вожденію ея въ послѣдующіе этапы ея сложной эмигрантской жизни.

Черезъ все это, и въ Константинополѣ, въ крохотной каютѣ яхты «Лукуллъ», перерѣзанной потомъ надвое итальянскимъ пароходомъ «Адрія», получившимъ отъ большевиковъ задачу уничтожить сильнаго ихъ врага, въ одинокой дачѣ на Топчидерѣ у Бѣлграда, въ небольшомъ домикѣ на окраинѣ Брюсселя — проходила неугасаемая энергія этого исключительнаго человѣка и упорное нежеланіе подчиниться волѣ врага, кто бы

онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ силенъ... Та совершенно невѣроятная энергія, которая, какъ неизсякаемый источникъ силы заряжала каждаго изъ его сотрудниковъ и его глубокая вѣра въ то, что «Господь ниспошлетъ всѣмъ силы и разумъ одолѣть и пережить русское лихолѣтье», вѣра, которая такъ и не угасла въ немъ до конца, несмотря на всѣ тяготы и непріятности эмигрантскаго нестроенія, которыя именно его, стоявшаго во главѣ, касались и слѣва, и справа... Онъ вѣрилъ и въ армію, и въ Россію и его послѣднія мысли были о Россіи и арміи!

И эта его энергія и вѣра находили откликъ во всѣхъ, кто съ нимъ соприкасался и особенно въ тѣхъ, кто работалъ подъ его личнымъ руководствомъ. Съ его кончиной Россія, армія и эмиграція понесли потерю, значеніе которой, кажется, не осознано и по сей день...

Трудно, если просто не невозможно дать оцѣнку и характеристику генерала П. Н. Врангеля... Для того, чтобы во весь ростъ оцѣнить его колоссальную фигуру, повидимому, мало десяти лѣтъ... Въ нашемъ сборникѣ мы и не пытаемся это сдѣлать. Какъ я уже писалъ въ предисловіи къ запискамъ П. Н. Врангеля, при жизни онъ всецѣло принадлежалъ родинѣ, теперь онъ принадлежитъ исторіи... писать же исторію, повидимому еще не время и потому остается не написанной біографія этого совершенно исключительнаго человѣка, остается неиспользованнымъ его личный архивъ, который даетъ такъ много матеріала для составленія, въ добавокъ къ уже написаннымъ имъ томамъ, «3-го и 4-го томовъ Записокъ генерала Врангеля» о томъ, какъ жила русская эмиграція въ годы ея существованія до его кончины и какъ самоотверженно и неутомимо жилъ и боролся въ этотъ періодъ (1920—1928) онъ самъ. Дастъ Богъ кто нибудь выполнитъ эту задачу — нашъ сборникъ за это не берется.

Нѣсколько словъ о самомъ сборникѣ.

Въ виду приближенія десятой годовщины со дня смерти генерала Петра Николаевича Врангеля я задался цѣлью, въ

мѣрѣ возможнаго, отмѣтить эту годовщину по отношенію къ нашему почившему Главнокомандующему, которому столь многіе и столь многимъ въ средѣ эмиграціи обязаны.

Я остановился на мысли выпустить къ этому дню небольшую брошюру, гдѣ и напечатать тѣ три статьи самого П. Н. Врангеля, которыя въ 1907—1908—1909 гг. появились въ сборникахъ «Историческій вѣстникъ» и «Вѣстникъ Европы». О существованіи этихъ статей я, въ свое время, узналъ отъ матери покойнаго Главнокомандующаго Баронессы Маріи Димитріевны, которая объяснила мнѣ, что статьи эти были написаны ея сыномъ послѣ возвращенія съ театра войны 1904—1905 г. противъ Японіи, по письмамъ, которыя Петръ Николаевичъ писалъ ей дважды въ недѣлю. Добавлю къ этому, что работа эта была сдѣлана П. Н. Врангелемъ по настоянію его матери и ея же заботой была помѣщена въ печати.

Внимательно ознакомившись съ этими статьями, которыя и до сего времени мало кому извѣстны, я, помимо ихъ совершенно опредѣленно высокихъ литературныхъ качествъ, отмѣтилъ въ нихъ то, что для всѣхъ насъ имѣетъ еще бо́льшее значеніе. Надо не забывать, что окончивъ въ свое время курсъ Горнаго института, молодой П. Н. Врангель, отбывая воинскую повинность Л. Гв. въ Конномъ полку, сначала намѣревался остаться на военнной службѣ, для чего и держалъ экзаменъ не на прапорщика запаса, а на чинъ корнета. Но потомъ онъ измѣнилъ свое рѣшеніе, ушелъ въ запасъ и принялъ назначеніе на должность чиновника для особыхъ порученій при Иркутскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Казалось, что съ военной службой было покончено разъ и навсегда.

Но началась Русско-Японская война. Сердце П. Н. Врангеля не выдержало, онъ бросилъ все и вновь вернулся на военную службу, поступивъ въ ряды 2-го Верхнеудинскаго казачьяго полка.

Вотъ тутъ то онъ, впервые соприкоснувшись съ стихіей войны, увидѣлъ, что это *его* стихія и что не только администра-

тивная служба не для него, но и сравнительно спокойное существованіе въ военныхъ штабахъ его никогда не удовлетворитъ. . . Его командиръ полка генералъ Б. Г. Гартманъ въ статьѣ, помѣщаемой въ настоящемъ сборникѣ, даетъ соотвѣтствующую характеристику своему другу-подчиненному и потому останавливаться на ней я не буду. Скажу одно — въ жизни, въ міросозерцаніи П. Н. Врангеля произошелъ радикальный переломъ. Война, противникъ, полкъ, товарищи-офицеры, подчиненные казаки — все это такъ и навсегда привязало его къ себѣ, что не могло уже быть и мысли о какомъ либо иномъ жизненному пути, чѣмъ военная служба, если и «скучная» въ мирное время, то яркая и увлекавшая П. Н. Врангеля въ періодъ войны. . . этого періода онъ и дождался и въ такой мѣрѣ, въ какой, вѣроятно, не могъ предполагать и самъ!

Значеніе приводимыхъ мною трехъ небольшихъ статей чисто военнаго содержанія, вышедшихъ изъ подъ пера молодого оберъ-офицера и впитавшихъ въ себя всѣ его военныя переживанія, которыми онъ дѣлился со своей матерью — съ моей точки зрѣнія чрезвычайно велико. Я постараюсь выразить его очень кратко: если бы въ натурѣ Петра Николаевича Врангеля не было того, что дало ему матеріалъ для этихъ писемъ — исторія Русской арміи въ Міровую войну не имѣла бы славной конной атаки подъ Каушеномъ, Добровольческая армія, оставленная генераломъ Деникинымъ, не имѣла бы въ Крыму своего Главнокомандующаго, спасеніе 150.000 русскихъ жизней изъ рукъ большевицкой чеки въ Крыму, стало бы подъ вопросъ, а русская эмиграція, разсѣянная по всему міру, не имѣла бы въ немъ Вождя, кончина котораго 12/25 апрѣля 1928 года, такъ глубоко потрясла всѣхъ русскихъ патріотовъ, нашедшихъ пріютъ на чужбинѣ, десять лѣтъ тому назадъ!

Такъ изъ малаго родится большое и значеніе приводимыхъ статей, написанныхъ П. Н. Врангелемъ, статей, проникнутыхъ настоящимъ военнымъ духомъ — *именно въ этомъ!*

Въ дальнѣйшемъ мысль объ изданіи небольшой брошюры получила развитіе. Ко мнѣ примкнулъ рядъ друзей, сотрудни-

ковъ и вѣрныхъ почитателей покойнаго Главнокомандующаго и ихъ безкорыстными трудами создался нашъ сборникъ.

Однако, какъ и всегда, вопросъ былъ въ средствахъ и потому, самый объемъ сборника пришлось всемѣрно ограничивать. Раньше всего мнѣ, какъ редактору, какъ я уже упомянулъ, пришлось отказаться отъ помѣщенія біографіи генерала Врангеля, красочная жизнь котораго требуетъ для своего описанія объема несомнѣнно большаго, чѣмъ весь нашъ сборникъ — на этомъ пути мнѣ пришлось ограничиться помѣщеніемъ такъ сказать «военной біографіи» почившаго Главнокомандующаго — его послужнымъ спискомъ, сухо и дѣловито излагающимъ этапы прохожденія имъ военной службы. Пришлось отказаться также и отъ описанія его службы во время Міровой войны (за исключеніемъ описанія боя подъ Каушеномъ) и его дѣятельности во время войны Гражданской, дѣятельности столь многимъ изъ насъ памятной еще по совмѣстной съ нимъ работѣ. Пришлось отказаться отъ описанія его самоотверженной работы въ эмиграціи, въ той части ея, которая уже была описана въ томъ или иномъ изданіи, ему посвященномъ. Пришлось отказаться и отъ описанія тѣхъ горестныхъ дней, послѣ которыхъ къ моменту выхода нашего сборника изъ печати минуетъ ровно десять лѣтъ. . . Взамѣнъ этого, въ приложеніи къ настоящему сборнику помѣщается особый списокъ *изданій* посвященныхъ генералу Петру Николаевичу Врангелю, гдѣ каждый читатель нашего сборника можетъ найти освѣщеніе тѣхъ моментовъ жизни и дѣятельности покойнаго Вождя, которые его особенно заинтересуютъ.

Въ заключеніе остановлюсь на одной изъ фотографій помѣщаемыхъ въ сборникѣ: *)

Эта фотографія принадлежала самому генералу Врангелю и онъ хотѣлъ помѣстить ее въ своихъ «Запискахъ», но этого сдѣлать не удалось и потому теперь, издавая сборникъ посвя-

---

*) Между страницами 192—193.

щенный его памяти, я включилъ въ него также и эту фотографію. Исторія ея не лишена интереса.

Когда Кавказская армія генерала Врангеля на своемъ побѣдоносномъ пути лѣтомъ 1919 года подошла къ р. Салъ, то оказалось, что мостъ на этой рѣкѣ уничтоженъ большевиками и потому штабной поѣздъ далѣе продвигаться не можетъ. Взявъ съ собой генералъ-квартимейстера штаба и начальника оперативнаго отдѣленія и оставивъ штабъ на попеченіе начальника штаба генерала Юзефовича, Командующій арміей отправился впередъ. Стремительный характеръ генерала Врангеля и необходимость непосредственнаго воздѣйствія въ боевой обстановкѣ на командировъ корпусовъ, не позволяли ему оставаться позади войскъ. Путешествіе это было во всѣхъ отношеніяхъ довольно опаснымъ и генералъ Врангель рисковалъ въ третій разъ въ періодъ Гражданской войны попасть въ лапы красныхъ, такъ какъ маленькій «фордъ» на которомъ передвигался импровизированный «полевой штабъ» шелъ съ трудомъ, запасныхъ покрышекъ и камеръ конечно было мало, а то, что было — было залатано и заштопано безконечное число разъ (обратно ѣхали безъ камеръ, съ покрышками набитыми... тряпками и травой), а за отсутствіемъ непрерывной линіи фронта, въ *конной* по существу своему арміи, каждый прорвавшійся красный разъѣздъ могъ почти безнаказанно распорядиться съ «полевымъ штабомъ» по своему.

Къ этому маленькому штабу присоединился представитель одной изъ екатеринодарскихъ газетъ, очень пожилой человѣкъ, на свою бѣду, носившій капитанскую форму... Увидѣвъ положеніе на Салѣ и осмотрѣвъ то, что осталось отъ моста и что такъ ясно видно на фотографіи, генералъ Врангель немедленно распорядился о нарядѣ на работы по возстановленію разрушеннаго моста техническаго персонала и плѣнныхъ красноармейцевъ. Оставалось назначить того, кто могъ руководить всей работой возстановленія... подъ рукой не было никого, такъ какъ «штабъ» былъ настолько малъ (три человѣка), что выдѣлять кого либо былъ совершенно невозможно. И вотъ

тутъ то, въ маломъ, какъ и въ большомъ, рѣшительный и опредѣленный, Командующій арміей остановился на капитанѣ-корреспондентѣ, питавшемъ надежды на то, что онъ, слѣдуя съ Командующимъ арміей опередитъ своихъ коллегъ въ свѣдѣніяхъ съ фронта... Послѣднимъ «прости» уѣзжавшему штабу, новоназначеннаго «начальника переправы» и является имъ же снятая фотографія... Потомъ его, конечно, смѣнили.

Объ этомъ періодѣ въ своихъ запискахъ *) генералъ Врангель говоритъ такъ: «Оставивъ поѣздъ у рѣки Салъ, я автомобилемъ въ сопровожденіи полковника Кусонскаго, начальника оперативнаго отдѣленія полковника фонъ-Лампе и одного офицера службы связи выѣхалъ въ Котельниково. На всемъ пятидесятиверстномъ пути мы не встрѣтили ни одного жилья. Безлюдная, покрытая ковылемъ, мѣстами солончаковая степь была совершенно пустынна...»

Мнѣ лично все же вспоминается одна встрѣча на этомъ пути, встрѣча довольно своеобразная. На пути нашего «форда» мы увидѣли довольно большую группу, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось толпой плѣнныхъ красноармейцевъ, конвоируемыхъ нашими казаками. Командующій вышелъ изъ автомобиля и началъ разспрашивать русскихъ людей, только что дравшихся въ красныхъ рядахъ противъ насъ... ихъ было довольно много. Закончивъ опросъ, ген. Врангель, вытянулся во весь свой гигантскій ростъ и въ послѣдній разъ взглянулъ на плѣнныхъ. Какъ разъ противъ него, отдѣленный нѣсколькими десятками человѣкъ, стоялъ плѣнный. Представляя полную противоположность своей лохматой и полуоборванной фигурой, стройному и военно-нарядному генералу, плѣнный былъ одного роста съ нимъ и потому взгляды ихъ, естественно встрѣтились надъ толпой довольно низкорослыхъ красноармейцевъ.

«Ты кто такой?» крикнулъ Командующій арміей...

---

*) «Бѣлое Дѣло», т. V, стр. 149.

«Я?» отвѣтилъ тотъ полувопросомъ, *«я комиссаръ»...*

Все затихло. Появленіе въ добровольческомъ тылу большевицкаго комиссара было явленіемъ необычайнымъ... сдерживая нароставшее негодованіе, генералъ Врангель автоматически спросилъ: «Какъ комиссаръ...?»

И тотчасъ же все разъяснилось — плѣнный оказался насильно мобилизованнымъ большевиками чехомъ, *фамилія* котораго была Комиссаръ.

Плѣнныхъ отправили дальше. Бѣдняга чехъ вѣроятно и не почувствовалъ, что онъ за минуту до этого прошелъ по касательной къ смерти.

На этихъ небольшихъ штрихахъ, ставшаго дорогимъ прошлаго, я закончу мое вступленіе къ нашему сборнику, представляющему собою скромный вѣнокъ на могилу нашего почившаго Вождя въ день десятилѣтія со дня его кончины. *Вождя* волей Божіей, съ которымъ *только* Божья воля могла насъ разлучить!

А. фонъ-Лампе.

П. Н. Врангель въ строю

Въ передовомъ летучемъ отрядѣ генерала Ренненкампфа. *)

Въ настоящихъ очеркахъ я не имѣю въ виду дать подробное описаніе дѣйствій передового отряда генерала Ренненкампфа и входить въ оцѣнку этихъ дѣйствій. Я просто желалъ бы въ рядѣ эскизовъ набросать нашу повседневную жизнь въ этотъ періодъ кампаніи, періодъ крайне интересный, полный разнообразныхъ сильныхъ ощущеній, постоянныхъ тревогъ, опасностей и лишеній. Славное имя генерала Ренненкампфа, пріобрѣтенная имъ еще въ Китайскую кампанію популярность, какъ лихого кавалерійскаго начальника, знакомство его, еще въ прошлую кампанію, съ театромъ нашихъ будущихъ военныхъ дѣйствій, все это, вмѣстѣ взятое, заставляло большинство кавалерійскихъ офицеровъ, мечтавшихъ попасть въ дѣйствующую армію, стремиться во 2-ю Забайкальскую казачью дивизію, которая поручалась генералу Ренненкампфу. Эта дивизія формировалась изъ льготныхъ казаковъ второй очереди, изъ которыхъ многіе еще недавно прошли Китайскую кам-

---

*) «Историческій Вѣстникъ» Томъ CVIII. 1907. Статья снабжена восемью иллюстраціями, среди которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ портрета П. Н. Врангеля. Ред.

панію въ той же мѣстности, гдѣ приходилось дѣйствовать и намъ, знали мѣстныя условія, обычаи и характеръ мѣстнаго китайскаго населенія, а нѣкоторые изъ казаковъ и китайскій языкъ.

Въ отношеніи офицерскаго состава, дивизія комплектовалась отчасти офицерами первоочередныхъ забайкальскихъ казачьихъ полковъ, главнымъ же образомъ офицерами-добровольцами изъ драгунскихъ и гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Наши опасенія недружелюбнаго отношенія мѣстныхъ офицеровъ-казаковъ къ намъ, какъ пришлому элементу, вскорѣ совершенно разсѣялись, и, несмотря на разнообразный офицерскій составъ, во все время кампаніи между нами существовали самыя лучшія, товарищескія отношенія. Эти хорошія, дружескія отношенія много облегчали тяжелыя минуты нашей жизни, значительно скрашивали наши невзгоды и лишенія.

Матеріаломъ для составленія настоящихъ очерковъ служили мнѣ, главнымъ образомъ, мои письма, форму которыхъ я отчасти сохранилъ въ этихъ запискахъ, какъ передающую, по моему мнѣнію, наиболѣе живо и послѣдовательно пережитыя нами впечатлѣнія.

Я ограничился періодомъ дѣйствій нашего передового отряда до того момента, когда генералъ Ренненкампфъ былъ раненъ и сдалъ командованіе. Съ этой минуты нашъ отрядъ теряетъ ту стремительную подвижность, ту энергичную дѣятельность, ту активность, которая такъ досаждала, такъ изводила непріятеля, и хотя вплоть до того момента, какъ къ намъ придаютъ пѣхоту, мы и дѣйствуемъ еще нѣкоторое время самостоятельно, какъ передовой летучій кавалерійскій отрядъ, но вся наша дѣятельность сводится къ пассивному наблюденію за непріятелемъ. Нѣтъ больше огромныхъ, тяжелыхъ переходовъ, лихихъ набѣговъ, рекогносцировокъ, стычекъ и тревогъ, жизнь наша протекаетъ на заставахъ и наблюдательныхъ постахъ вяло, скучно и однообразно. . .

Затѣмъ наступаетъ періодъ большихъ боевъ, гдѣ сталкиваются уже не сотни, не тысячи, а десятки и сотни тысячъ че-

ловѣческихъ жизней, гдѣ цѣна отдѣльной жизни, передъ ужасомъ всего совершающагося, почти теряетъ значенье, гдѣ личные, мелкіе интересы блекнутъ передъ грозной мощностью міровыхъ событій. Къ этому періоду нашъ летучій передовой отрядъ перестаетъ существовать какъ самостоятельная кавалерійская единица, и 2-я Забайкальская казачья дивизія входитъ въ составъ ввѣреннаго генералу Ренненкампфу отряда изъ трехъ родовъ оружія.

I.

2 апрѣля нашъ эшелонъ — 5-я сотня 2-го Аргунскаго казачьяго полка — подходилъ къ городу Лаояну. Послѣ формированія полка въ городѣ Нерчинскѣ мы походнымъ порядкомъ, колоннами по двѣ сотни, были направлены на станцію Манчжурія, куда послѣдняя колонна, — наша 5-я, и 6-я сотни — и прибыла 26 марта, послѣ четырнадцатидневнаго похода.

Шли переходами отъ 25 до 70 верстъ (на пути были двѣ дневки) при прекрасной теплой погодѣ, большею частью холмистой, степной мѣстностью, мало населенной казаками и инородцами-бурятами, ведущими кочевой образъ жизни и занимающимися исключительно коневодствомъ. На пути намъ попадались ихъ войлочныя кибитки съ бродящими по близости верблюдами и большими, по 100—150 головъ, табунами коней.

Монгольскіе кони, хотя и мелкорослые, большею частью не выше 1 аршина 12-13 вершковъ, но въ высшей степени крѣпкіе, выносливые и прекрасныхъ формъ. Между ними встрѣчаются превосходные иноходцы, которые особенно бурятами цѣнятся. Бурятъ-табунщикъ сидитъ на лучшей лошади табуна, такъ называемой «укрючной», отъ которой требуется особая рѣзвость и ловкость, и, по указанію покупателя, арканомъ ловитъ выбранную изъ табуна лошадь. Офицерами наше-

10

го полка были пріобрѣтены нѣсколько монгольскихъ коней отъ 75 до 150 руб. за голову.

На станціи Манчжурія мы встрѣтили Свѣтлый праздникъ, и на третій день началась посадка полка и отправка эшелонами по 1½ сотни по желѣзной дорогѣ. Пріятно было чувствовать, какъ съ каждымъ поворотомъ колеса быстро приближаешься къ Лаояну, сердцу дѣйствующей арміи, въ которую мы всѣ такъ стремились съ самаго объявленія войны... Кромѣ офицеровъ нашей сотни, съ нами ѣхала жена одного изъ нихъ, г-жа К., недавно вышедшая замужъ и рѣшившаяся не покидать мужа до послѣдней возможности. Одѣтая въ казачій костюмъ, эта энергичная женщина совершила верхомъ на казачьемъ сѣдлѣ весь походъ отъ Нерчинска до станціи Манчжурія и теперь слѣдовала съ нашимъ эшелономъ. Она любезно взяла на себя роль завѣдующей офицерскимъ столомъ, и въ занимаемомъ ею купе оказалась масса вкусныхъ вещей, которымъ мы оказывали должную честь.

По мѣрѣ приближенія къ бассейну р. Ляохэ мѣстность становилась богаче и типичнѣе. По обѣ стороны пути тянулась равнина, обработанная съ поразительной тщательностью, съ той тщательностью, на которую способенъ лишь китаецъ и которая невольно поражаетъ насъ, русскихъ. Въ виду ранняго времени года зелень лишь мѣстами пробивалась, и свѣжія пятна ея особенно рѣзко выдѣлялись на сѣромъ фонѣ вспаханной земли. Мелькали китайскія деревни съ крытыми гаоляномъ или черепицей фанзами, окруженными глинобитными заборами, священныя тутовыя рощицы, кумирни съ причудливыми коньками на гребняхъ крышъ... Масса лысухъ, нисколько не боясь приближающагося поѣзда, плавала на многочисленныхъ озерахъ, заросшихъ по краямъ камышомъ. Изрѣдка бросались въ глаза одиноко стоящіе тамъ и сямъ среди полей массивные китайскіе гробы (китайцы не имѣютъ обыкновенія хоронить покойниковъ), иные еще новые, цѣльные, другіе уже почернѣвшіе, развалившіеся, съ виднѣющимися внутри истлѣвшими костями... Эта картина смерти среди веселой, весенней природы,

2

особенно рѣзала непривычный глазъ... По тянущейся параллельно желѣзнодорожному полотну дорогѣ видно было оживленное движенiе: шли пѣшiе китайцы въ синихъ штанахъ и такихъ же курткахъ, въ соломенныхъ конусовидныхъ шляпахъ; изрѣдка проѣзжали мелкой рысью запряженныя парой муловъ цугомъ двухколесныя, разукрашенныя кибитки съ выглядывающими оттуда размалеванными лицами «бабушекъ», съ затѣйливыми прическами и массой блестящихъ шпилекъ въ волосахъ; иногда обгоняли мы тяжелыя, двухколесныя арбы, запряженныя коренастыми, низкорослыми, большею частью бѣлыми «манзюками» и красивыми рослыми мулами, понукаемыми щелканьемъ бича и криками «и—и» погонщиковъ-манзъ, грязныхъ, босыхъ, загорѣлыхъ, бронзовое тѣло которыхъ просвѣчивало черезъ многочисленныя дыры синихъ полотняныхъ рубахъ. Въ окрестностяхъ Лаояна, по обѣ стороны пути, тянулись цѣлыя вереницы такихъ арбъ, большею частью конвоируемыхъ воинскими чинами, — это доставлялся фуражъ и пищевые продукты въ обширные склады интендантскаго вѣдомства. Запасы для складовъ подвозились и по рѣкѣ Лаохэ, сплошь покрытой массой китайскихъ джонокъ и шаландъ... Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Лаояну, тѣмъ сильнѣе бился пульсъ дѣйствующей армiи!

На платформѣ желѣзнодорожной станцiи шумная, разношерстная толпа: офицеры разныхъ родовъ оружiя, сестры милосердiя, корреспонденты иностранныхъ газетъ, китайцы... Здѣсь центръ лаоянской жизни, здѣсь сообщаются послѣднiя свѣдѣнiя изъ передовыхъ частей, свѣдѣнiя большею частью преувеличенныя или извращенныя. Въ буфетѣ шумъ, гамъ, дымъ и звонъ посуды, яблоку негдѣ упасть... У подъѣзда вокзала вереница китайскихъ рикшъ, здѣсь и вѣстовые съ верховыми лошадьми прiѣхавшихъ на вокзалъ офицеровъ. Въ верстѣ отъ станцiи на запасномъ пути видны поѣзда командующаго и великаго князя Бориса Владимировича. Вблизи станцiи желѣзной дороги расположенъ такъ называемый желѣзнодорожный городокъ, рядъ служебныхъ построекъ, нынѣ заня-

тыхъ учрежденіями штаба арміи; далѣе, у стѣнъ собственно китайскаго города, рядъ жалкихъ, наскоро сколоченныхъ лачугъ, гдѣ помѣщаются лавки всевозможныхъ товаровъ, содержимыя большею частью «восточными человѣками», двѣ жалкія гостиницы и знаменитый «Chateau de fleurs», кафе-баракъ съ интернаціональными пѣвицами.

Китайскій городъ окруженъ глубокимъ рвомъ и каменными стѣнами съ воротами. По обѣ стороны широкой улицы рядъ китайскихъ лавокъ съ досками, испещренными надписями, на разноцвѣтныхъ столбахъ рѣзныхъ и позолоченныхъ, съ громадными сапогами вмѣсто вывѣсокъ сапожныхъ магазиновъ, съ грудами разнаго товара — китайскихъ сѣделъ, расшитыхъ шелками и золотомъ курмъ, ковриковъ, сшитыхъ изъ лоскутковъ разноцвѣтнаго мѣха, китайскія аптеки, кузницы. Масса разносчиковъ, точильщиковъ, продавцевъ всякой снѣди на лоткахъ, уличныхъ парикмахеровъ, походный театръ-панорама... На улицахъ пестрая, разношерстная толпа: китайскія арбы, фудутунки, рикши, казенныя двуколки, солдаты всѣхъ родовъ оружія, китайскіе купцы въ черныхъ шапочкахъ и шелковыхъ разноцвѣтныхъ курмахъ съ пышными, черными косами, рабочіе манзы въ синихъ холщевыхъ штанахъ и рубахахъ, съ закрученными косами вокругъ головъ и бронзовыми, загорѣлыми, грязными лицами... Все это громко разговариваетъ, обгоняетъ другъ друга, сталкивается и озабоченно стремится дальше. Яркія краски, типичная пестрая сутолока, гамъ, шумъ, возгласы разносчиковъ, музыка бродячихъ музыкантовъ, все это сразу охватываетъ васъ, какъ только вы входите въ китайскій городъ. Глаза разбѣгаются, не зная, на чемъ остановиться, — такъ это ново, ярко и характерно!.. Но надо возвращаться на вокзалъ присутствовать при выгрузкѣ лошадей... Сотнѣ назначена для стоянки одна изъ многочисленныхъ пригородныхъ деревень въ нѣсколько фанзъ, въ 3 верстахъ отъ города.

II.

Какъ я уже сказалъ, мы стоимъ въ 3 верстахъ отъ Лаояна. Погода прекрасная, деревья зеленѣютъ, тепло настолько, что я перебрался въ палатку, гдѣ и сплю, раздѣваясь совершенно и прикрываясь лишь сверхъ одѣяла буркой. О нашемъ дальнѣйшемъ движеніи ничего неизвѣстно. Прошелъ слухъ, что мы пройдемъ здѣсь до выступленія еще курсъ стрѣльбы, будто бы необходимый для казаковъ нашихъ, какъ людей второй очереди. Не говоря уже о томъ, что большинство казаковъ прекрасные охотники и стрѣлки, но почти все это люди, прошедшіе еще недавно Китайскую кампанію, а потому такому замедленію нашего движенія, когда, по общимъ отзывамъ, вслѣдствіе недостатка кавалеріи, свѣдѣнія о противникѣ крайне скудны, нельзя не удивляться.

За время похода я успѣлъ присмотрѣться къ казакамъ. По развитію, сметкѣ, большой находчивости и иниціативѣ, казакъ далеко превосходитъ регулярнаго солдата. Особенно поразительна у него способность оріентироваться. Разъ пройдя по какой-либо мѣстности, казакъ пройдетъ тамъ же безъ колебанія, въ какой угодно туманъ, въ какую угодно темную ночь. Я выразилъ разъ мое удивленіе этой способности одному изъ бурятъ моей сотни. «Какъ идешь куда-нибудь, почаще оглядывайся, — смотри назадъ; какъ дорога покажется, такой она и на обратномъ пути казаться будетъ, и тогда никогда не ошибешься», научилъ онъ меня, и много разъ впослѣдствіи я благодарилъ его въ душѣ за совѣтъ. Забайкальскій казакъ въ высшей степени выносливъ, никогда не падаетъ духомъ, хорошій товарищъ и легко привязывается къ своему офицеру. Онъ не имѣетъ выправки и внѣшней дисциплины регулярнаго солдата, да и требовать отъ него ея трудно, принявъ во вниманіе прохожденіе имъ службы, но, отдавъ приказаніе, вы можете положиться на казака: онъ точно и обстоятельно его исполнитъ. Какъ кавалеристъ, забайкальскій казакъ, при настоящей его подготовкѣ, оставляетъ желать много лучшаго. Уходъ за

лошадью у него крайне небреженъ, вѣрнѣе никакого ухода нѣтъ, и надо лишь удивляться выносливости и неприхотливости забайкальскихъ коней, могущихъ выносить подчасъ крайне тяжелую службу при такихъ условіяхъ.

Забайкальскія лошади большею частью безвершковыя, хотя и некрасивыя, но удивительно крѣпкія и выносливыя. Это, по моему мнѣнію, прекрасный матеріалъ для строевой казачьей лошади, при условіи, конечно, ея улучшенія. Въ Забайкальѣ есть нѣсколько заводовъ полукровныхъ англо-забайкальскихъ лошадей (напримѣръ, заводъ Бакшеева станицы Заргольской), и видѣнныя мною лошади этихъ заводовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Прилитая чистая кровь, увеличивъ ростъ забайкальской лошади до 1½—2 вершковъ и значительно увеличивъ ея аллюры, оставила ей ея выносливость и неприхотливость. Крайне желательно было бы поощреніе дальнѣйшаго улучшенія забайкальской лошади.

Вчера мнѣ удалось осмотрѣть китайскую тюрьму и видѣть китайское судопроизводство, при которомъ до сего времени широко примѣняются пытки, а сегодня я присутствовалъ при казни китайскими властями пяти хунхузовъ. Постараюсь, какъ умѣю, описать мною видѣнное.

Въ центрѣ китайскаго города помѣщается дворецъ тифангуана — китайскаго губернатора. Это обыкновенная богатая фанза, сложенная изъ сырца и крытая черепицей съ причудливыми коньками на гребнѣ крыши. Обширный дворъ вымощенъ камнемъ, и нѣсколько ступеней ведутъ къ крыльцу, на которомъ и совершается тифангуаномъ разборъ дѣлъ преступниковъ, которые помѣщаются въ тюрьмѣ, въ концѣ двора. Тюрьма — грязная, убогая фанза съ дворомъ, окруженнымъ высокимъ частоколомъ; на этомъ дворѣ, грязномъ и до нельзя зловонномъ, бродятъ или валяются прямо въ грязи, въ лохмотьяхъ, съ растрепанными, сбитыми въ войлокъ косами и деревянными колодками на ногахъ преступники. Тутъ же на землѣ стоятъ чаши, родъ корытъ, съ помоями, служащими имъ пищей. Нель-

зя себѣ представить что-либо болѣе грязное и ужасно отвратительное, какъ эта тюрьма; долго нельзя оставаться у частокола — зловонье прямо удушающее.

Въ 4 часа тифангуанъ въ шелковомъ одѣяніи и соломенной, конусовидной шляпѣ съ павлиньимъ перомъ и цвѣтнымъ шарикомъ на макушкѣ (обозначающимъ его чинъ сообразно цвѣту шарика: синему, красному или желтому) приступилъ къ допросу. По обѣ стороны его кресла чиновники поочередно, нараспѣвъ читаютъ стоя обвинительный актъ, и подсудимый, стоя на колѣняхъ, даетъ показанія. Китайскіе городовые въ обмотанныхъ, на манеръ чалмы, на головахъ платкахъ и въ черныхъ курткахъ съ бѣлыми, испещренными письменами кругами на груди, разгоняютъ толпу, далеко не деликатно колотя палками по бритымъ головамъ любопытныхъ. Тифангуанъ, повидимому, находитъ показанія обвиняемаго недостаточно ясными, онъ отдаетъ приказаніе, и два здоровыхъ китайца растягиваютъ несчастнаго на полу, садятся ему на плечи и на ноги, и третій, вооружившись бамбуковой линейкой въ два пальца шириной, начинаетъ наносить равномѣрные, сухіе удары по внѣшней сторонѣ бедра несчастнаго. Грязная, бронзовая кожа краснѣетъ, багровѣетъ, затѣмъ дѣлается бѣлой, какъ бумага и наконецъ лопается, обращаясь въ кровяной бифштексъ... Тифангуанъ, повидимому, остается доволенъ показаніями.

Другого преступника, извѣстнаго хунхуза, подвергаютъ ужасной пыткѣ. Согнувъ несчастному ноги въ колѣняхъ, ставятъ его у вертикальнаго шеста колѣнями на свернутыя клубкомъ желѣзныя цѣпи, руки вытягиваютъ по сторонамъ тѣла горизонтально и притягиваютъ къ поперечинѣ шеста за концы мизинцевъ тонкой струной. Такимъ образомъ преступникъ какъ бы распятъ, и весь вѣсъ его тѣла раскладывается на колѣни, поставленныя на желѣзныя цѣпи, и на мизинцы, притянутые къ поперечинѣ. Но это не все... Между вертикальнымъ шестомъ, у котораго стоитъ пытаемый на колѣняхъ, и его спиной медленно загоняютъ деревянный, обитый кожей конусъ. Спинной хребетъ распятаго выгибается дугой, грудная клѣтка

выпячивается, дуги реберъ изгибаются... Отъ боли жилы на лбу надуваются, какъ канаты, и изъ груди вырывается хрипъ... Я не могъ выдержать долѣе и какъ въ туманѣ вышелъ на улицу!..

Сегодня я присутствовалъ на казни, совершенной надъ пятью хунхузами въ полѣ за воротами китайскаго города. Къ назначенному часу толпы китайцевъ стекались къ мѣсту казни. Вскорѣ послышались звуки китайскихъ трубъ. Печальный кортежъ приближался. Впереди быстрымъ шагомъ, почти бѣгомъ, шли по два музыканта съ длинными, около сажени, трубами. Заунывный, вибрирующій звукъ китайской музыки постепенно росъ, торжественный и грозный, и вдругъ сразу обрывался, чтобы сперва глухо, затѣмъ все громче и торжественнѣе нестись вновь. За музыкой знаменщики съ громадными, треугольными, черными, испещренными письменами знаменами, далѣе пѣхотныя войска съ повязанными платками головами, въ черныхъ курткахъ съ бѣлыми кругами на груди, съ ружьями на плечахъ. Еще далѣе въ головѣ эскадрона регулярной китайской кавалеріи, на прекрасномъ бѣломъ конѣ, офицеръ въ красной мантіи, ниспадающей по обѣимъ сторонамъ коня. Съ руками, связанными за спинами, съ деревянными колодками на ногахъ, въ китайской арбѣ, подъ прикрытіемъ эскадрона, везли осужденныхъ. Въ косы ихъ вставлены были вертикально палки съ бумажками, на которыхъ китайскими буквами были прописаны ихъ преступленія. Кортежъ быстро приближался. Подходя къ мѣсту будущей казни, колонна разомкнулась, и войска, обойдя лобное мѣсто справа и слѣва, окружили его кольцомъ. Палачъ, рослый, мускулистый, среднихъ лѣтъ китаецъ, быстро за косы стащилъ преступниковъ съ телѣги и, поставивъ въ рядъ на колѣняхъ, на интервалахъ трехъ шаговъ, вынулъ палки съ бумажками изъ косъ и сунулъ каждому изъ преступниковъ его косу въ зубы, дабы, при отсѣченіи головы, коса не препятствовала удару...

Во все время казни я стоялъ въ трехъ шагахъ отъ казнимыхъ, стараясь найти хоть какое-либо выраженіе страха на ихъ

лицахъ; но одна лишь полная, тупая, безграничная апатія — вотъ все, что я могъ прочесть.

Взявъ обѣими руками широкій мечъ-тесакъ, палачъ подошелъ къ осужденному, стоящему крайнимъ справа. Раздался глухой ударъ, подобно тому, какъ будто ударили палкой по подушкѣ, и голова казненнаго, судорожно кося глазами и дергая щекой, упала на траву. Тѣло, простоявъ секунду на колѣняхъ, какъ будто бы застывъ, грузно упало ничкомъ, и изъ кроваваго обрубка шеи, какъ изъ открытаго крана, хлынула темная кровь... Въ ту же секунду раздался второй ударъ, затѣмъ третій, четвертый, пятый. Палачъ наносилъ удары на ходу, почти не останавливаясь, и менѣе чѣмъ черезъ 30 секундъ на травѣ корчились, страшно гримасничая, пять головъ, и пять широкихъ, кровавыхъ лужъ свидѣтельствовали о свершенномъ правосудіи...

Вытеревъ мечъ о землю и вложивъ въ ножны, палачъ снималъ съ казненныхъ деревянныя колодки, а назначенные солдаты уже рыли тутъ же у труповъ пять могилъ...

III.

Намъ приказано послѣзавтра, 16-го апрѣля, выступать въ деревню Шахэ, въ 20 верстахъ отъ Лаояна, гдѣ мы будемъ заниматься учебной стрѣльбой. Досадно сидѣть здѣсь, когда съ передовой линіи доходятъ постоянно извѣстія о стычкахъ и набѣгахъ нашихъ охотниковъ. Продолжаю знакомиться съ типичнымъ китайскимъ Лаояномъ; сегодня обѣдалъ въ китайскомъ кабачкѣ и, несмотря на отвращеніе, внушаемое европейцу нѣкоторыми китайскими блюдами, считающимися здѣсь деликатесами, какъ, напримѣръ, тухлыми, варенымии въ крутую, яйцами, трепангами (морскіе черви) и т. п., заставилъ себя полностью съѣсть весь обѣдъ, въ общемъ что-то около 20 блюдъ, подаваемыхъ небольшими порціями, въ маленькихъ

фарфоровыхъ блюдцахъ. Тутъ были: супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, напоминающій бульонъ изъ бычачьихъ хвостовъ, мелко нарѣзанная жареная утка и курица, очень вкусный шашлыкъ изъ свинины съ крѣпкой китайской соей, пельмени съ свининой, студенистые трепанги, морская капуста, еще какіе-то овощи, всевозможные засахаренные фрукты и т. д. Между блюдами подавали слабый, очень сладкій чай въ микроскопическихъ чашечкахъ и подогрѣтый «ханшинъ» — китайскую водку, отвратительнаго запаха и вкуса. Для ѣды вмѣсто вилокъ и ножей употребляются особыя палочки, которыми китайцы удивительно ловко подхватываютъ пищу и запихиваютъ ее въ ротъ. Для насъ, европейцевъ, это значительно труднѣе. . .

Послѣ обѣда ѣздилъ осматривать чайную, гдѣ собираются курильщики опіума. При входѣ васъ сразу охватываетъ сладкій, опьяняющій запахъ опіума. На «канахъ» (лежанкахъ), идущихъ вдоль стѣнъ фанзы, помѣщаются курильщики; они лежатъ на тонкихъ, стеганыхъ, обтянутыхъ синимъ холстомъ тюфячкахъ, облокотясь на круглые валики-подушки, обтянутые той же матеріей. Около каждаго находится маленькая спиртовая лампочка, на пламени которой курильщикъ нагрѣваетъ густую, черную массу опіума, скатываетъ изъ нея шарикъ, который и помѣщаетъ въ толстый, въ двѣ четверти длиной, чубукъ. Курильщики затягиваются сладкимъ, густымъ опіумомъ, издавая какой-то клокочущій звукъ. Лица у большинства желтыя, изможденныя, взглядъ имѣетъ совершенно особенный, лихорадочный блескъ. Толстый хозяинъ, стоя въ углу фанзы у небольшого столика, апатично заготовляетъ чубуки для своихъ посѣтителей. . .

Въ виду того, что нашей дивизіи предстоитъ, вѣроятно, дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ нашей арміи, въ гористой, труднопроходимой мѣстности, отряду отдано приказаніе замѣнить колесный обозъ вьючнымъ. Генералъ Ренненкампфъ, ставя на первый планъ увеличеніе подвижности своего кавалерійскаго отряда, строго требуетъ сокращенія обоза до минимума,

разрѣшая офицерамъ брать лишь самыя необходимыя вещи, чему и самъ подаетъ примѣръ, обходясь даже безъ походной кровати, вмѣсто которой довольствуется буркой.

Всѣ эти дни искалъ себѣ мула подъ вьюкъ; въ виду громаднаго спроса, цѣны на муловъ очень поднялись, и средняго роста мулъ стоитъ здѣсь, въ Лаоянѣ, 125—150 рублей. Какъ вьючное животное, мулъ во многомъ превосходитъ лошадь; не говоря уже о его выносливости и неприхотливости, онъ въ состояніи поднять значительно большій грузъ и, благодаря грубой, плотной кожѣ, труднѣе набивается вьюкомъ. Чудныхъ муловъ довелось мнѣ видѣть въ здѣшнемъ госпиталѣ Георгіевской общины. Госпиталь расположенъ въ небольшой китайской деревнѣ въ 2½ верстахъ къ сѣверу отъ города. Фанзы выбѣлены, вычищены и прекрасно приспособлены подъ больныхъ. Во дворѣ устроенъ небольшой цвѣтникъ. Все чисто, гигіенично и даже уютно...

Во время моего посѣщенія главный уполномоченный камергеръ Александровскій былъ занятъ формированіемъ и оборудованіемъ летучихъ медицинскихъ отрядовъ, долженствующихъ непосредственно слѣдовать за воинскими частями и на самомъ полѣ сраженія подавать помощь раненымъ. Нельзя не привѣтствовать отъ всей души этого прекраснаго дѣла. Врачи и фельдшера, находящіеся при воинскихъ частяхъ, почти безсильны, при значительномъ количествѣ раненыхъ и несовершенствѣ медицинскихъ средствъ, которыми снабжены части, оказать какую-либо существенную пользу, въ особенности при тяжелыхъ раненіяхъ. Къ тому же, нельзя не констатировать, что при настоящей постановкѣ дѣла очень часто призываемые по мобилизаціи въ воинскія части врачи далеко не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ, будучи весьма часто почти незнакомы съ хирургіей. Такъ у насъ, напримѣръ, старшій врачъ — очень опытный и пользующійся въ ученомъ мірѣ прекраснымъ именемъ... акушеръ!!... Насколько мнѣ извѣстно, въ прежнія кампаніи врачи изъ запаса призывались лишь для замѣщенія врачей военныхъ госпиталей мирнаго вре-

мени, врачи же послѣднихъ, какъ наиболѣе знакомые съ военной медициной, командировались въ дѣйствующую армію. Нынѣ же изъ запаса врачи поступаютъ прямо въ дѣйствующія воинскія части, гдѣ неблагопріятныя, крайне тяжелыя условія походной жизни дѣлаютъ особенно отвѣтственной и трудной первоначальную подачу помощи раненымъ.

Я получилъ приказаніе завтра съ разсвѣтомъ итти со взводомъ, въ качествѣ конвоя, при капитанѣ генеральнаго штаба К. въ разъѣздъ. Цѣль разъѣзда — изслѣдованіе путей между большой этапной дорогой Лаоянъ-Фынхуанченъ и дорогой Лаоянъ-Саймадзы. Продолжительность разъѣзда около 1½ недѣль.

IV.

22 апрѣля поздно вечеромъ, послѣ недѣльнаго скитанія въ горахъ, гдѣ мы за все время не встрѣтили ни одного европейца, мы вышли на большую этапную дорогу Лаоянъ-Фынхуанченъ и расположились на ночлегъ въ деревнѣ Цау-Хе-Гау, въ лавкѣ богатаго китайскаго купца. Рекогносцировка наша была окончена и составленная капитаномъ маршрутная съемка сведена. Путей проходимыхъ не только для артиллеріи, но и для кавалеріи на всемъ изслѣдованномъ нами участкѣ не оказалось, имѣлись лишь горныя тропы, служащія путями сообщенія жителямъ многочисленныхъ бѣдныхъ деревушекъ, разбросанныхъ въ горахъ. Мы проходили въ день, находясь все время въ ходу, не болѣе 20 верстъ; иные дни шли почти исключительно пѣшкомъ, ведя коней въ поводу, но даже и при этихъ условіяхъ двигаться подчасъ было крайне тяжело. Мѣстами кони наши съѣзжали по горнымъ, каменистымъ тропамъ, буквально сидя на заду, а взбираясь на крутые, голые, каменистые перевалы, приходилось останавливаться каждые десять шаговъ, чтобы перевести дыханіе. Не обошлось и безъ несчастья:

мой взводный урядникъ Баженовъ, прекрасный, расторопный казакъ, сорвался съ конемъ подъ кручу и страшно разбился. Не имѣя съ собою фельдшера, мы съ капитаномъ, какъ умѣли, перевязали его, и онъ, хотя и очень страдая, слѣдовалъ съ нами до большой этапной дороги, откуда я отправилъ его, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, въ лаоянскій госпиталь.

Первые дни наше движеніе страшно задерживала взятая капитаномъ изъ Лаояна тяжелая фудутунка, запряженная парой муловъ. Въ этой фудутункѣ капитанъ помѣстилъ свой многочисленный багажъ. Не говоря уже о массѣ всевозможныхъ консервовъ, въ томъ числѣ двѣнадцати банкахъ съ ананасами, нѣсколькихъ ящикахъ съ мармеладомъ и т. п., тутъ находились: большой саквояжъ-несессеръ съ массою всевозможныхъ туалетныхъ принадлежностей, банокъ одеколона, туалетной воды, вежеталя, бѣлье, котораго хватило бы на цѣлый годъ похода, и т. д. Съ перваго же дня двуколка эта принесла намъ массу хлопотъ; приходилось спѣшивать людей для вытаскиванія ея на подъемахъ и торможенія при спускахъ съ переваловъ. На мои доводы объ обременительности подобнаго обоза капитанъ лишь ссылался на примѣръ ближайшей Турецкой кампаніи, когда даже тяжелыя, полевыя орудія перетаскивались на рукахъ черезъ Балканскій хребетъ... Наконецъ, убѣдившись въ полной невозможности двигаться далѣе при подобномъ обозѣ, капитанъ согласился бросить свою арбу и, купивъ въ одной изъ деревушекъ вьючныя китайскія сѣдла, помѣстилъ свой багажъ на вьюки.

Недостатка въ фуражѣ мы въ продолженіе разъѣзда не терпѣли. Въ многочисленныхъ деревушкахъ можно было легко достать чумизную солому и гаоляновое зерно, которое наши кони ѣли съ удовольствіемъ. Куры, утки и прочая птица здѣсь находились въ изобиліи, лишь съ непривычки трудно было обходиться безъ хлѣба, — кромѣ сладкихъ китайскихъ печеній на бобовомъ маслѣ, другой мучной пищи здѣсь не найти.

Мѣстность здѣсь, какъ и вообще во всей сѣверной Манчжуріи, мало красивая: скалистые, большею частью голые, лишь

мѣстами покрытые убогой растительностью, горные хребты, съ разбросанными по падямъ убогими, большею частью изъ двухъ-трехъ фанзъ, деревушками, съ многочисленными, быстро текущими горными ручьями. . .

Несмотря на раннюю весну, поражала скудость животнаго міра — не было почти совершенно тѣхъ звуковъ пернатаго царства, которыми такъ полонъ весенній воздухъ Европейской Россіи. Лишь по долинамъ горныхъ рѣчекъ попадались болѣе зажиточныя деревушки, выглядывавшія особенно весело благодаря многочисленнымъ вишневымъ деревьямъ, въ это время года покрытымъ чуднымъ цвѣтомъ. . .

Мы вошли въ деревню Цау-Хе-Гау въ полную темноту и, разбудивъ стараго китайца, владѣльца лавки, кое-какъ устроились на ночлегъ. Не имѣя болѣе недѣли никакихъ свѣдѣній изъ дѣйствующей арміи и надѣясь узнать хоть что-либо о движеніи нашихъ частей по большой этапной дорогѣ, я попробовалъ вступить въ разговоръ съ нашимъ «джангуйдой» (хозяиномъ) на томъ особенномъ воляпюкѣ, который неизмѣнно служилъ намъ при объясненіяхъ съ китайцами.

— Ходя! Лускуа джега дау ходи? *) — начинаю я.

— Ибена Тюренченъ пау-пау, лусуа ламайла, — Лаоянъ ходи **), таинственно сообщаетъ «джангуйда».

— Все вретъ, мерзавецъ, возмущаюсь я: — слышите, капитанъ, говоритъ, наши отходятъ. . .

Наскоро закусивъ холодной курицей и выпивъ чаю, ложимся спать. Ночью подымается вѣтеръ, начинается дождь, къ утру усиливающійся, — плотнѣе стараюсь съ головою укрыться буркой. . .

— Ваше высокоблагородіе, вставайте, — будитъ меня вѣстовой.

---

*) Что, другъ, русскіе этой дорогой идутъ?

**) Японцы въ Тюренченѣ стрѣляютъ; русскіе побиты, идутъ на Лаоянъ.

Въ фанзѣ холодно, сыро, дождь выбиваетъ частую дробь по оклеенным бумагою окнамъ, слышенъ какой-то равномѣрный грохотъ, точно отъ многочисленныхъ двуколокъ или телѣгъ, ѣдущихъ по дорогѣ.

— Нашихъ, сказываютъ, японцы побили, — сообщаетъ вѣстовой: — на Лаоянъ отступаютъ, вонъ, слышите, артиллерія идетъ; раненыхъ по дорогѣ тоже много идетъ. . .

Какъ ошпаренный вскакиваю съ кана и бросаюсь на дворъ, гдѣ капитанъ, стоя безъ фуражки у воротъ, разговариваетъ со стрѣлковымъ офицеромъ въ буркѣ и мохнатой мокрой папахѣ, на небольшомъ бѣломъ «манзюкѣ».

— Неужели и орудія бросили?!

— Пришлось оставить; слишкомъ ужъ неравныя силы были, да и потери громадны.

— А какъ велики наши потери?

— Въ одномъ 11-мъ полку около 900 нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя; нѣкоторыя роты безъ офицеровъ остались. . .

Боже! что же это? Неужели пораженіе? Неужели слышанное мною правда? Оставлены орудія, оставлены раненые и убитые на полѣ сраженія. . . Маленькій, еще вчера казавшійся такимъ ничтожнымъ, япошка перешелъ Ялу, отбросилъ насъ на сѣверъ, захватилъ наши орудія, нашихъ раненыхъ, оставшихся на полѣ битвы. . .

Да, это такъ! Объ этомъ свидѣтельствуютъ эти подбитыя, искалѣченныя орудія, эти рѣдкія, наполовину осиротѣвшія роты, эти блѣдные, съ перевязанными головами, подвязанными руками, въ мокрыхъ сѣрыхъ шинеляхъ люди, что поодиночкѣ или кучками по два-три человѣка, подъ дождемъ, по липкой грязи этапной дороги, отходятъ на сѣверъ. . . Сердце больно сжимается, слезы навертываются на глаза, не хочется вѣрить ужасной истинѣ. . .

Молча, не обмѣнявшись съ капитаномъ ни словомъ, вошли мы въ фанзу. Угрюмо и какъ-то поспѣшно, точно желая

скорѣе уйти отъ ужасной дѣйствительности, казаки сѣдлали коней.

Молча, безъ чая, тронулись мы въ путь на сѣверъ, по направленію къ ближайшему этапу Ланшангуань. Подъ мелкимъ, сѣявшимъ какъ сквозь сито дождемъ, по обочинамъ дороги, вытянувшись справа по одному, шелъ нашъ разъѣздъ. Мы обогоняли зарядные ящики, обозы, длинныя вереницы казенныхъ двуколокъ съ ранеными. Угрюмые, землистаго цвѣта лица, забинтованныя розовой марлей головы виднѣются изъ-подъ сѣрыхъ, мокрыхъ шинелей. . . По обѣ стороны дороги бредутъ по липкой, глинистой грязи еще раненые. Многіе въ изнеможеніи ложатся прямо въ грязь у самой дороги, или, припавъ къ землѣ, пьютъ изъ лужи грязную, желтую воду. . . Я спѣшиваю мой разъѣздъ и сажаю на коней наиболѣе приставшихъ. Но уже нѣсколько шаговъ далѣе опять попадаются выбившіеся изъ силъ, изможденные люди, лихорадочнымъ, полнымъ отчаянья взглядомъ молящіе о помощи, безъ перевязки, безъ пищи двое сутокъ бредущіе по липкой грязи. . . Я отворачиваюсь, будучи не въ силахъ имъ помочь.

При нашемъ приближеніи къ этапу Ланшангуань дождь прекратился, солнце нежданно выглянуло изъ-за тучъ. На этапѣ столпотвореніе вавилонское: масса офицеровъ генеральнаго штаба, артиллеристовъ, стрѣлковъ, въ шинеляхъ, буркахъ, шведскихъ порыжѣлыхъ курткахъ, — все это громко разговариваетъ, шумитъ и закусываетъ въ ресторанчикѣ, устроенномъ тутъ же въ дощатомъ баракѣ какимъ-то грекомъ.

На косогорѣ, гдѣ раскинулись палатки Краснаго Креста, неутомимо работаютъ врачи и сестры, перевязывая все прибывающихъ съ юга раненыхъ. Многіе молча, прислонившись къ глинобитному забору, или сидя и лежа на травѣ, ждутъ своей очереди. А вотъ слышно грустное, заунывное пѣніе, и по мостику, перекинутому черезъ протекающій тутъ же ручей, туда, гдѣ на косогорѣ виднѣются нѣсколько бѣлыхъ крестовъ, группа солдатиковъ на носилкахъ подъ сѣрой, солдатской шинелью, несетъ одного изъ тѣхъ, который въ числѣ многихъ, раненый

за сто верстъ, прибрелъ сюда, чтобы здѣсь, вдали отъ родины, найти покой...

Масса двуколокъ, арбъ, запряженныхъ мулами, верховыхъ лошадей подъ всевозможными сѣдлами столпилась на дорогѣ.

Кучки солдатъ разныхъ родовъ оружья, расположившись у ручья, варятъ чай въ мѣдныхъ походныхъ котелкахъ.

Въ группахъ офицеровъ разговоры исключительно о Тюренченскомъ дѣлѣ.

— Всѣ были герои, отъ командира полка до послѣдняго солдата, — разсказываетъ полный капитанъ съ растрепанной, русой бородой, въ папахѣ и солдатской шинели: — мы держались до послѣдней крайности, несмотря на то, что непріятеля было въ десять разъ больше. Японцы наступали колоннами, потери ихъ были громадны, песчаный берегъ чернѣлъ отъ непріятельскихъ труповъ... У насъ потери ужасны, нѣкоторые батальоны потеряли двѣ трети состава...

— Генералъ Ренненкампфъ 21-го выступилъ на югъ съ забайкальской дивизіей... разсказываетъ въ другой группѣ молодой казачій сотникъ.

Я подхожу, представляюсь и спрашиваю, не можетъ ли онъ сообщить мнѣ, гдѣ нынѣ находится отрядъ генерала.

— Я обогналъ колонну верстахъ въ двѣнадцати отсюда къ сѣверу, генералъ скоро долженъ быть здѣсь...

Дѣйствительно, черезъ полчаса генералъ Ренненкампфъ со штабомъ, опередивъ свою колонну, прибылъ въ Ланшангуань, и я, распрощавшись съ капитаномъ К., который направлялся въ Лаоянъ, въ штабъ арміи, присоединился къ своей сотнѣ.

Летучему отряду генерала Ренненкампфа приказано, ведя развѣдку на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашй арміи, въ обширномъ, гористомъ районѣ бассейновъ р.р. Айхэ и Бадаахэ, одновременно оттягивать, по возможности, силы противника, способствуя тѣмъ самымъ сосредоточенію нашихъ силъ на большой дорогѣ Лаоянъ-Фынхуанченъ, гдѣ имѣются прекрасныя позиціи. Базой нашихъ дѣйствій избранъ небольшой городокъ

Саймадзы, расположенный на узлѣ двухъ важныхъ дорогъ, ведущихъ на города Кинденсянь и Фынхуанчень. Мы прибыли сегодня, 25-го апрѣля, въ Самайдзы и отнынѣ ежедневно можемъ ожидать дѣла.

V.

Недолго пришлось намъ ждать дѣла. На слѣдующій же день нашего прихода въ Саймадзы генералъ Ренненкампфъ рѣшилъ произвести поискъ въ сторону города Кинденсянь, расположеннаго въ 60 верстахъ къ ю.-в. отъ Саймадзы, и откуда японцы 22 апрѣля вытѣснили казаковъ 1-го Аргунскаго казачьяго полка, причемъ одинъ убитый казакъ былъ оставленъ въ городѣ. Въ 9 часовъ утра двѣ казачьи сотни и конно-охотничья команда подъ общимъ начальствомъ есаула князя Карагеоргіевича были направлены по дорогѣ на городъ Кинденсянь. Въ деревнѣ Аянямынь, на полдорогѣ, къ намъ должна была присоединиться еще одна сотня 1-го Аргунскаго казачьяго полка, стоявшая тамъ на передовой заставѣ. Отрядъ князя Карагеоргіевича долженъ былъ занять скалистый перевалъ Шау-Го въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Кинденсяня, а въ послѣдній городъ бросить разъѣздъ, съ цѣлью провѣрить свѣдѣнія о присутствіи тамъ непріятеля, и буде городъ занятъ, выяснить силы противника.

Мы выступили въ знойную, безвѣтренную погоду. Дорога шла большею частью скалистыми, узкими ущельями, сдавленными съ обѣихъ сторонъ отвѣсными, лишенными почти совершенно древесной растительности хребтами. То и дѣло путь нашъ пересѣкался горными ручьями и рѣчками съ каменистымъ, покрытымъ галькою ложемъ. Бѣдныя, въ двѣ-три фанзы, деревушки ютились въ многочисленныхъ «падяхъ» и «отпадкахъ» горъ. Лохматыя, сонныя собаки и грязныя, черныя, съ отвислымъ брюхомъ «чушки» бродили по улицамъ деревни. Китай-

цы, бронзовые, почти голые «ходя», высыпали на дорогу при нашемъ приближеніи, протягивая казакамъ въ деревянныхъ корчагахъ студеную воду изъ глубокихъ, выложенныхъ камнемъ колодцевъ. Они, видимо, всячески старались задобрить насъ, дрожа за свое незатѣйливое имущество. Бѣдный, несчастный народъ! Завтра съ тѣмъ же подобострастіемъ онъ будетъ встрѣчать желтолицыхъ японскихъ драгунъ, ожидая ежедневно лишенія послѣдняго скуднаго своего добра, а можетъ быть и жизни.

Сдѣлавъ по дорогѣ часовой привалъ въ деревнѣ Аянямынь, мы въ 4 часа дня подошли къ перевалу Шау-Го, оказавшемуся свободнымъ отъ непріятеля. Князь Карагеоргіевичъ приказалъ мнѣ, вызвавъ казаковъ-охотниковъ, идти съ разъѣздомъ на Кинденсянь. Охотниковъ оказалось много, и, выбравъ 10 человѣкъ, я въ 5 часовъ тронулся въ путь. Картъ, кромѣ двадцативерстныхъ, у насъ не было, и я шелъ по кроки, сдѣланному мнѣ есауломъ 1-го Аргунскаго казачьяго полка Тютчевымъ, бывшимъ уже разъ въ Кинденсянѣ. Переводчикомъ долженъ былъ мнѣ служить казакъ моей сотни Терентій Перебоевъ, изучившій «мало-мало» китайскій языкъ въ прошлую Китайскую кампанію.

Мы двигались шагомъ, тщательно осматривая впереди лежащую мѣстность, вдоль горнаго ручья, мѣстами почти пересохшаго. Гористая, съ массою складокъ, мѣстность легко способствовала устройству засадъ и требовала особой осторожности при движеніи. На наши разспросы о непріятелѣ китайцы отговаривались полнымъ невѣдѣніемъ, на всѣ наши вопросы повторяя «пуджидау» (не знаю). Старый, полуслѣпой «джангуйда», копошившійся въ дворѣ полуразвалившейся, одинокой фанзы, сообщилъ намъ, что наканунѣ восемь конныхъ японцевъ заѣзжали къ нему и взяли его единственную курицу. Очевидно, это былъ непріятельскій разъѣздъ. Наступали сумерки, какъ это здѣсь всегда въ это время бываетъ, очень быстро. Я выслалъ двухъ дозорныхъ на бѣлыхъ коняхъ, но скоро и ихъ стало плохо видно.

Передъ нами открылась котловина и замелькали на днѣ ея огоньки Кинденсяня. До города оставалось версты двѣ. Ясно было, что значительныхъ силъ противника въ городѣ быть не могло, иначе на перевалѣ была бы выставлена застава. Въ городѣ могла находиться лишь небольшая часть. Такъ какъ двигаться скрытно далѣе съ разъѣздомъ было нельзя, то, спѣшивъ людей на перевалѣ, я спустился съ Перебоевымъ вдвоемъ пѣшкомъ въ котловину и, соблюдая полную тишину, направился къ городу. На днѣ котловины насъ охватила холодная сырость. Сумерки окутали насъ густой пеленой, и полная тишина нарушалась лишь доносившимся до насъ лаемъ собакъ въ городѣ да рокотомъ воды по каменистому ложу ручья. Было жутко, сердце громко стучало, казалось, вотъ-вотъ раздастся окрикъ японскаго часового и блеснетъ въ упоръ выстрѣлъ. . . Передъ нами чернѣла городская стѣна, мѣстами обвалившаяся. . . Съ винтовками въ рукахъ мы крались вдоль нея къ широкимъ городскимъ воротамъ, прислушиваясь къ каждому шороху, до боли вглядываясь въ горную ночную мглу. Все тихо. . . Широкая улица китайскаго города, съ рядами закрытыхъ лавокъ, спитъ. Въ ближайшей къ воротамъ фанзѣ свѣтится огонекъ и слышенъ китайскій говоръ. Изрѣдка прокричитъ гдѣ-то мулъ, или залаетъ собака. . .

Цѣль разъѣзда достигнута, мы дошли до Кинденсяня и обнаружили въ немъ полное отсутствіе непріятеля. Весело, быстро шагая и дѣлясь пережитыми впечатлѣніями, подымаемся мы съ Перебоевымъ на перевалъ, гдѣ казаки безпокоятся нашимъ долгимъ отсутствіемъ. Мы сдѣлали сегодня около 60 верстъ, до Шау-Го намъ осталось еще 20, и я, отойдя на 6 верстъ, останавливаюсь въ небольшой деревушкѣ подкормить коней и напиться чаю. У кого-то изъ казаковъ оказываются приторoченными къ сѣдлу двѣ утки, и вкусная похлебка вознаграждаетъ насъ за труды дня. Отдохнувъ 2½ часа, мы трогаемся въ путь и, едва забрезжилъ разсвѣтъ, подходимъ къ сонному биваку Шау-Го. Наканунѣ вечеромъ сюда подошелъ генералъ Ренненкампфъ съ остальнымъ отрядомъ, и я

3*

являюсь ему доложить о разъѣздѣ. Застаю генерала уже вставшаго, какъ и всегда, въ 5 часовъ. Въ желтой, чесунчовой рубахѣ, съ Георгіемъ 3-й степени на шеѣ и въ разстегнутой черной шведской курткѣ, генералъ пьетъ чай, сидя на канѣ, и громкимъ, отрывистымъ голосомъ диктуетъ какое-то приказаніе начальнику штаба. Отъ всей фигуры генерала, нѣсколько тучной, но плотной и мускулистой, вѣетъ энергіей и силой.

Онъ внимательно выслушиваетъ меня, изрѣдка, какъ бы про себя, вставляя краткія замѣчанія, сразу освѣщающія, повидимому, незначительныя мелочи и ярко выясняющія общую обстановку.

— Евгеній Александровичъ, отдайте приказаніе черезъ часъ тремъ сотнямъ быть готовыми къ выступленію, — отдаетъ приказаніе генералъ начальнику штаба: — надо пощупать японцевъ. . .

Оставя отрядъ въ Шау-Го, генералъ съ тремя сотнями направляется на Кинденсянь. Я едва успѣваю напиться чаю и перемѣнить лошадь, какъ мы уже выступаемъ. Быстро двигается отрядъ по знакомой мнѣ уже дорогѣ. Три версты не доѣзжая города, генералъ высылаетъ три взвода, чтобы занять всѣ трое городскихъ воротъ съ приказаніемъ никого изъ города не выпускать. Приказаніе вызвано тѣмъ, что, подходя къ городу, пойманъ сигнализирующій краснымъ флагомъ китаецъ. Въ колоннѣ справа по три втягивается въ городскія ворота отрядъ. Генералъ со штабомъ направляется къ тифангуану, офицеры, сидя въ китайской лавкѣ, пьютъ чай съ сладкими китайскими печеньями, казаки тащатъ для коней снопы чумизы и бобовые жмыхи. При входѣ въ городъ китайцы указали намъ трупъ казака 1-го Аргунскаго полка, убитаго еще 22 апрѣля и до сего времени не похороненнаго. Генералъ приказалъ немедленно приступить къ похоронамъ несчастнаго, и у стѣны китайской кумирни нѣсколько казаковъ роютъ могилу. . . Я стою съ карауломъ у городскихъ воротъ; послѣ сильныхъ впечатлѣній, безсонной ночи и сутокъ, проведенныхъ все время въ сѣдлѣ, клонитъ ко сну. По улицѣ снуютъ китайцы, пробѣгаютъ къ

колодцу казаки съ котелками въ рукахъ. . . Мимо меня, приподнявшись на стременахъ и поднимая облако пыли, быстрой рысью проѣзжаетъ казакъ. Онъ сворачиваетъ къ кумирнѣ, гдѣ хоронятъ убитаго казака, и скрывается съ моихъ глазъ. . . Не проходитъ и пяти минутъ, какъ на улицѣ подымается страшная суета: бѣгутъ офицеры, на ходу поправляя аммуницію, изъ фанзъ выскакиваютъ казаки, выплескивая изъ котелковъ недопитый чай, другіе выводятъ изъ дворовъ коней — сотни быстро строятся на улицѣ. Китайцы, почуявъ тревогу, поспѣшно закрываютъ лавки и тяжелыя двустворчатыя ворота. Карауламъ, выставленнымъ у воротъ города, приказано сниматься и присоединяться къ своимъ сотнямъ, — съ заставы получено донесеніе о наступленіи непріятеля, и мы выступаемъ изъ города. Нашей 5-й сотнѣ приказано занять холмистый гребень къ западу отъ города. Мы быстро спѣшиваемся и разсыпаемъ стрѣлковую цѣпь. Въ бинокль ясно видны въ долинѣ, между группами деревъ, наступающія перебѣжками, непріятельскія цѣпи. Повидимому, здѣсь около двухъ ротъ. Вонъ изъ рощи показались три всадника и остановились у небольшой деревушки. Лѣвѣе отъ насъ, тамъ, гдѣ наша вторая сотня, слышны выстрѣлы. Мы тоже даемъ два залпа, но за дальностью разстоянія, надо думать, они безвредны. Имѣя всего три сотни, мы, очевидно, серьезнаго боя принять не можемъ, и генералъ приказываетъ отступать. Японцы насъ не преслѣдуютъ, и мы медленно отходимъ по направленію на Шау-Го. Въ этомъ первомъ дѣлѣ нашей сотнѣ не пришлось быть подъ огнемъ, во второй же сотнѣ раненъ казакъ и двѣ лошади.

VI.

Вотъ уже восемь дней, какъ мы стоимъ въ Саймадзы. За это время генералъ Ренненкампфъ произвелъ 3-го мая еще одну рекогносцировку по дорогѣ на городъ Фынхуанченъ, гдѣ у

деревни Хай-чу-мындзы обнаружены значительныя силы противника. Къ сожалѣнію, нашей сотнѣ не пришлось участвовать въ этой рекогносцировкѣ, мы со второго на третье мая занимали сторожевое охраненіе въ окрестностяхъ Саймадзы. Желая, хоть отчасти, узнать о томъ, что дѣлается за завѣсой непріятельскихъ постовъ, генералъ Ренненкампфъ отправилъ изъ Саймадзы въ расположеніе японцевъ нѣсколько китайцевъ-шпіоновъ. Изъ нихъ осбыя надежды возлагалъ генералъ на нашего китайца-переводчика Андрея, крещенаго китайца, бывшаго еще въ прошлую Китайскую кампанію на русской службѣ. Переодѣвшись китайскимъ нищимъ, Андрей благополучно прошелъ къ японцамъ и принесъ извѣстіе, что непріятель сосредоточивается въ значительныхъ силахъ близъ города Фынхуанчена. Извѣстіе это представлялось крайне важнымъ и для провѣрки полученныхъ свѣдѣній генералъ рѣшилъ отправить рядъ небольшихъ разъѣздовъ, долженствующихъ проникнуть сквозь непріятельское сторожевое охраненіе въ тылъ противника. Охотниками итти вызвались поголовно всѣ офицеры отряда, такъ что пришлось кинуть жребій, который и вытянули: есаулъ князь Карагеоргіевичъ (съ нимъ ушелъ хорунжій графъ Беннигсенъ), есаулъ Гулевичъ (съ нимъ отправился хорунжій графъ Бенкендорфъ), ротмистръ Дроздовскій (взявшій съ собой хорунжаго Гудіева), подъесаулъ Миллеръ, сотникъ Казачихинъ и хорунжій Роговскій. Въ виду невозможности проникнуть черезъ непріятельское сторожевое охраненіе въ конномъ строю, развѣдчики ушли пѣшкомъ, каждый съ тремя-четырьмя казаками-охотниками. Они ушли вчера и вернутся не ранѣе 2—3 недѣль. Если вернутся. . . При той тщательности, съ которой охраняются японцы, при несочувствіи къ намъ, русскимъ, мѣстнаго населенія, при отсутствіи точныхъ, подробныхъ картъ, многіе изъ нихъ, вѣроятно, поплатятся за свой смѣлый подвигъ. Съ грустью, хотя и съ нѣкоторой завистью въ душѣ, провожали мы ихъ, мысленно благословляя на высокое дѣло...

Все это время стоитъ жаркая, сухая погода. Казаки помѣщаются въ фанзахъ, гдѣ духота адская, несмотря на то, что

21

сняты съ петель всѣ двери и выставлены оклеенныя бумагою оконныя рамы. Мы, офицеры, помѣщаемся или въ палаткахъ (у кого таковыя есть), или въ шалашахъ изъ плотныхъ китайскихъ цыновокъ. Очень страдаемъ отъ недостатка пищевыхъ продуктовъ и фуража. Приходится ежедневно ѣздить на фуражировку верстъ за 15—20, ближайшіе запасы всѣ съѣдены. Здѣшняя мѣстность, гористая и безплодная, крайне бѣдна, къ тому же зимніе запасы населенія къ веснѣ уже истощились, и зерно остается лишь необходимое для обсѣмененія. Китайцы тщательно прячутъ отъ насъ все, что только возможно, угоняя скотъ далеко въ горы и зарывая зерно въ землю. Даже куръ, гусей и утокъ ухитряются скрывать они въ особыхъ погребкахъ, которые сверху маскируютъ всякими способами. Такіе погреба называются нашими забайкальцами «потайниками». Есть между казаками особые спеціалисты по отысканію этихъ «потайниковъ». Такъ на дняхъ одинъ изъ казаковъ моей сотни разыскалъ такой «потайникъ», устроенный среди китайскаго огорода. Погребъ, укрѣпленный деревяннымъ срубомъ, былъ сверху присыпанъ землей, на которой были устроены грядки и даже посѣяна какая-то трава. Въ этомъ «потайникѣ» мы нашли нѣсколько громадныхъ кувшиновъ съ чумизнымъ зерномъ и около 100 яицъ.

Я часто поражаюсь способностью казака помѣщать невѣроятное количество всякихъ предметовъ на сѣдло и въ сумы. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ того фокусника въ циркѣ, который изъ цилиндра вынимаетъ на вашихъ глазахъ куръ, кроликовъ и наконецъ, акваріумъ съ рыбами! . . Чего-чего только вы не найдете у казака: тутъ и китайскія улы (родъ поршней), и пачки китайскаго табаку, и «лендо» — серпъ для подрѣзыванья гаоляна, и завернутыя въ бумагу «цаухагау» — сладкія печенья на бобовомъ маслѣ. Къ сѣдлу приторочены нѣсколько куръ и утокъ, а иногда и цѣлый поросенокъ. Казакъ удивительно быстро устраивается съ закуской; не успѣете вы спѣшить сотню, какъ ужъ вода кипитъ въ котелкахъ, и казакъ «чаюетъ», или варитъ супъ. На переходахъ я люблю итти

сзади сотни и наблюдать: сотня втягивается въ какую-нибудь деревушку, смотришь — одинъ, другой казакъ незамѣтно выѣзжаетъ изъ строя и заворачиваетъ въ какой-нибудь дворъ. Оттуда съ крикомъ вылетаютъ куры, съ визгомъ подъ ворота выскакиваетъ поросенокъ. . . По выходѣ изъ деревни порядокъ быстро возстановляется, и лишь несущійся отъ сотни по вѣтру пухъ свидѣтельствуетъ, что супъ будетъ съ хорошимъ наваромъ. Я долженъ засвидѣтельствовать, что до сего времени не слышалъ ни одной жалобы на присвоеніе казаками какого-либо китайскаго имущества, — я подразумѣваю предметы неудобоваримые. Что же касается всякаго рода живности или фуража, то безвозмездное присвоеніе ихъ не составляетъ въ понятіи казака чего-либо предосудительнаго. Я помню, какъ неподдѣльно недоумѣвалъ, даже возмущался мой взводный урядникъ, когда я во время фуражировокъ платилъ китайцамъ за забираемые продукты.

— За что же, ваше высокоблагородіе, платить имъ, вѣдь мы же имущества ихняго не беремъ, — убѣждалъ онъ меня, порицая, видимо, въ душѣ мою расточительность. Въ этомъ отношеніи казакъ не пожалѣетъ и своего офицера: взятые нами консервы, которые мы приберегали для трудной минуты жизни, исчезали какъ дымъ. У моего командира сотни были двѣ бутылки краснаго вина. Въ одинъ прекрасный день обѣ оказались пустыми, хотя самыя бутылки были цѣлы и пробки даже не распечатаны.

— Гдѣ вино! — строго спрашиваетъ у вѣстового есаулъ.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе, однако, вытекло — невозмутимо отвѣчаетъ вѣстовой.

Послѣ продолжительнаго, тщательнаго осмотра оказывается, что дно бутылки незамѣтно просверлено. . . Правда, что казакъ, самъ доставъ что-либо съѣдобное, непремѣнно съ вами подѣлится, какъ бы голоденъ самъ ни былъ. А голодны теперь и мы, и лошади постоянно. Вотъ уже три дня, какъ люди не получаютъ мяса, довольствуясь исключительно кукурузными лепешками на бобовомъ маслѣ. Это бобовое масло такъ против-

но, что, несмотря на голодъ, я не въ состоянiи его переносить; мой вѣстовой печетъ мнѣ тѣ же кукурузныя лепешки на водѣ. Чай пьемъ безъ сахару, даже чернаго, китайскаго негдѣ достать... Послѣднiе два дня кормимъ лошадей гаоляновыми крышами, нѣсколько коней пало, дальнѣйшая стоянка здѣсь погубитъ конскiй составъ!

Сегодня прошелъ слухъ, что генералъ Ренненкампфъ рѣшилъ передвинуться на свѣжiя мѣста. Дай-то Богъ!..

VII.

8 мая, въ 11 часовъ дня мы покинули голодное Саймадзы. Три сотни, въ томъ числѣ и наша, пятая, подъ общимъ начальствомъ войскового старшины Хрулева были направлены въ качествѣ авангарда черезъ деревню Аянямынь и далѣе на юго-западъ по дорогѣ Аянямынь-Шитаученъ-Фынхуанченъ. Остальной отрядъ слѣдовалъ за нами въ одномъ переходѣ. Переночевавъ въ Аянямынѣ, нашъ авангардъ 9 мая, въ 11 часовъ утра прибылъ въ деревню Шидзяпудза, въ 16 верстахъ къ юго-западу отъ Аянямыня, гдѣ и расположился бивуакомъ, выставивъ въ деревнѣ Ляншуйчуандзы, по дорогѣ на Шитаученъ, заставу. По словамъ китайцевъ, городъ Шитаученъ былъ занятъ значительными силами противника, и, для провѣрки этихъ свѣдѣнiй, войсковой старшина Хрулевъ приказалъ мнѣ, подкормивъ коней, итти съ 15 казаками по направленiю города Шитаучена и, ежели возможно, достигнуть этого пункта. До Шитуачена оставалось еще 18 верстъ, и я, подкормивъ коней, въ 2 часа дня двинулся по указанному мнѣ направленiю.

Дабы, двигаясь возможно быстро, не попасть въ то же время на непрiятельскую засаду, я прибѣгъ къ предосторожности, примѣняемой постоянно японскими разъѣздами. Въ деревнѣ Шидзяпудза мною былъ взятъ молодой китаецъ, хорошо знающiй дорогу на Шитаученъ, который, слѣдуя впереди мо-

его разъѣзда, долженъ былъ условнымъ знакомъ дать мнѣ знать о присутствіи непріятеля. Его семья въ качествѣ заложниковъ была взята мною, съ предупрежденіемъ, что ей грозитъ поголовная смерть въ случаѣ измѣны проводника.

Мы шли безпрепятственно, не встрѣчая на пути непріятеля. На наши разспросы китайцы единогласно показывали, что въ Шитаученѣ «ибенъ ю» (японцы есть), и что непріятельскіе разъѣзды ежедневно шныряютъ по нашей дорогѣ. У деревни Тудзяландзе, на противоположномъ берегу р. Айхэ, показался непріятельскій разъѣздъ изъ 6 человѣкъ, быстро скрывшійся въ ущельи. Не доходя верстъ пяти до Шитаучена намъ встрѣтилась тяжелая, двухколесная арба, нагруженная всевозможнымъ домашнимъ скарбомъ. На арбѣ, запряженной бѣлымъ, слѣпымъ муломъ и коровой, сидѣли три «бабушки» и двое ребятъ. Старый китаецъ въ соломенной, конусовидной шляпѣ, изъ-подъ которой торчала обмызганная сѣдая косичка, шелъ рядомъ съ своей оригинальной запряжкой. Я остановилъ его:

— Эй, ходя! Шитаученъ ибенъ ю? *)

— Мею, мею... Дапу ибенъ много-много... **)

— Машинка ю твоя кантами, — грожу я. ***)

— Мею, мею, машинка... ****) — увѣряетъ китаецъ. Онъ оказывается правъ, и мы безпрепятственно входимъ въ городокъ. Выставивъ постъ у выхода на фынхуанченскую дорогу, я захожу въ лавку богатаго китайскаго купца. Толстый «купеза» оказывается, «мало-мало» говоритъ по-русски, увѣряетъ меня, что «шибко моя—твоя знакомъ» и угощаетъ чаемъ съ сладкими печеньями. Онъ сообщаетъ, что японцы ежедневно бываютъ въ городѣ и еще сегодня утромъ здѣсь были ихъ фуражиры. По его словамъ, 100 человѣкъ японской «мадуй»

---

*) Эй, другъ, въ Шитаученѣ есть японцы?

**) Нѣтъ, нѣтъ, въ Дапу японцевъ много.

***) Ежели врешь, отрублю голову...

****) Не вру, не вру...

(кавалеріи) и около 1000 «пудуй» (пѣхоты) стоятъ въ деревнѣ Дапу *), въ 10 верстахъ южнѣе. Это, надо думать, фынхуанченскій авангардъ.

Наша бесѣда прервана прискакавшимъ съ поста казакомъ, докладывающимъ, что по дорогѣ къ Дапу видна сильная пыль, — повидимому, идетъ кавалерія. Приказавъ разъѣзду шагомъ отходить, я скачу снять постъ. Въ полуторахъ верстахъ ясно виденъ въ облакахъ пыли идущій крупной рысью непріятельскій эскадронъ. На фонѣ темныхъ силуэтовъ коней изрѣдка сверкаетъ оружіе всадника. . . Мы присоединяемся къ разъѣзду и рысью отходимъ отъ Шитаучена. Въ то время, какъ мы проходимъ въ бродъ рѣчку, облако пыли поднимается надъ городомъ.

Сумерки быстро надвигаются, мы сдѣлали сегодня около 40 верстъ, и я, отойдя верстъ 6, останавливаюсь на привалъ. При быстромъ нашемъ отходѣ мы совсѣмъ забыли о нашемъ проводникѣ. Онъ вскорѣ является къ намъ, испуганный и блѣдный. Онъ зашелъ въ городѣ мирно «почефонить» къ знакомому китайцу и ничего не зналъ о нашемъ уходѣ, когда на улицѣ показался японскій эскадронъ. По его словамъ, японцы оставались въ городѣ около получаса, разспрашивали китайцевъ объ насъ и ушли обратно по дорогѣ къ Дапу. Онъ подтвердилъ, со словъ знакомыхъ ему жителей Шитаучена, тѣ свѣдѣнія о непріятелѣ, которыя я имѣлъ отъ толстаго «купезы»; я послалъ донесеніе войсковому старшинѣ Хрулеву и въ 12 часовъ выступилъ въ Шидзяпудзу, куда прибылъ на разсвѣтѣ. По многочисленнымъ огнямъ бивака я догадался, что сюда прибылъ уже генералъ Ренненкампфъ съ отрядомъ. Несмотря на ранній часъ, генералъ уже не спалъ. Я засталъ его, какъ всегда, бодраго и энергичнаго, умывающимся изъ холоднаго, быстраго ручья. Генералъ благодарилъ меня на разъ-

---

*) Дапу — деревня при сліяніи р.р. Айхэ и Бадьо-хэ въ 18 вер. къ сѣверу-востоку отъ гор. Фынхуанчена.

ѣздъ и, сказавъ, что черезъ два часа выступаетъ на Шитаученъ, приказалъ итти съ головнымъ отрядомъ. Вторая лошадь моя хромала, и генералъ далъ мнѣ одну изъ своихъ — бѣлаго китайскаго иноходчика.

Въ 5 часовъ мы выступили на Шитаученъ, куда и прибыли безпрепятственно. Бивакъ раскинули у входа въ городъ на гаоляновомъ полѣ, и я, растянувшись въ палаткѣ на буркѣ, поспѣшилъ вознаградить себя за безсонную ночь. Къ вечеру сталъ накрапывать дождь, ночью усилившійся, и къ утру весь бивакъ оказался въ страшной грязи...

Мы вступили на Дапу въ 8 часовъ утра. Наша сотня была назначена въ прикрытіе обоза, и мы шли въ хвостѣ колонны. Едва головная сотня лавой вошла въ деревню Дапу, какъ раздались выстрѣлы. Перестрѣлка усиливалась, колонна остановилась, головныя сотни одна за другой, поочередно, втягивались въ дѣло. Близъ насъ, въ небольшой, изъ десятка деревъ, рощицѣ расположился перевязочный пунктъ летучаго отряда Краснаго Креста. Милѣйшій докторъ Кюммель, засучивъ рукава, раскладывалъ хирургическіе инструменты, фельдшеръ кипятилъ въ котелкѣ воду. Раненые вскорѣ стали прибывать. Вотъ блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, безъ фуражки, верхомъ на казачьей лошади сотникъ Улагай. Лѣвая рука его безжизненно виситъ вдоль тѣла, правая судорожно прижата къ груди. Конный казакъ ведетъ въ поводу его лошадь. Раненому осторожно помогаютъ слѣзть съ лошади и усаживаютъ на камень. Онъ харкаетъ кровью... Пуля пробила лѣвое легкое... Мелкій дождь продолжаетъ накрапывать. Командиръ нашей сотни сотникъ князь Магаловъ снимаетъ свой башлыкъ и накрываетъ имъ раненаго. Тотъ молча, съ благодарностью, киваетъ головой. Вотъ четверо казаковъ на носилкахъ приносятъ тяжело раненаго товарища. Лицо его какъ-то посѣрѣло, онъ стонетъ и безпокойно мотаетъ головой... Цѣль рекогносцировки достигнута, непріятель развернулъ свои силы, и дальнѣйшее упорство съ нашей стороны повлечетъ за собой лишь ненужныя потери... Въ долинѣ направо видна отходящая ла-

вой подъ выстрѣлами непріятеля третья сотня, графа Комаровскаго... Приказано отходить, и сотни вытягиваются по дорогѣ на Аянямынь.

VIII.

Переночевавъ въ деревнѣ Лао-Бянь-Гоу, генералъ, отправивъ часть отряда и раненыхъ въ Аянямынь, съ остальными сотнями двинулся вверхъ по теченію рѣки Айхэ на перевалъ Шау-Го, съ цѣлью вновь нащупать непріятеля по дорогѣ на гор. Кинденсянь. Солнце пекло немилосердно. Горная, каменистая дорога, вѣрнѣе тропа, то вилась по дикому, скалистому хребту, то спускалась въ узкое, глубокое ущелье. Лошади скользили, срывались, падали на колѣни... Въ одномъ мѣстѣ въ хвостѣ колонны послышались выстрѣлы. Хорунжій Рыжковъ, въ сѣрой рубахѣ и сдвинутой на затылокъ папахѣ, рысью обгонялъ колонну.

— Что тамъ за выстрѣлы? Не знаешь? — окликаю его.

— Китайцы-сволочь сигнализируютъ... Оболенскій приказалъ казакамъ ихъ снять, — на ходу отвѣчаетъ онъ.

Мы подходимъ къ Шау-Го въ полную темноту, бросивъ по дорогѣ 11 лошадей, выбившихся изъ силъ. Четвертая сотня есаула Власова уходитъ занимать сторожевое охраненіе, а мы, закусивъ изжареннымъ на кострѣ шашлыкомъ и напившись чаю, располагаемся на ночлегъ. Душно. Я откидываю всѣ полы палатки. Кругомъ мелькаютъ огни костровъ, серебристый дымъ тянется кверху. Слышно, какъ кони жуютъ солому, да изрѣдка взвизгнетъ разсердившійся мулъ и раздастся сердитый окрикъ дежурнаго казака... Дремота понемногу охватываетъ меня, и я засыпаю.

Кто-то дергаетъ меня за ногу, сквозь сонъ слышу голосъ князя Магалова.

— Вставай, вставай! Японцы стрѣляютъ по биваку! . .

Вскакиваю, спросонья еще плохо соображая. Слышна близкая ружейная трескотня. На бивакѣ суматоха, мелькаютъ силуэты казаковъ, спѣшно тушатъ костры, безпокойно топчутся въ темнотѣ лошади. Я быстро натягиваю сапоги и, на ходу прилаживая аммуницію, бѣгу къ сотнѣ. Пули часто, какъ-то особенно рѣзко, свищутъ въ воздухѣ. Вотъ одна щелкнула въ каменный заборъ фанзы, другая, съ яснымъ, сухимъ звукомъ, хватила въ стволъ дерева, пугнувъ, круто шарахнувшихся, привязанныхъ тутъ же коней.

На большомъ плоскомъ камнѣ у ручья стоитъ генералъ со штабомъ. Его плотная, энергичная фигура ясно выдѣляется въ темнотѣ. Онъ здоровается съ людьми громкимъ, спокойнымъ, даже веселымъ голосомъ.

— Здорово, пятая сотня!!!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

— Веселѣй, братцы! Пусть японецъ хорошенько слышитъ!

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Спотыкаясь и падая въ темнотѣ, мы бѣжимъ въ цѣпь. На бивакѣ сѣдлаютъ коней, собираютъ вьюки.

Наша сотня занимаетъ вспаханный подъ гаоляновое поле, холмистый гребень. Ночь облачна и темнота не даетъ возможности разглядѣть непріятеля. Но вотъ въ кустахъ мелькнулъ огонь, грянулъ залпъ, и надъ нами, жужжа, какъ рой пчелъ, понеслись пули. — «Прицѣлъ постоянный. Прямо по противнику. Сотня пли»! Трахъ. . . — «Еще разъ»! — Трахъ. . . трахъ гремятъ наши залпы. Непріятель, видимо, не рѣшается атаковать насъ, а стрѣльба его за темнотой мало дѣйствительна. Лѣвѣе насъ слышны частые залпы четвертой сотни.

Лошади посѣдланы, вьюки собраны, и генералъ приказываетъ отходить подъ прикрытіемъ второй Нерчинской сотни князя Меликова. Мы отступаемъ по дорогѣ на Аянямынь, и темная, извилистая полоса нашей колонны вытягивается по дорогѣ. Сзади гремятъ еще непріятельскіе залпы, и излетныя пу-

ли изрѣдка жалобно поютъ въ воздухѣ. Мы отходимъ въ полномъ порядкѣ, не оставивъ на бивакѣ ни одной палатки, ни одного котелка. Генералъ отдаетъ приказаніе, и трубачи Нерчинскаго полка играютъ гимнъ. Сотни голосовъ подхватываютъ, и торжественные, чудные звуки «Боже Царя храни» несутся въ воздухѣ, плывутъ и таютъ въ темнотѣ, достигая во мракѣ ночи затаившагося врага.

IX.

Послѣ безсонной, полной сильныхъ ощущеній ночи у Шау-Го мы подошли къ деревнѣ Аянямынь, гдѣ и расположились бивакомъ на берегу ручья. Послѣ тяжелыхъ, разнообразныхъ впечатлѣній послѣднихъ дней, мы рады были нѣсколько отдохнуть, выспаться и подчиститься. Казаки перековывали лошадей, чинили и мыли бѣлье, кони отлеживались и отъѣдались вкусной, чумизной соломой. Но не долго пришлось намъ пользоваться благодѣтельнымъ отдыхомъ. 15-го утромъ было получено донесеніе съ заставы, что непріятель наступаетъ со стороны Шау-Го. Сторожевое охраненіе занимала вторая сотня храбраго подъесаула Шундѣева, на подкрѣпленіе которому была выслана наша, дежурная, пятая сотня. Мы пошли на рысяхъ по направленію къ перевалу, занимаемому нашей заставой. У подножія хребта намъ встрѣчается конный казакъ.

— Куда? — окликаетъ его князь Магаловъ.

— Донесеніе начальнику отряда, ваше сіятельство.

— Ну что — какъ у васъ?

— Японецъ шибко наступаетъ... Ихъ высокоблагородіе командира сотни ранили, — сообщаетъ казакъ.

Оставивъ коноводовъ въ долинѣ, мы съ стрѣлками подымаемся на перевалъ. Здѣсь залегла цѣпь. Прильнувши къ землѣ, укрываясь за каждымъ камнемъ и кустикомъ, казаки от-

крыли мѣткій одиночный огонь по наступающимъ перебѣжками цѣпямъ противника.

Подъесаулъ Шундѣевъ, слегка прихрамывая (онъ легко раненъ въ ногу), провѣряетъ прицѣлъ стрѣлковъ.

— Возьмите взводъ и займите вонъ ту деревушку внизу, направо, — приказываетъ онъ мнѣ: — у меня тамъ стоитъ взводъ, но его недостаточно.

Быстро сбѣгаю подъ гору къ коноводамъ и на рысяхъ иду къ указанной деревнѣ. Маленькая, въ четыре фанзы, деревушка расположена какъ разъ въ устьѣ узкаго отпадка, въ который ведетъ каменистая дорога. Если японцы пожелаютъ охватить нашъ правый флангъ, ихъ можно ожидать здѣсь. Пока ничего съ этой стороны не видно. Сзади насъ слышны залпы, перестрѣлка усиливается. . .

Но вотъ изъ-за поворота дороги, въ падинкѣ показываются восемь всадниковъ. Шагомъ, часто останавливаясь, точно ощупью, подвигаются они къ намъ. Плотно прижавшись къ землѣ, затаились за каменной стѣнкой казаки. Зорко впились глаза въ приближающагося противника, руки судорожно сжимаютъ винтовки. Непріятельскій разъѣздъ остановился. Обнаружилъ ли себя неосторожнымъ движеніемъ одинъ изъ казаковъ, или просто почуялъ врагъ коварную засаду. . .

— Пли! командую я.

Грянулъ залпъ, и одна изъ лошадей грузно рухнула оземь. Остальныя круто повернули назадъ. Придавленный убитымъ конемъ всадникъ барахтается на землѣ, стараясь высвободить прижатую лошадью ногу. . . Вотъ онъ вскочилъ и бросился бѣжать назадъ по долинѣ.

— Трахъ. . . Трахъ. . . гремятъ выстрѣлы, и японецъ, какъ-то свернувшись, падаетъ ничкомъ и остается лежать на дорогѣ, широко раскинувъ руки. Казаки весело гогочутъ:

— Здорово, паря, уложилъ, — словно зайца. . .

Съ дальняго хребта раздаются одиночные выстрѣлы, и пули начинаютъ щелкать по каменной стѣнкѣ нашего двора. Взводный урядникъ моей сотни Прокопій Пѣшковъ выронилъ

Бессарабія, конецъ 1916 г. Генералъ-Маіоръ Баронъ П. Н. Врангель во главѣ офицеровъ 1-го Нерчинскаго Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича казачьяго полка.

Оригиналъ принадлежитъ В. Н. Влескову.

винтовку и какъ-то сразу осунулся за стѣнку, но снова поднялся и, порвавъ зубами перевязочный пакетикъ, который имѣется у каждаго казака, розовой марлей обматываетъ лѣвую руку.

— Что, Пѣшковъ, раненъ? — освѣдомляюсь я.

— Палецъ маленько сорвало, — спокойно отвѣчаетъ онъ и, перевязавъ руку, продолжаетъ стрѣлять.

Непріятель, видимо, пытается обойти нашъ правый флангъ. На дальнемъ хребтѣ видны его пѣхотныя цѣпи.

Я посылаю донесенье начальнику отряда. По долинѣ Айхэ видны отступающія лавою сотни. Пора отходить и намъ, и я командую: «Къ конямъ! . .» Быстро, пригнувшись, стараясь воспользоваться прикрытіемъ, бѣжимъ мы вдоль стѣнки къ конямъ. Японцы преслѣдуютъ насъ частымъ огнемъ, и пули, то и дѣло, щелкаютъ по камню. Мы отходимъ лавою и присоединяемся къ сотнѣ князя Меликова, которая, тоже лавою, медленно отступаетъ по долинѣ. Сзади, тамъ, гдѣ японцы, раздается орудійный выстрѣлъ. Быстро, съ характернымъ гудѣніемъ приближается снарядъ. . . Бѣлое облако дыма — и шрапнель подымаетъ пыль на гаоляновомъ полѣ. . . Еще два выстрѣла, и не разорвавшійся снарядъ падаетъ далеко сзади отходящей лавы.

Мы подымаемся на Синкайлинскій перевалъ и въ 5 часовъ дня входимъ въ Саймадзы.

Всякій разъ во время боя генералъ Ренненкампфъ находится впереди, въ сферѣ ружейнаго огня противника. Многіе порицаютъ это, находя, что мѣсто начальника не въ передовыхъ цѣпяхъ, но въ данномъ случаѣ я съ этимъ несогласенъ. Всѣ дѣла нашего отряда скорѣе незначительныя стычки и, находясь въ передовыхъ цѣпяхъ, можно легко слѣдить за ходомъ всего дѣла. Личный же примѣръ начальника безусловно имѣетъ громадное вліяніе на людей, и его спокойствіе передается подчиненнымъ. Широко разставивъ ноги и выпятивъ мощную грудь, украшенную Георгіемъ, генералъ въ бинокль слѣдитъ

за ходомъ боя, какъ будто не замѣчая жужжащихъ и щелкающихъ пуль, рѣзкимъ отрывистымъ голосомъ отдавая приказанія. Приказанія эти всегда кратки, опредѣленны и ясны. Для получающихъ ихъ не можетъ быть недоразумѣнія и остается лишь немедленно ихъ исполнить. Бѣда замѣшкаться; генералъ этого терпѣть не можетъ и, того гляди, отниметъ сотню, или, въ лучшемъ случаѣ, отдѣлаетъ такъ, что и своихъ не узнаешь. Зато дѣльное исполненіе всегда отмѣтитъ и поблагодаритъ:

«Благодарю. Задачу исполнили прекрасно. Сразу видно, хорошій офицеръ. . .»

Странный народъ эти китайцы! Мнѣ разсказывалъ одинъ ротмистръ пограничной стражи сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ: на срединѣ рѣки Ляохэ опрокинулась лодка съ двумя китайцами; несчастные долго боролись съ сильнымъ теченьемъ и, наконецъ, пошли ко дну на глазахъ многочисленныхъ «кули», таскавшихъ въ ту пору мѣшки со стоявшихъ у берега джонокъ. Тонувшіе молча боролись съ водой, не сдѣлавъ даже попытки звать на помощь. На упреки ротмистра въ безсердечіи безучастныхъ зрителей несчастья, послѣдніе отвѣчали:

«Небо желало, чтобы эти люди умерли, — значитъ, ихъ судьба такова».

Не знаю, насколько справедливъ этотъ разсказъ, но вѣра въ непреодолимость судьбы составляетъ характерную черту китайца. Иначе нельзя объяснить себѣ того полнаго презрѣнія къ опасности, которому мы всѣ не разъ бывали свидѣтелями. Во время перестрѣлокъ постоянно приходится видѣть работающихъ впереди стрѣляющихъ цѣпей китайцевъ. Пули свищутъ со всѣхъ сторонъ, а китаецъ спокойно погоняетъ пару длинноухихъ муловъ, запряженныхъ въ примитивный плугъ, какъ будто ничего особеннаго вблизи не происходитъ.

Во время перестрѣлки подъ Аянямынемъ во дворѣ, гдѣ, укрываясь за стѣнкой, стрѣляли мои казаки, работала молодая китайская женщина. Она погоняла маленькаго, сѣраго ослика,

приводившаго въ движенiе первобытную мельницу, установленную на самой срединѣ двора. Пули свистали и щелкали, а она спокойно, не торопясь продолжала свою работу.

— Экая отчаянная... удивлялись казаки. Нѣтъ! это не было отчаянье. Это была та непоколебимая вѣра въ судьбу, въ нѣчто высшее, непостижимое, что независимо отъ нашей воли управляетъ человѣческой жизнью. Въ то время, какъ сотня отходила лавой, и непрiятель уже прекратилъ ставшее безцѣльнымъ обстрѣливанье покинутой нами деревушки, я обернулся посмотрѣть на китаянку. Она продолжала свою работу, и, глядя на нее, трудно было думать, что двѣ минуты тому назадъ смерть протягивала надъ ней свою костлявую руку.

Въ голодномъ Саймадзы мы оставаться не могли и на другой же день послѣ прихода выступили въ Цзянъ-Чанъ, богатое село въ 40 верстахъ къ сѣверу-востоку отъ Саймадзы. На полдорогѣ намъ пришлось перевалить черезъ высокiй лѣсистый Фейшуйлинскiй хребетъ. Узкая, горная дорога, вырубленная въ скалѣ, извиваясь змѣей, ведетъ на перевалъ. Густой, перевитый вьющимися растенiями, кустарникъ, склонившись надъ нами, образуетъ мѣстами тоннель. Глухо рокочетъ, падающiй каскадами, горный ручей. На самомъ перевалѣ небольшая площадка расчищена подъ гаоляновое поле, его обрабатываютъ два старыхъ «бонзы» (монаха), живущiе въ маленькой, прiютившейся здѣсь кумирнѣ.

По ту сторону хребта характеръ мѣстности рѣзко измѣняется. Послѣ угрюмыхъ, голыхъ скалъ, глазъ прiятно отдыхаетъ на холмистой, болѣе мягкой мѣстности. Природа здѣсь много богаче, земля плодородна, и деревни больше и лучше. Переночевавъ въ деревнѣ Гуанди, мы прибыли сегодня въ Цзянъ-Чанъ.

Богатое торговое село раскинулось въ широкой долинѣ рѣки Тайдзихэ. Здѣсь узелъ дорогъ на Лаоянъ и Синдзинтинъ (Лао-Ченъ). Масса богатыхъ импаней, ханшинный заводъ, въ многочисленныхъ лавкахъ можно найти всевозможные предме-

ты китайскаго обихода. Громадные запасы чумизы, гаоляна, бобовыхъ жмыховъ, гуси, утки и куры, все это даетъ намъ надежду, если удастся простоять здѣсь нѣсколько дней покойно, подправить истощенный нашъ отрядъ.

У окраины села въ отдѣльной импани расположенъ эскадронъ регулярной китайской кавалеріи. У воротъ въ неизмѣнной черной, съ бѣлымъ кругомъ на груди курткѣ и съ повязанной платкомъ головой, вооруженный винчестеромъ, стоитъ часовой. Въ обширномъ дворѣ на коновязи стоятъ маленькіе, сытые, разномастные кони.

Мы располагаемся въ богатой импани, гдѣ всѣ лошади сотни помѣщаются на коновязяхъ во дворѣ.

X.

Наши надежды на продолжительный отдыхъ въ Цзанъ-Чанѣ опять не оправдались. 17 мая мы прибыли туда, а ночью уже было получено приказаніе изъ штаба арміи о движеніи вновь на Саймадзы, куда одновременно долженъ былъ подойти, по разнымъ дорогамъ, отрядъ полковника Карцева и генералъ графъ Келлеръ съ пѣхотой. Генералъ Ренненкампфъ выѣхалъ немедленно въ отрядъ полковника Карцева, который былъ ему подчиненъ, а наша бригада (2-й Аргунскій и 2-й Нерчинскій казачьи полки) подъ начальствомъ начальника бригады генерала Любавина утромъ 18 мая выступила на Саймадзы. Въ часъ дня мы поднялись на скалистый Фейшуйлинскій хребетъ, гдѣ на перевалѣ стояла заставой третья сотня нашего полка. Непріятеля поблизости не ожидалось, и мы спокойно на самомъ перевалѣ, на небольшой засѣянной гаоляномъ площадкѣ, раскинули бивакъ. Быстро разбиты коновязи, задымились костры, и казаки усѣлись «чаевать». Группа офи-

церовъ собралась на крыльцѣ маленькой кумирни и, раздобывъ изъ сумъ незатѣйливую закуску, спокойно бесѣдовала.

Вдругъ рѣзкій, отрывистый звукъ залпа, а тамъ, безпрерывно, торопливо затрещала стрѣльба пачками. . . Пули засвистали по бриваку, защелкали по крышѣ и стѣнамъ кумирни, стали взбивать сухую пыль на гаоляновомъ полѣ. . .

Японцы, пробравшись горными тропками на доминирующій, заросшій лѣсомъ гребень ближайшаго изъ многочисленныхъ отроговъ Фейшуйлинскаго хребта, открыли по бриваку убійственный огонь.

Трудно описать происшедшую панику. Все бросилось вразсыпную: кони, сорвавшись съ коновязей, метались на бивакѣ, какъ угорѣлые, топча вьюки, палатки, сбивая съ ногъ людей и, съ порванными поводьями, съ сбившимися на бокъ сѣдлами, уносились въ лѣсъ. . . Люди, потерявъ голову, бросались во всѣ стороны, ища спасенья отъ убійственнаго огня за стѣнками кумирни, въ лѣсу, въ заросшей кустами канавѣ. . . Вьюки, палатки, оружіе валялись растоптанные и изломанные по биваку. . . То и дѣло падали люди и лошади, убитые и раненые. . . Немногіе не растерявшіеся тщетно старались возстановить порядокъ. Генералъ Любавинъ, вскочивъ въ сѣдло, верхомъ разъѣзжалъ по биваку, призывая людей къ спокойствію. Нѣсколько офицеровъ бросились останавливать людей, стараясь собрать вокругъ себя казаковъ своихъ сотенъ. Начальникъ конно-саперной команды капитанъ Шульженко, успѣвъ собрать большую часть своихъ людей, бѣгомъ бросился въ ту сторону, откуда съ хребта трещали выстрѣлы, и, разсыпавъ цѣпь, бѣшенымъ огнемъ старался прикрыть бивакъ. За нимъ послѣдовала третья сотня Аргунскаго полка, которая, какъ дежурная, не разсѣдлывая коней и не снимая аммуниціи, была застигнута менѣе врасплохъ.

Стоявшій на часахъ у знамени 2-го Аргунскаго полка казакъ упалъ тутъ же съ раздробленными обѣими ногами. Вахмистръ нашей пятой сотни Агапъ Туркинъ схватилъ знамя и, окруженный кучкой казаковъ, вынесъ его изъ огня. . .

При первомъ звукѣ залпа я даже не могъ себѣ сразу отдать отчетъ, откуда стрѣляютъ. Услышавъ чей-то крикъ: «Господа офицеры, по своимъ сотнямъ!» я бросился къ биваку, ища глазами моихъ людей! Но тутъ была каша! . . По разнымъ направленіямъ бѣжали казаки Аргунскаго и Нерчинскаго полковъ, одни ведя коней въ поводу, другіе безъ лошадей съ винтовками въ рукахъ, иные даже безъ оружія. Метались лошади, вьючные мулы, топча убитыхъ и раненыхъ. . . Со всѣхъ сторонъ, разсѣкая воздухъ, свистали пули. . . Наконецъ я увидѣлъ вольноопредѣляющагося нашей сотни Иванова; онъ шелъ, ведя въ поводу свою раненую лошадь и неся три винтовки, брошенныя людьми, которыя онъ собралъ. Выхвативъ у него винтовки, я останавливаю первыхъ двухъ, попавшихся мнѣ на глаза, безоружныхъ казаковъ и, сунувъ имъ въ руки оружіе, приказываю оставаться при мнѣ. Вотъ урядникъ моей сотни Деревнинъ съ кучкой казаковъ верхомъ пробирается по биваку. «Не расходись, паря, не расходись». . . покрикиваетъ онъ, направляясь ко мнѣ. Мнѣ удается собрать человѣкъ 30 моихъ людей, и я вывожу ихъ на дорогу. Ко мнѣ подходитъ начальникъ штаба дивизіи полковникъ Россійскій. «Сколько у васъ людей?» спрашиваетъ онъ и отдаетъ приказаніе: «Возьмите людей и займите вотъ эту сопку, правѣе третьей сотни. Коноводы пусть отходятъ къ деревни Гуанди».

— Прикрывайте насъ и отходите, когда услышите сигналъ, — кричитъ онъ мнѣ уже вслѣдъ.

Съ двадцатью казаками бѣгу въ указанномъ мнѣ направленіи. По дорогѣ мнѣ попадается подъесаулъ 2-го Нерчинскаго полка Аничковъ. Верхомъ на лохматой чалой лошадкѣ, съ трубкой въ зубахъ онъ шагомъ ѣдетъ подъ выстрѣлами, густымъ басомъ призывая къ себѣ людей. За нимъ кучка казаковъ.

— Куда? — окликаетъ онъ меня.

— Приказано занять ту сопку, — на ходу отвѣчаю я.

— У тебя мало людей, возьми моихъ, — предлагаетъ онъ.

80

Присоединяю его людей и, разсыпавъ цѣпь, открываю огонь залпами по скалистому, острому хребту, откуда гремятъ непріятельскіе выстрѣлы. Въ лѣсу, лѣвѣе насъ, трещатъ выстрѣлы третьей сотни. Отсюда хорошо виденъ бивакъ; онъ теперь пустъ: валяются трупы людей, лошадей... Двѣ лошади съ перебитыми ногами стоятъ одиноко, понуро опустивъ головы. Всюду разбросаны сѣдла, вьюки, казачьи «теплушки», котелки... Далеко внизу, въ долинѣ Гуанди виднѣются отходящіе безпорядчной толпой остатки отряда. По обѣ стороны дороги, прямикомъ черезъ поле, бредутъ отдѣльные конные и пѣшіе люди...

Японцы прекратили огонь. Не стало слышно и выстрѣловъ третьей сотни. Внизу, далеко въ долинѣ, прозвенѣлъ сигналъ. Играютъ сборъ. Подымаю людей и, прямикомъ черезъ лѣсъ, направляюсь къ долинѣ. На пути въ лѣсу намъ попадаются всюду брошенныя сѣдла, одежда, трупы павшихъ лошадей. Въ одномъ мѣстѣ натыкаемся на трупъ бѣлой вьючной лошади. Она лежитъ на боку, вытянувъ голову, подъ офицерскимъ, желтой кожи, вьюкомъ; я узнаю въ ней лошадь нашего полкового врача — доктора Семичова. При выходѣ на дорогу встрѣчаемъ войскового старшину 2-го Нерчинскаго полка Заботкина. Онъ собралъ кучку казаковъ, большею частью обозныхъ и офицерскихъ вѣстовыхъ съ вьюками, и теперь присоединяется къ отряду. Онъ раненъ и его рука подвязана револьвернымъ шнуромъ.

Вскорѣ на дорогѣ встрѣчаемъ полковника Россійскаго. Онъ съ нѣсколькими офицерами и казаками возвращается пѣшкомъ на мѣсто бывшаго бивака подобрать оставшихся убитыхъ и брошенныя вещи. Мы присоединяемся къ нему и подымаемся на перевалъ.

Широкой цѣпью проходимъ мы лѣсъ, тщательно осматривая каждую падинку, каждый кустъ, — не лежитъ ли гдѣ убитый или раненый товарищъ. Въ лѣсу людей нѣтъ, и лишь на мѣстѣ бывшаго бивака разбросаны пять, уже холодѣющихъ,

съ помутнѣвшимъ, стеклянным взглядомъ, окровавленныхъ тѣлъ.

Зорко вглядываясь въ наступающія сумерки, разбрелись по биваку казаки, собирая оружье, сѣдла, палатки, котелки. Мы вьючимъ всѣмъ этимъ кое-какъ 3 бродящихъ вблизи бивака испуганныхъ лошадей и, предшествуемые пятью носилками съ тѣлами павшихъ товарищей, трогаемся въ темнотѣ къ деревнѣ Гуанди.

Накрапываетъ мелкій дождикъ, на душѣ тяжело и грустно. . .

Близъ деревни Гуанди безпорядочно раскинулся бивакъ. Въ темнотѣ мелькаетъ красное пламя костровъ, двигаются темныя фигуры казаковъ. Сотенные командиры повѣряютъ наличный составъ людей, казаки разбираютъ вещи. Въ маленькой, грязной фанзѣ перевязываютъ раненыхъ. Тутъ же у бивака роютъ братскую могилу для вытянувшихся рядомъ на землѣ, накрытыхъ сѣрыми холщевыми палатками труповъ. . .

Мнѣ приходилось не разъ читать и слышать о паникѣ, но видѣть ее мнѣ довелось впервые. Только переживъ эти ужасныя минуты, я ясно понялъ, что это есть что-то стихійное, почти непреодолимое. . . Въ эти минуты въ человѣкѣ сказывается животное, прорывается то стадное начало, которое заставляетъ испугавшееся чего-нибудь стадо овецъ бросаться въ рѣку или въ пропасть. Я видѣлъ безусловно храбрыхъ людей, которые, совсѣмъ потерявъ голову, не были въ состояніи принять какое-либо рѣшеніе, я видѣлъ тѣхъ самыхъ казаковъ, которые подъ огнемъ отпускали веселыя шутки, толпящимися въ ужасѣ у стѣнъ кумирни, или бѣжащими безъ оружья въ лѣсъ. . .

Тотъ, кто пережилъ ужасныя минуты паники, сохранитъ отъ нихъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ до конца жизни. Въ эти минуты лишь присутствіе людей съ исключительной силой воли, способныхъ подчинить себѣ толпу, поработить ее, можетъ остановить общее бѣгство. Очень можетъ быть, что будь 18-го

мая съ нами генералъ Ренненкампфъ, отрядъ отошелъ бы въ такомъ же полномъ порядкѣ, какъ недѣлю тому назадъ во время ночного нападенія японцевъ у Шау-Го, и желѣзная воля генерала остановила бы панику въ самомъ началѣ. . .

На утро, похоронивъ убитыхъ, мы двинулись къ Саймадзы. Опять пришлось переваливать Фейшуйлинъ. На мѣстѣ вчерашняго бивака среди истоптаннаго гаоляноваго поля валялась разбросанная солома да нѣсколько раздувшихся, окоченѣлыхъ конныхъ тушъ. Вотъ все, что напоминало о вчерашнемъ. Вещи, если таковыя еще не были подобраны нами вчера, за ночь растащили окрестные китайцы. . .

Мы вошли въ пустое Саймадзы въ два часа дня, скоро прибылъ и отрядъ Карцева, а къ вечеру пріѣхалъ генералъ графъ Келлеръ, оставившій гдѣ-то поблизости на бивакѣ свой отрядъ.

Простоявъ въ Самайдзы четыре дня, мы перешли въ Цзанъ-Чанъ, гдѣ и находимся въ настоящее время. Отъ сотника Казачихина, ушедшаго въ разъѣздъ въ тылъ противника еще въ первыхъ числахъ мая, получено донесеніе. Донесеніе доставлено китайцами и содержитъ очень цѣнныя свѣдѣнія. Казачихинъ сообщаетъ, что ему удалось проникнуть къ самому Фынхуанчену, гдѣ сосредоточены значительныя силы противника, и присылаетъ кроки съ обозначеніемъ расположенія непріятельскихъ частей. Въ то время, какъ онъ пишетъ, онъ лежитъ больной въ горахъ у пріютившаго его китайца. Ужасно думать, что въ ту минуту, какъ мы читаемъ донесеніе храбраго офицера, его, можетъ быть, нѣтъ уже въ живыхъ.

Вернулись и разъѣзды Дроздовскаго и Карагеоргіевича; объ остальныхъ же пока свѣдѣній нѣтъ, хотя имъ время уже вернуться. Участь ушедшихъ товарищей насъ всѣхъ безпокоитъ и, хотя мы и стараемся отогнать мрачныя мысли, но въ сердце невольно закрадывается тревога объ ихъ судьбѣ.

Наша пятая сотня будетъ держать посты летучей почты между Цзянъ-Чаномъ и Синдзинтиномъ. Воспользовавшись

этимъ бездѣйствіемъ, прошусь у генерала Ренненкампфа на двѣ недѣльки въ Лаоянъ. Въ дѣлѣ 18 мая у меня ранена одна лошадь, надо ее замѣнить, сапоги обносились, бѣлье также на исходѣ — все это необходимо пополнить въ виду предстоящей еще впереди продолжительной тяжелой работы.

XI.

Я выѣхалъ изъ Цзянъ-Чана съ княземъ Карагеоргіевичемъ, двумя вѣстовыми и вьючнымъ муломъ. Наши лошади настолько успѣли втянуться въ работу, что 170 верстъ, отдѣлявшихъ насъ отъ Лаояна, мы сдѣлали легко въ два дня, лишь мулъ оказался сильно набитымъ тяжелымъ вьюкомъ. За два съ лишнимъ мѣсяца, какъ мы, оставивъ Лаоянъ, бродили въ горахъ, онъ значительно измѣнился. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до города, по обѣ стороны большой дороги тянулись биваки разныхъ частей войскъ. Длинные ряды бѣлыхъ палатокъ были разбиты на обширныхъ поляхъ, когда-то засѣянныхъ гаоляномъ, нынѣ же плотно утоптанныхъ нѣсколькими тысячами ногъ. Стояли рядами походныя кухни, зеленыя двуколки полковыхъ обозовъ. На бивакѣ мелькали оживленныя группы солдатъ въ сѣрыхъ или цвѣта «хаки» рубахахъ, съ такими же чехлами на фуражкахъ. Слышался говоръ, смѣхъ. Гдѣ-то играла полковая музыка. По дорогѣ шло непрерывное движеніе. Тянулись транспорты тяжелыхъ, двухколесныхъ китайскихъ арбъ съ укрѣпленными на арбахъ бѣлыми флажками съ обозначеніемъ различныхъ воинскихъ частей, громыхали казенныя двуколки, рысью пробѣгали конные ординарцы, развозя приказы по штабамъ частей. Мѣстность, лежащая впереди города, была всюду, насколько хваталъ глазъ, изрыта: стрѣлковые окопы, волчьи ямы, проволочныя загражденія — видно было, что здѣсь не теряли времени и готовились оказать твердый отпоръ врагу.

При въѣздѣ въ городъ обширная площадь была занята интендантскими складами. Цѣлыя горы всевозможныхъ бочекъ, ящиковъ, мѣшковъ, покрытыя громадными брезентами, охранялись часовыми. Ожидая разгрузки, стояли длинной вереницей запряженныя мулами и коренастыми «манзюками» арбы.

Въ городѣ жизнь кипѣла ключомъ. Масса уличныхъ китайцевъ-разносчиковъ выкрикивали на всѣ лады названія предлагаемыхъ всевозможныхъ товаровъ, рысью пробѣгали рикши; съ любопытствомъ разглядывая выставленные въ лавкахъ китайскіе товары, толпились солдаты. Вотъ, трясясь на запряженной парою крупныхъ, вѣроятно, артиллерійскихъ, коней двуколкѣ проѣхали двѣ сестрицы, видимо, пріѣхавшія въ городъ за покупками. Вотъ быстро пронесся на крѣпкомъ, сибирскомъ иноходцѣ офицеръ въ черной шведской курткѣ и красныхъ чембарахъ. А вотъ на кровной, съ чуднымъ костякомъ и широкими движеньями, лошади, въ форменномъ сюртукѣ съ аксельбантами и бѣломъ чехлѣ на фуражкѣ кто-то изъ штабныхъ. Лошадка сопровождающагося его вѣстового, маленькій, съ остриженной гривой, бѣлый «манзюкъ», кажется особенно жалкой рядомъ съ крупнымъ конемъ капитана.

Преобразился и запущенный садъ у подножія старинной китайской башни — близъ вокзала. Тамъ теперь устроенъ буфетъ, показывается синематографъ и играетъ по вечерамъ военный оркестръ. Въ это время здѣсь бываетъ масса публики. Всѣ столики на площадкѣ, близъ которой играетъ музыка, заняты офицерами всѣхъ родовъ оружія. Въ формахъ не стѣсняются, здѣсь вы можете встрѣтить и форменный сюртукъ (большею частью у штабныхъ), и шведскую куртку, и сѣрую рубаху, и китель цвѣта «хаки» морского образца. Условія походной жизни сами выработали наиболѣе удобный и цѣлесоообразный костюмъ — и командующій, понимая это, не стѣсняетъ офицеровъ требованьями строгаго соблюденія формы одежды. По главной аллеѣ сада движется пестрая толпа офицеровъ; изрѣдка промелькнетъ фигура корреспондента одной изъ иностран-

ныхъ газетъ въ сѣромъ complet и фетровой шляпѣ, или бросится въ глаза сногшибательная шляпка какой-нибудь «американки». Здѣсь, въ Лаоянѣ, полнымъ темпомъ идетъ жизнь тыла арміи, здѣсь бьется сердце ея громаднаго живого организма!! . . .

Во время нашего пріѣзда въ Лаоянъ всѣ интересы были сосредоточены на послѣднемъ дѣлѣ у Вафангоу. Объ этомъ только и шли разговоры и въ саду подъ башней, и на желѣзнодорожной платформѣ, попрежнему служившей для Лаояна чѣмъ-то вродѣ клуба. Большинство негодовало на отходъ къ сѣверу нашихъ частей, критиковало дѣйствія высшаго начальства, утверждало, что при большей рѣшительности съ нашей стороны дѣло было бы выиграно. Лишь немногіе говорили, что отступленіе къ сѣверу входитъ въ планы командующаго, имѣя цѣлью, завлекая непріятеля въ глубь страны и удлиняя его базу, дать въ то же время намъ возможность сосредоточить у Лаояна значительныя силы. Пріѣзжающихъ съ юга окружали со всѣхъ сторонъ, разспрашивая о подробностяхъ дѣла, справляясь объ участи товарищей и знакомыхъ. Безпрерывно прибывали санитарные поѣзда. Подъ палящими лучами солнца съ вокзала тянулись къ госпиталямъ длинныя вереницы сѣрыхъ холщевыхъ носилокъ съ тяжело ранеными. Они лежали во всевозможныхъ позахъ — одни на боку, другіе вытянувшись на спинѣ, съ блѣдными, несмотря на загаръ, лицами, съ лихорадочнымъ блескомъ впалыхъ глазъ, съ обвязанными широкими бѣлыми марлевыми бинтами головами, руками и ногами. Многіе не вынесли тяжелой дороги и этихъ легко было узнать на носилкахъ по окоченѣлой неподвижности накрытыхъ сѣрыми шинелями тѣлъ.

Командующій по нѣсколько разъ въ день лично встрѣчалъ поѣзда съ ранеными, обходилъ вагоны, разговаривая съ офицерами и солдатами, и многимъ раздавалъ тутъ же награды. 5 іюня онъ собирался ѣхать на югъ въ передовую линію лично руководить военными дѣйствіями. Съ нимъ отбывалъ и великій князь Борисъ Владиміровичъ со своимъ штабомъ.

Въ Лаоянѣ встрѣтилъ я моего пріятеля хорунжаго 2-го Аргунскаго полка графа Бенкендорфа. Онъ ушелъ отъ насъ въ первыхъ числахъ мая съ есауломъ Гулевичемъ въ разъѣздъ, и съ тѣхъ поръ мы объ нихъ не имѣли свѣдѣній. Оказывается, что, отдѣлившись отъ есаула Гулевича, графъ Бенкендорфъ съ однимъ казакомъ прошелъ сквозь сторожевое охраненіе противника и проникъ въ самую глубь непріятельскаго расположенія, добравшись до самаго городка Фынхуанчена, гдѣ въ это время были сосредоточены значительныя силы. Окруженный со всѣхъ сторонъ японцами, двигаясь исключительно ночью, а днемъ скрываясь въ покрытыхъ лѣсомъ скалистыхъ сопкахъ, онъ снялъ многочисленныя кроки и собралъ массу цѣнныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Въ тылу противника, далеко за линіей его сторожевыхъ постовъ, Бенкендорфу удалось наблюдать повседневную, такъ сказать, мирную жизнь японцевъ. Такъ, однажды онъ видѣлъ смѣнную ѣзду японскаго эскадрона; другой разъ наблюдалъ работу «кули» подъ руководствомъ японскихъ саперъ по проведенію колоннаго пути. Благополучно пройдя вновь между постами противника, Бенкендорфъ присоединился къ ожидавшимъ его на нашихъ передовыхъ постахъ казакамъ и вмѣстѣ съ ними явился въ Лаоянъ доложить о видѣнномъ командующему арміей. Я несказанно обрадовался послѣ долгой разлуки встрѣтиться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что начиналъ считать его уже погибшимъ.

Одновременно узналъ я о захватѣ въ плѣнъ японцами разъѣздовъ подъесаула Миллера, хорунжаго Роговскаго и сотника Казачихина; послѣдній былъ взятъ японцами совсѣмъ больнымъ, но успѣлъ все же черезъ китайцевъ доставить въ отрядъ донесеніе и снятыя имъ кроки.

Во время моего пріѣзда сюда стояла страшная жара. Раскаленный, сухой воздухъ былъ неподвиженъ. Ни одно облако не нарушало безбрежной синевы яснаго неба. Тонкая пыль стояла въ воздухѣ, покрывая сѣрымъ налетомъ лицо, вещи, платье. Отъ нея не было спасенья нигдѣ; она проникала въ жилища, въ вагонъ, гдѣ я устроился въ поѣздѣ командующаго. . .

Послѣдніе дни было нѣсколько дождей, но они принесли мало облегченія. Правда, исчезла пыль, и толстый слой ея, покрывавшій землю, обратился въ море жидкой, черной грязи, — но воздухъ нисколько не посвѣжѣлъ, и влажность его, при неспадавшей жарѣ, давала впечатлѣніе паровой ванны. . .

Третьяго дня я узналъ, что въ госпиталь общины св. Георгія прибылъ раненый въ разъѣздѣ офицеръ нашего отряда подъесаулъ Аничковъ. Я поѣхалъ навѣстить его и засталъ лежащимъ на кровати въ сѣромъ холщевомъ халатѣ. Въ обширной чистой палатѣ ходили, лежали или сидѣли на койкахъ въ такихъ же сѣрыхъ, холщевыхъ халатахъ другіе легко раненые офицеры. Тяжело больныхъ здѣсь не было, они помѣщались въ другой палатѣ. Сестры въ косынкахъ и передникахъ, съ нашитымъ краснымъ крестомъ на груди, безшумно двигались между койками, разнося лекарства и ласково разговаривая съ больными. Въ открытое окно виднѣлся небольшой, разбитый среди двора, цвѣтникъ. Какой-то тишиной, мирнымъ покоемъ вѣяло отъ всей этой обстановки. . .

Рана Аничкова оказалась пустячной, пуля прошла по мякоти ноги, не задѣвъ кости, и онъ черезъ нѣсколько дней надѣялся выписаться. Онъ сообщилъ мнѣ печальную новость о смерти офицера нашего полка сотника Козловскаго, убитаго въ разъѣздѣ близъ Феншуйлинскаго перевала. Козловскій состоялъ ординарцемъ у генерала Ренненкампфа и по собственному желанію отправился въ этотъ, оказавшійся для него роковымъ, разъѣздъ. Смерть этого прекраснаго офицера была искренно оплакана всѣмъ отрядомъ.

Отъ Аничкова я узналъ, что нашъ отрядъ находится нынѣ въ 120 верстахъ отъ Лаояна внизъ по теченію рѣки Тайдзихэ, близъ деревни Сяо-Сыръ и что наша пятая сотня, занимавшая посты летучей почты между Цзянъ-Чаномъ и Синдзинтиномъ, должна присоединиться къ отряду. Мои покупки въ Лаоянѣ были кончены, и я рѣшилъ, не теряя времени, возвращаться въ полкъ.

XII.

Я оставилъ Лаоянъ вмѣстѣ съ хорунжимъ графомъ Бенкендорфомъ и на третій день присоединился къ отряду, расположенному въ деревнѣ Сяо-Сыръ, на берегу рѣки Тайдзихэ и въ узлѣ дорогъ на Цзянъ-Чанъ и Саймадзы. На слѣдующій день нашего пріѣзда была назначена усиленная рекогносцировка перевала Сигоулинъ, занятаго саймадзинскимъ авангардомъ, въ которой должна была принять участіе и пятая сотня. Мнѣ что-то нездоровилось, — слегка лихорадило, и я былъ оставленъ въ Сяо-Сырѣ начальникомъ оставшейся части, т. е. полкового вьючнаго обоза и слабыхъ людей и лошадей. Больныхъ людей, несмотря на тяжелыя условія нашей жизни, было вообще у насъ мало, наблюдались лишь единичные случаи дизентеріи, — большею частью въ легкой формѣ. Рѣдкость заболѣваній слѣдуетъ, я думаю, приписать здоровому климату этой части Манчжуріи и чудной, прозрачной водѣ горныхъ ручьевъ. Значительно хуже обстояли дѣла отряда въ смыслѣ конскаго состава. Тяжелыя условія нашей работы въ гористой, съ крутыми подъемами и спусками, мѣстности, громадные переходы въ связи съ отсутствіемъ подчасъ даже мало-мальски сноснаго корма и отчасти дурной уходъ за лошадьми казаковъ губительно дѣйствовали на нашъ конскій составъ. Къ этому всему надо прибавить значительныя потери въ лошадяхъ въ многочисленныхъ разъѣздахъ и стычкахъ, какъ напримѣръ, 18 мая, когда мы въ одинъ день потеряли болѣе 60 лошадей убитыми и ранеными. Убыль въ конскомъ составѣ пополнялась нами всюду, гдѣ только представлялась возможность, реквизиціей у мѣстныхъ жителей, причемъ брались не только лошади, но подчасъ и мулы, на которыхъ сажались безлошадные казаки. Въ каждой сотнѣ было по нѣсколько такихъ строевыхъ муловъ. Несмотря, однако, на все это, уже къ настоящему времени имѣется во 2-мъ Аргунскомъ и 2-мъ Нерчинскомъ полкахъ, въ общей сложности, около 200 безлошадныхъ казаковъ. Изъ нихъ образована особая, такъ называемая, «пѣшая сотня»,

которой командуетъ подъесаулъ 2-го Аргунскаго полка Субботинъ. Въ виду того,что условія мѣстнсти позволяютъ намъ двигаться въ конномъ строю исключительно шагомъ, пѣшая сотня мало отстаетъ отъ насъ и до сего времени дѣйствуетъ прекрасню.

Любопытное зрѣлище представляетъ нашъ отрядъ для посторонняго наблюдателя. Бродя три мѣсяца въ горахъ, офицеры и казаки износились до послѣдней степени. Недостающія части туалета приходится пополнять мѣстными средствами, что и дѣлаютъ, со свойственной имъ сноровитостью, казаки. На этихъ дняхъ я обратилъ вниманіе на привезшаго съ заставы донесенье казака. Онъ сидѣлъ на росломъ, бѣломъ мулѣ, посѣдланномъ казеннымъ сѣдломъ. На головѣ красовалась войлочная, китайская шапочка съ поднятыми наушниками. Ноги были обуты въ китайскія «улы» — родъ поршней, — пришитыя къ голенищамъ казачьихъ «ичиковъ». Красная рубаха и шаровары изъ синей китайской матеріи дополняли костюмъ. Такихъ ряженныхъ казаковъ въ отряду масса, и нашъ привычный глазъ ихъ даже и не замѣчаетъ.

Моя лихорадка быстро прошла, и всѣ четыре дня до возвращенія отряда съ рекогносцировки я жилъ чисто животной жизнью: ѣлъ, спалъ и по два раза въ день купался въ быстрыхъ, прозрачныхъ водахъ Тайдзихэ. Въ эти дни окрестности Сяо-Сыра являли картину мирной сельской жизни. На зеленыхъ склонахъ сопокъ бродили стреноженные казачьи кони, быстро поправляющіеся на подножномъ корму. На рѣкѣ мыли бѣлье и купались казаки. Всплескъ воды и веселый говоръ звенѣлъ въ неподвижномъ, знойномъ воздухѣ и несся надъ рѣкой, и трудно было думать, находясь здѣсь, что въ это время въ двадцати верстахъ трещатъ выстрѣлы, свищутъ пули, и люди страдаютъ и умираютъ. . .

Отрядъ вернулся черезъ четыре дня, обнаруживъ на Сигоулинскомъ перевалѣ значительныя силы противника, и на слѣдующее утро мы перешли въ деревню Гаолиндзы въ 30

верстахъ къ сѣверо-западу отъ Сяо-Сыра. Изъ Гаолиндзъ наша пятая сотня была послана въ отдѣлъ, на 25 верстъ къ востоку, въ деревню Цинхиченъ, гдѣ и оставалась вплоть до 30 iюня, когда намъ было приказано вновь занять деревню Гаолиндзы, откуда отрядъ отошелъ наканунѣ на лѣвый берегъ рѣки Тайдзихэ, для рекогносцировки деревни Фандзяпудза, расположенной на дорогѣ Саймадзы-Лаоянъ и занятой противникомъ. Изъ Цинхичена мы должны были выставить рядъ постовъ на Цзянъ-Чанъ, дабы поддерживать связь съ занимающими этотъ пунктъ оренбуржцами.

Наше четырехдневное пребыванiе въ Цинхиченѣ ознаменовалось грустнымъ происшествiемъ. 29-го ночью было получено съ ближайшаго поста отъ хорунжаго графа Бенкендорфа донесенiе, что посланный имъ на слѣдующiй постъ для связи разъѣздъ изъ двухъ казаковъ наткнулся близъ деревни Мадзятундзы на хунхузовъ, которые, засѣвъ въ кумирнѣ, открыли по казакамъ огонь, причемъ одинъ казакъ былъ раненъ, другой же, казакъ Кочетовъ, упалъ вмѣстѣ съ конемъ и остался на мѣстѣ. Хорунжiй графъ Бенкендорфъ немедленно выдвинулся къ деревнѣ Мадзятундза, но хунхузы успѣли скрыться и, по словамъ жителей, увели съ собой раненаго Кочетова и коня его. Сотня наша должна была отходить на слѣдующiй день въ деревню Гаолиндзы, а мнѣ было приказано двинуться со взводомъ въ деревню Мандзятундза и далѣе, съ цѣлью нагнать хунхузовъ и отбить плѣннаго казака, котораго ожидали пытки и смерть.

Хунхузы составляютъ страшный бичъ Манчжурiи, держа въ трепетѣ и въ полномъ подчиненiи цѣлыя области. Китайскiя власти безсильны съ ними бороться, такъ какъ обнаружить ихъ почти не представляется возможнымъ. При приближенiи опасности хунхузъ, укрывъ оружiе, превращается въ мирнаго поселянина, а мѣстное населенiе, подъ страхомъ ужаснаго мщенiя, не смѣетъ его выдать. Есть цѣлыя деревни въ Манчжурiи, жители которыхъ занимаются исключительно разбоями. Съ попавшими въ ихъ руки плѣнными хун-

хузы безжалостны и подвергаютъ несчастныхъ, передъ умерщвленіемъ, самымъ ужаснымъ пыткамъ.

Я двинулся на разсвѣтѣ въ деревню Мадзятундза, прибывъ въ которую, немедленно арестовалъ нѣсколькихъ жителей и, подъ угрозой смерти, потребовалъ у нихъ сказать мнѣ всю истину. Послѣ долгихъ запирательствъ, видя, что я готовъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, китайцы сообщили, что упавшій съ раненымъ конемъ Кочетовъ былъ зарѣзанъ хунхузами и брошенъ въ рѣчку, раненый же конь и оружіе захвачены разбойниками. Послѣ долгихъ поисковъ въ рѣкѣ убитый былъ найденъ и вытащенъ на берегъ. Онъ лежалъ на пескѣ съ широко открытыми остекленѣлыми глазами, съ искривленнымъ предсмертными муками, оскаленнымъ ртомъ. Завернувшаяся красная рубаха обнаруживала мускулистое, бѣлое тѣло, исколотое и изрѣзанное. Мы насчитали 18 ранъ... Видно было, что и на этотъ разъ хунхузы остались вѣрными себѣ и вволю натѣшились надъ своей жертвой...

Мы уложили трупъ несчастнаго на носилки, укрыли его зелеными вѣтвями и на китайцахъ доставили въ деревню Гаолиндзы, дабы здѣсь, въ присутствіи его боевыхъ товарищей, отдать ему послѣдній долгъ.

Въ Гаолиндзахъ насъ ожидала ужасная вѣсть. Нашъ отрядъ подъ Фандзяпудза понесъ крупныя потери. Генералъ Ренненкампфъ былъ раненъ въ ногу съ поврежденіемъ кости, его ординарецъ ротмистръ Цедербергъ убитъ, адъютантъ есаулъ Поповицкій раненъ въ голову, наконецъ тяжело раненъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ отряда и чудной души человѣкъ, командиръ 4-й сотни 2-го Аргунскаго полка есаулъ Власовъ. Раненые отправлены на джонкахъ внизъ по теченію рѣки Тайдзихэ въ г. Лаоянъ, и нашъ отрядъ осиротѣлъ, лишившись начальника, который, вотъ три мѣсяца, съ неустанной энергіей, среди постоянныхъ опасностей и лишеній, водилъ насъ по горнымъ, лѣсистымъ дебрямъ, сегодня тревожа японцевъ у Дапу, завтра отражая ихъ нападеніе у Шау-

Го, послѣзавтра встрѣчая непріятеля у Саймадзы. Всегда впереди — тамъ, гдѣ рѣшается участь дѣла, онъ первый подавалъ примѣръ казакамъ, дѣля съ ними всѣ тяжести похода, питаясь кукурузными лепешками и лежа въ грязи на буркѣ подъ дождемъ.

Не разъ въ ужасныя, тяжелыя минуты, когда готова была угаснуть послѣдняя искра энергіи въ измученныхъ безсонницей и лишеніями людяхъ, одно появленіе его вливало имъ силы, и усталые, отчаявшіеся, готовые пасть духомъ люди превращались въ львовъ, готовыхъ до послѣдней капли крови бороться за честь и славу дорогой родины.

Съ потерей генерала Ренненкампфа нашъ передовой отрядъ теряетъ свое значенье, является мертвымъ организмомъ, безжизненнымъ, лишеннымъ души тѣломъ.

Баронъ Петръ Врангель.

Манчжурскія письма

*Изъ эпохи войны съ Японіею *)*

I.

Мы уже третій мѣсяцъ стояли въ бездѣйствіи. Послѣ Шахэ нашъ полкъ, вошедшій въ составъ правой колонны отряда генерала Ренненкампфа, общее начальство надъ которой принялъ начальникъ 2-й бригады забайкальской казачьей дивизіи генералъ-маіоръ Любавинъ — отошелъ въ деревню Гаолиндзы, гдѣ и расположился на зимнія квартиры. Пѣхота помѣщалась въ землянкахъ, — мы же, кавалерія, расположились по квартирамъ, занявъ бóльшую часть фанзъ деревни. Фанзы эти приспособили, какъ умѣли, собственными средствами для жилья; двери обили китайскими одѣялами, замазали оконныя рамы, а въ нѣкоторыхъ фанзахъ сложили настоящія печи, которыя хотя и дымили немилосердно, но все же согрѣвали помѣщенія болѣе, чѣмъ китайскіе каны. Лошади стояли на коновязахъ во дворахъ и, привычныя къ суровымъ зимамъ Забайкалья, легко переносили морозныя ночи. Днемъ же,

*) «Вѣстникъ Европы» 43-й томъ, книга XI; Ноябрь, 1908 г.

при ясномъ небѣ и безвѣтренной, тихой погодѣ, было совсѣмъ тепло, а на солнцѣ, въ шубахъ, даже жарко.

Мы несли сторожевую службу, держа рядъ постовъ по правому берегу рѣки Тайдзихэ и поддерживая посредствомъ разъѣздовъ связь съ нашей лѣвой колонной, расположенной въ 35-ти верстахъ къ востоку, въ деревнѣ Цинхэченъ, и съ западнымъ отрядомъ генерала Самсонова. Кромѣ того, нами высылались ежедневно періодическіе разъѣзды вверхъ по теченію рѣки Тайдзихэ вплоть до деревни Сяо-Сыръ, лежащей въ узлѣ дорогъ на города Цзянъ-Чанъ и Саймадзы, пункты, занятые значительными силами непріятеля. Послѣднее время наши разъѣзды сильно безпокоили хунхузы, дерзость которыхъ стала простираться до того, что они рѣшались нападать даже на разъѣзды силою въ цѣлую сотню. Правда, серьезныхъ потерь они намъ нанести не могли и при первыхъ же нашихъ выстрѣлахъ скрывались въ сопки, гдѣ для кавалеріи были недосягаемы, но сильно досаждали намъ, постоянно тревожа наши посты, препятствуя службѣ и нападая на нашу летучую почту. Дѣйствующіе противъ насъ хунхузы состояли на службѣ у японцевъ и во время предпринимавшихся нами изрѣдка усиленныхъ рекогносцировокъ дѣйствовали совмѣстно съ нашимъ противникомъ большею частью гдѣ-либо на его флангахъ. По свѣдѣніямъ нашихъ шпіоновъ-хунхузовъ, здѣсь было около 2.000, сведенныхъ въ отряды по 200 человѣкъ и вооруженныхъ отчасти винчестерами, отчасти нашими трехлинейными винтовками, изъ числа взятыхъ японцами при Шахэ у нашихъ убитыхъ и раненыхъ, попавшихъ въ плѣнъ. Общее начальство надъ хунхузами имѣлъ державшій эту мѣстность много лѣтъ въ полномъ подчиненіи извѣстный хунхузъ Тя-фу, еще молодой человѣкъ, знаменитый своею жестокостью. Не довольствуясь, повидимому, скуднымъ содержаніемъ, уплачивамымъ японцами, хунхузы жестоко грабили китайское населеніе, орудуя главнымъ образомъ въ нейтральной полосѣ, между нашими и японскими постами, причемъ безпощадно выжигали цѣлыя деревни и вырѣзывали жителей. Нѣсколько разъ

нами дѣлались попытки преслѣдовать эти шайки, но каждый разъ при нашемъ приближенiи хунхузы или разсѣивались, скрываясь въ сопки, гдѣ были для насъ недосягаемы, или спѣшили отойти за линiю непрiятельскихъ постовъ.

10-го декабря, поздно вечеромъ, составивъ проектъ приказа (я состоялъ въ то время полковымъ адъютантомъ) и отправивъ почту, я легъ спать. На сильно натопленномъ канѣ было жарко, въ головѣ ощущалась нѣкоторая тяжесть отъ тлѣющихъ углей въ китайской жаровнѣ (этимъ способомъ китайцы согрѣваютъ воздухъ въ помѣщенiяхъ). Мысли одна за другой лѣзли въ голову, вызывая далекiя, родныя картины, столь чуждыя окружающей обстановкѣ. На бумагѣ, оклеивавшей оконныя рамы, краснымъ отблескомъ игралъ разложенный снаружи, во дворѣ, костеръ, у котораго грѣлись дневальные казаки и слышался ихъ говоръ. Гдѣ-то, въ темнотѣ, скреблась мышь. Постепенно тяжелая дремота слѣпила усталые глаза, и крѣпкiй сонъ охватилъ утомленное тѣло...

Вдругъ яркiй свѣтъ блеснулъ въ глаза и разбудилъ меня. Передо мною стоялъ съ электрическимъ фонаремъ въ рукахъ командиръ 3-й сотни нашего полка, князь Оболенскiй. Въ темнотѣ вырисовывалась его полная фигура въ папахѣ и черкескѣ.

— На заставѣ что-то неладно, — сообщилъ Оболенскiй, — вотъ уже минутъ двадцать какъ слышны залпы... Донесенiя до сихъ поръ нѣтъ. Да и стрѣльба какая-то странная, временами прекращается совсѣмъ. Выстрѣлы какъ будто не наши.

Я всталъ, одѣлся и вышелъ съ княземъ на дворъ.

Стояла ясная, безлунная ночь. Звѣзды какъ-то особенно ярко блистали. Въ тихомъ, морозномъ воздухѣ слухъ особенно ясно улавливалъ звуки. Все тихо. Потрескиваетъ, мигая краснымъ пламенемъ, костеръ, да слышно, какъ кони лѣниво жуютъ солому. Изрѣдка въ спящей деревнѣ залаетъ собака... Но вотъ рѣзко, отрывисто въ морозномъ воздухѣ прокатился

залпъ. За нимъ — еще и еще... Ясно было, что стрѣляютъ на заставѣ, и стрѣляетъ не нашъ взводъ, а значительно бо́льшая часть. Въ сторожевое охраненіе назначалась ежедневно сотня, высылавшая въ охраненіе три взвода; четвертый же взводъ при командирѣ сотни оставался въ резервѣ въ самой деревнѣ Гаолинцзы. Ближайшая застава, откуда слышалась стрѣльба, находилась всего верстахъ въ двухъ, и ясно было, что ежели за двадцать минутъ донесеніе не было доставлено, то тамъ происходило что-то особенное. Сторожевое охраненіе въ этотъ день занимала пятая сотня князя Масалова, и на ближайшей заставѣ находился его субальтернъ-офицеръ, хорунжій графъ Бенкендорфъ со взводомъ. Разбуженный нами, Масаловъ рѣшилъ, не дожидаясь донесенія, немедленно со своимъ взводомъ выдвинуться къ заставѣ.

Съ сонными лицами, надѣвая на ходу винтовки, торопливо выходили изъ фанзы казаки, подтягивали подпруги посѣдланнымъ конямъ дежурнаго взвода и выводили лошадей со двора. Неуклюжіе силуэты людей въ теплушкахъ и «ямань-ихъ» *) папахахъ и коренастыхъ, разномастныхъ, мохнатыхъ забайкальскихъ лошадокъ мелькали, на минуту освѣщенныя неровнымъ свѣтомъ костра, и быстро исчезали въ ночной мглѣ. Слышался лишь гулкій стукъ копытъ по мерзлой, безснѣжной дорогѣ да отдѣльныя, отрывистыя фразы, которыми обмѣнивались казаки. «Смирно! Садись! Справа по три рысью маршъ!» — донеслась изъ темноты команда, и частый, дробный стукъ копытъ, постепенно отдаляясь и затихая, долго еще доносился изъ черной ночной мглы... На заставѣ выстрѣловъ больше не было слышно.

Мы вышли съ Оболенскимъ на околицу деревни. Насъ окутала ночная мгла. Милліарды звѣздъ искрились блѣднымъ свѣтомъ на темномъ далекомъ небосводѣ. Высокіе глинобитные

*) «Яманъ» — молодой козёлъ.

заборы вдоль улицъ деревни съ массивными, окованными желѣзомъ воротами, причудливые коньки на гребняхъ черепичныхъ крышъ, высокіе рѣзные столбы у кумирни — все это принимало въ темнотѣ ночи какія-то фантастичныя, причудливыя очертанія. Глухо журчалъ, катясь по каменистому ложу, протекающій черезъ деревню быстрый незамерзающій ручей. Сухой морозный воздухъ былъ неподвиженъ, и вся природа, казалось, оцѣпенѣла, скованная тяжелымъ зимнимъ сномъ.

Но вотъ на темномъ небосклонѣ, тамъ, откуда недавно гремѣли залпы, взвилось кверху красное огненное зарево, вспыхнуло и, расплываясь кровянымъ пятномъ, поползло по небосводу. Ясно было, что сразу загорѣлось на значительной площади. И въ ту же минуту въ ночной мглѣ отрывисто прозвучало нѣсколько залповъ, — прокатились рѣзко и ясно въ морозномъ воздухѣ и сразу оборвались, уступивъ мѣсто прежней глубокой тишинѣ...

До насъ донесся, быстро приближаясь, звукъ конскаго топота, и вскорѣ изъ темноты выплыли конные силуэты князя Масалова и его вѣстового.

— Хунхузы подлецы напали на деревню, грабятъ китайцевъ, — сообщилъ Масаловъ. — Вонъ пожаръ видно, деревню запалили... Каковы нахалы, вѣдь отъ заставы совсѣмъ близко, подъ самымъ переваломъ...

Зная по опыту, насколько безполезна была бы попытка преслѣдовать этихъ хищниковъ, мы, досадуя на напрасную тревогу, разошлись по своимъ помѣщеніямъ...

Я всталъ поздно и, умывшись принесенной мнѣ казакомъ въ китайской корчагѣ водой, сѣлъ пить чай. Со двора за окномъ доносился оживленный говоръ казаковъ, собиравшихся на фуражировку. Въ фанзѣ за перегородкой слышался разговоръ «джангуйды» и пощелкиванье китайскихъ счетовъ. Въ дверяхъ фанзы показался вѣстовой. — Ваше высокородіе, командиръ полка васъ требуютъ.

Я надѣлъ чекмень и пошелъ къ командиру полка, который помѣщался въ другой половинѣ фанзы.

Командиръ пилъ чай, сидя, поджавши ноги, на канѣ у низенькаго китайскаго столика съ большимъ закоптѣлымъ чайникомъ, эмальированной потрескавшейся кружкой и наложеннымъ на китайское блюдечко мелко-наколотымъ сахаромъ. Передъ командиромъ стоялъ нашъ китаецъ-переводчикъ Андрей и съ ужимками и гримасами на своеобразномъ «воляпюкѣ» что-то оживленно разсказывалъ. Интересный типъ былъ этотъ Андрей! Длинный, тощій, лѣтъ тридцати-пяти, съ лицомъ изъѣденныхъ оспой, съ измызганной косичкой, вѣчно въ сѣромъ шелковомъ засаленномъ халатѣ и черной шапочкѣ съ краснымъ, изъ коралловыхъ бусъ, шарикомъ, вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ онъ находился неотлучно при нашемъ отрядѣ въ качествѣ переводчика. Предыдущая судьба его была покрыта мракомъ неизвѣстности; достовѣрно лишь было то, что онъ нѣсколько лѣтъ служилъ «бойкой» (слугой) у офицера одного изъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и съ нимъ совершилъ походъ въ китайскую кампанію, а послѣднее время, до настоящей войны, занимался мелочной торговлей въ Куанчендзахъ. Злой, хитрый и крайне алчный Андрей глубоко презиралъ китайское населеніе, изъ котораго самъ вышелъ и, пользуясь своимъ положеніемъ переводчика, гдѣ могъ безжалостно надувалъ и обсчитывалъ своихъ единоплеменниковъ, за что всѣми китайцами былъ крайне ненавидимъ. Задушевная мечта Андрея была: сколотивъ себѣ капиталъ, открыть послѣ войны въ Владивостокѣ публичный домъ или сдѣлаться, какъ онъ говорилъ, «публичный хозяинъ». Со всѣмъ тѣмъ Андрей былъ безусловно не трусъ и, побуждаемый, вѣроятно, отчасти и корыстолюбивыми цѣлями, въ ожиданіи щедраго вознагражденія, не задумывался не разъ проникать подъ видомъ китайскаго нищаго въ самое расположеніе непріятеля, откуда доставлялъ намъ подчасъ, весьма цѣнныя свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти въ дальнѣйшемъ всегда подтверждались, и, несмотря на всѣ недостатки Андрея, мы имъ очень дорожили.

Говорилъ Андрей съ нами на своеобразномъ русско-китайскомъ жаргонѣ, для вящшей убѣдительности рѣчи жестикулируя и страшно гримасничая, причемъ косые глаза его безостановочно бѣгали, какъ испуганныя мыши...

— Вотъ послушайте, что́ онъ разсказываетъ! — обратился ко мнѣ командиръ полка.

Андрей быстро закивалъ головой и, безпрестанно испуганно оглядываясь на дверь, таинственнымъ шопотомъ началъ свой разсказъ. По его словамъ, хунхузы, подъ предводительствомъ самого Тя-фу, напали наканунѣ на небольшую деревушку, близъ нашей заставы, разграбили и сожгли ее, зарѣзали старшину деревни, а шестнадцатилѣтнюю дочь его, славившуюся своей красотой, Тя-фу увезъ съ собой, рѣшивъ взять себѣ въ жены. Отправивъ свой отрядъ въ дер. Сяо-Сыръ, Тя-фу съ четырьмя хунхузами-пріятелями и похищенной дѣвушкой остановился въ небольшой, лежавшей въ сторонѣ отъ дороги, впереди нашихъ постовъ всего въ 3—4 верстахъ, деревушкѣ у стараго китайца, тоже бывшаго хунхуза, и здѣсь намѣренъ былъ справлять свадьбу. Расходы по торжеству обязаны были, изъ страха ужасной мести, принять на себя жители деревушки. Все сказанное сообщили Андрею два китайца, бѣжавшіе изъ разграбленной наканунѣ хунхузами деревни. Они ручались, что Тя-фу и его сообщники, занятые пиршествомъ, совсѣмъ не ожидаютъ насъ и могутъ быть захвачены врасплохъ, но сами отказывались провести насъ, боясь, въ случаѣ нашей неудачи, страшной мести грознаго Тя-фу. Въ проводникахъ мы не имѣли особой необходимости, ибо мѣстность впереди нашихъ постовъ мы знали хорошо, и найти указанную китайцами деревушку не представлялось особенно затруднительнымъ.

— Пошлите сейчасъ приказаніе прислать отъ всѣхъ сотенъ, кромѣ дежурной, по три казака въ штабъ полка и отправляйтесь съ ними; можетъ быть, и удастся поймать этихъ негодяевъ, — приказалъ командиръ полка, и менѣе чѣмъ черезъ часъ мы уже выступали, оставивъ подъ карауломъ китайцевъ-

доносчиковъ съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ ложныхъ свѣдѣній, они будутъ казнены.

Нашъ небольшой разъѣздъ, справа по три, вытянулся по дорогѣ. Бодро мелкой «хлиной» *), звонко стуча копытами о мерзлую безснѣжную дорогу, шли отдохнувшіе кони. Казаки, освѣдомленные о цѣли разъѣзда, перекидывались веселыми замѣчаніями:

— Ишь ты, свадьбу играть задумалъ! — Тутъ-то его и захватимъ...

— Китайцы бы только не дали знать, проклятые...

Рядомъ со мной, на мохнатомъ, сѣромъ «манзюкѣ» съ стриженной гривой, посѣдланномъ китайскимъ сѣдломъ, ѣхалъ Андрей; онъ плавно покачивался въ сѣдлѣ и пятками обутыхъ въ теплые китайскіе сапоги ногъ безпрестанно колотилъ по тощимъ ребрамъ своего коня. По обѣ стороны дороги тянулась однообразная безснѣжная, широкая долина, ограниченная безлѣсными скалистыми хребтами; по гребню праваго хребта коегдѣ виднѣлись, какъ черныя точки, наши посты. Изрѣдка попадались по пути священныя тутовыя рощицы да бѣдныя, въ двѣ-три фанзы, сѣрыя деревушки. Эти деревушки, раззоренныя и жалкія, были почти безлюдны и казались оцѣпенѣвшими въ мертвомъ непробудномъ снѣ. Лишь изрѣдка перебѣжитъ улицу мохнатая тощая собака, или промелькнетъ во дворѣ фигура манзы въ синей ватной курткѣ и войлочной шапочкѣ съ наушниками.

Вотъ и наша застава, расположенная въ небольшой деревушкѣ подъ самымъ переваломъ. Во дворѣ стоятъ посѣдланные разномастные кони. Тутъ же «чаюютъ» казаки. Синій дымъ костра тонкой прямой струей тянется кверху.

На перевалѣ у полуразрушенной маленькой кумирни сто-

---

*) Особый, свойственный забайкальскимъ конямъ, ходъ, родственный тропотѣ.

итъ постъ. Зоркими глазами вглядывается часовой въ синѣющую даль широкой долины, что потянулась отъ подошвы скалистаго перевала, туда вдаль, гдѣ на горизонтѣ блещутъ едва замѣтно быстрыя воды р. Тайдзихэ. Все тихо. Ведя скользившихъ и падавшихъ коней въ поводу, мы спустились съ скалистаго перевала и, выславъ дозоры, тронулись дальше. Андрей сталъ видимо волноваться и обращался съ разспросами къ немногимъ попадавшимся намъ навстрѣчу китайцамъ.

— Чичасъ видай. Ланча ли (двѣ версты), — вскорѣ сообщилъ онъ.

Мы толкнули коней, и черезъ нѣсколько минутъ за небольшимъ мыскомъ въ глухомъ отпадкѣ показалась маленькая, въ три-четыре фанзы деревушка, издали казавшаяся такой же мертвой, какъ и попадавшіяся намъ по пути. Быстро высланъ наблюдательный постъ на сосѣднюю сопку, и мы наметомъ подскакиваемъ къ деревнѣ. Казавшаяся мертвой деревушка по мѣрѣ нашего приближенія оживала. Оттуда доносились звуки китайской музыки, звонъ бубенъ и визжащій звукъ китайской скрипки. Ворота одной изъ фанзъ были убраны краснымъ кумачомъ и красными длинными бумажными полосами, испещренными письменами. Отсюда со двора неслись звуки музыки.

Казаки быстро спѣшились и окружили фанзу, а я съ четырьмя людьми поспѣшно вошелъ въ помѣщеніе. При нашемъ появленіи музыка сразу оборвалась. Съ испуганными блѣдными лицами въ сѣняхъ толпились музыканты. Ихъ было человѣкъ шесть; тутъ были и бубны, и скрипка, и родъ цитры, и трехструнная гитара. . . Во всю длину фанзы, въ проходѣ между канами тянулся столъ, уставленный безконечнымъ количествомъ маленькихъ фарфоровыхъ блюдцевъ со всевозможными кушаньями, съ грудами всякихъ сластей. . . Въ противоположномъ концѣ фанзы толпились человѣкъ 20 китайцевъ; они жались другъ къ другу съ испуганными лицами, растерянно глядя на непрошенныхъ гостей. Между ними невольно бросалось въ глаза нѣсколько человѣкъ, богато одѣтыхъ, въ шолковыхъ разноцвѣтныхъ халатахъ. . .

На мой окрикъ: «Джангуйда!» *) — изъ толпы вышелъ старый, подслѣповатый, съ козлиной бородкой китаецъ; онъ видимо робѣлъ, усиленно кланялся и быстро бормоталъ: — Шанго капитана, шибко знакома, та-таде капитана... **)

Въ эту минуту изъ толпы быстро выскочилъ высокій молодой китаецъ въ сѣромъ шолковомъ халатѣ и шапкѣ и, прежде чѣмъ мы опомнились, ударомъ плеча вышибъ оклеенную бумагой раму и выскочилъ въ окно. Въ ту же минуту на дворѣ послышались крики: «Стой, держи его!.. Нѣтъ, братъ, попался не уйдешь...», топотъ многочисленныхъ ногъ и шумъ борьбы.

Поставивъ у окна и дверей казаковъ и предупредивъ, что будемъ стрѣлять при первой попыткѣ къ бѣгству, мы приступили къ обыску. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ шарили казаки въ китайскихъ ларяхъ и шкафахъ, заглядывая во всѣ углы и закоулки. При каждомъ найденномъ предметѣ, представляющемъ какой-либо интересъ, раздавались оживленные возгласы:

— Ваше высокородіе! Ваше высокородіе! Винтовки ихнія — шесть штукъ... Да и дрянныя же — какъ только изъ нихъ стрѣляютъ... удивительно!

— Смотри, смотри, паря, сѣдло наше — русское. Должно, съ артиллеріи...

Перевернувъ все вверхъ дномъ, разыскали шесть ружей всевозможныхъ старыхъ системъ — одни въ родѣ винчестеровъ, другія — напоминающія наши берданки, почти новое артиллерійскаго образца сѣдло, полевую офицерскую сумку съ компасомъ и солдатскую рубаху со слѣдами крови. На вопросъ о томъ, какъ очутились здѣсь эти вещи, хозяинъ-китаецъ моталъ лишь головой и повторялъ «нуджидау» (не знаю); онъ видимо совсѣмъ растерялся и не могъ сообразить, что́ сказать въ свое оправданіе. Приказавъ казакамъ имѣть строгое за нимъ

---

*) Хозяинъ!

**) Хорошій офицеръ, хорошій знакомый, большой офицеръ...

наблюденіе, я вышелъ во дворъ. Остававшіеся здѣсь казаки уже успѣли обшарить всѣ амбары и клѣтушки и въ сосѣднемъ дворѣ нашли лошадей хунхузовъ, двухъ сѣрыхъ и трехъ бѣлыхъ «манзюковъ», посѣдланныхъ китайским сѣдлами съ длинными расписными чепраками. Заморенные, тощіе, съ потертой шерстью, эти манзюки, даже рядомъ съ нашими маленькими забайкалками, казались до-нельзя жалкими. Тутъ же во дворѣ группа казаковъ окружала высокаго, молодого китайца въ шолковомъ сѣромъ халатѣ, котораго урядникъ держалъ за косу. По близости суетился и что-то кричалъ Андрей. Въ группѣ казаковъ слышались отдѣльныя замѣчанія:

— Ишь ты, какъ одѣтъ, — всё на ёмъ шолковое! . .

— Должно, самый главный фунфузъ и есть. . .

Я подошелъ и пристально взглянулъ на китайца. Это былъ тотъ самый, который выскочилъ при моемъ появленіи въ окно. Я тотчасъ призналъ его:

— Шима минза? *) — строго спросилъ я его.

— Тя-фу, — безъ колебанія, глядя мнѣ прямо въ лицо, отвѣчалъ онъ.

Такъ вотъ онъ, грозный, ужасный Тя-фу, сколько разъ ускользавшій изъ нашихъ рукъ, жестокій извергъ, имя котораго стало почти легендарнымъ среди китайцевъ окрестныхъ деревень! . . Я съ любопытствомъ разглядывалъ его. Это былъ молодой типичный манчжуръ лѣтъ двадцати-восьми, высокаго роста, сильный и стройный. Продолговатое, лишенное растительности лицо было довольно красиво. Оно был покрыто, также какъ и руки, матовой тонкой кожей. Горбатый узкій носъ и плотно сжатый ротъ придавали лицу какое-то жесткое и рѣшительное выраженіе. Но особенно поражали глаза, или, вѣрнѣе, ихъ блескъ, — холодный, чисто металлическій. Отъ взгляда этихъ глазъ становилось какъ-то жутко и холодно на душѣ.

---

*) Какъ звать?

Одѣтъ Тя-фу былъ въ сѣрый плотнаго шолка халатъ и такіе же штаны. Поверхъ надѣта была въ рукава шубка изъ такого же шолка, подбитая рысьимъ мѣхомъ, съ серебряными филигранной работы застежками. На головѣ красовалась маленькая, круглая шапочка, отороченная куньимъ мѣхомъ и украшенная спереди нѣсколькими цвѣтными гранеными бусами.

Понявъ, видимо, что ему нечего сказать въ свое оправданіе, Тя-фу на дальнѣйшіе мои вопросы отвѣчалъ полнымъ молчаніемъ. . .

Въ сосѣдней фанзѣ раздавались плачъ и крики. Я пошелъ туда и нашелъ цѣлую толпу «бабушекъ» и дѣтей. Все это въ ужасѣ пряталось по угламъ, кричало и плакало. Отдѣльно отъ другихъ женщинъ, прижавшись къ стѣнѣ, стояла молодая, довольно красивая китаянка. Изъ-подъ слоя бѣлилъ и румянъ густо намалеваннаго лица выглядывали два большихъ испуганныхъ глаза.

— Дѣфыка! Той самый дѣфыка. . . — тыкая въ нее пальцемъ, пояснилъ вошедшій за мною Андрей. Я понялъ, что это была похищенная хунхузами дѣвушка. Выславъ изъ фанзы вающихъ «бабушекъ» и дѣтей, я оставилъ ее одну и приказалъ Андрею передать ей, что отнынѣ она свободна и, если желаетъ, можетъ идти съ нами въ Гаоленцзы, откуда будетъ доставлена въ родную деревню. Она благодарила и просила передать мнѣ, что съ уходомъ хунхузовъ здѣшніе жители не сдѣлаютъ ей зла, идти же съ нами отказалась, ибо, узнавъ объ этомъ товарищи Тя-фу сочли бы ее за предательницу и ей не миновать было бы страшной смерти. Она указала намъ на остальныхъ четырехъ хунхузовъ, тѣхъ самыхъ китайцевъ, которые бросились мнѣ уже въ глаза своей относительно богатой одеждой. Все это были молодые люди 25—30 лѣтъ, ничѣмъ особеннымъ, кромѣ одежды, не отличавшіеся. Встрѣтивъ ихъ гдѣ-либо на улицахъ китайскаго базара, я принялъ бы ихъ, конечно, за мирныхъ китайскихъ «купеза». . .

Солнце замѣтно склонилось къ западу. Ежеминутно могъ подойти непріятельскій разъѣздъ, или значительный отрядъ хунхузовъ, и я приказалъ, не теряя времени, собираться въ обратный путь. Посадивъ хунхузовъ на ихъ коней, которыхъ казаки взяли на чумбуры, и взгромоздивъ стараго «джангуйду» на найденнаго въ деревнѣ мула, мы тронулись въ дорогу, провожаемые ревомъ и плачемъ выбѣжавшихъ на околицу членовъ семьи стараго китайца. Весь западъ былъ охваченъ краснымъ заревомъ заката. Высокіе скалистые гребни хребтовъ въ потухающихъ лучахъ заходившаго солнца казались серебристо-розовыми. Широкія лиловыя тѣни легли въ глубинѣ долины. Вдали тамъ, гдѣ катила воды быстрая незамерзающая Тайдзихэ, густой пеленой подымался туманъ. Температура быстро понизилась, и воздухъ сталъ особенно сухъ и ясенъ. Мы шли молча, торопя коней, спѣша до полной темноты достичь нашихъ постовъ. Лишь изрѣдка казаки обмѣнивались отрывистыми замѣчаніями. Молчали, думая, вѣроятно, невеселую думу, и хунхузы.

Вотъ и перевалъ. На фонѣ догорающаго заката ясно вырисовывалась на вершинѣ хребта полуразрушенная кумирня со стоящей по близости темной фигуркой часового. Мы поднялись на перевалъ, и, опередя мой разъѣздъ, я рысью поѣхалъ доложить начальнику отряда о нашей экспедиціи. Вскорѣ вѣсть о поимкѣ Тя-фу облетѣла весь лагерь, и къ подходу разъѣзда дворъ штаба отряда наполнился офицерами и солдатами, съ любопытствомъ разглядывавшими хунхузовъ. У воротъ толпились китайцы, съ почтеніемъ и страхомъ глядѣвшіе на столь грознаго для нихъ Тя-фу. Послѣдній по прежнему на предлагавшіеся ему вопросы отвѣчалъ молчаніемъ и въ холодномъ, безстрастномъ взглядѣ его нельзя было уловить и тѣни колебанія или страха. Остальные хунхузы клялись и божились въ своей невинности, увѣряя, что «мею хунхуза, манза шанго»... *) По приказанію начальника отряда они

*) «Не хунхузы, — хорошіе китайцы».

всѣ были оставлены подъ карауломъ, съ тѣмъ чтобы утромъ отправить ихъ въ штабъ корпуса, въ дер. Цинхэченъ. Едва мы усѣлись ужинать, какъ на дворѣ раздался страшный плачъ и вой. Мы вышли и увидѣли цѣлую толпу китайцевъ, которые при появленіи начальника отряда упали ницъ и завопили пуще прежняго. Оказалось, что это — жители деревни Гаолинцзы, которые, узнавъ о поимкѣ Тя-фу, пришли просить начальника отряда немедленно казнить хунхузовъ, изъ боязни, что тѣ, сбѣжавъ, поспѣшатъ выместить свою злобу на мѣстномъ населеніи, ихъ предавшемъ. Съ трудомъ удалось успокоить этихъ оригинальныхъ просителей.

На утро подъ сильнымъ конвоемъ хунхузы были отправлены въ Цинхэченъ. Дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. По слухамъ, они были «не хунхузы, — хорошіе китайцы», выданы китайскимъ властямъ и казнены. Послѣ поимки Тя-фу, дѣйствовавшіе противъ насъ хунхузы распались на отдѣльныя мелкія шайки, и наши разъѣзды и посты уже ими не тревожились.

II.

Теплая іюльская ночь смѣнила невыносимо жаркій день. Вечерняя мгла спустилась въ широкую долину рѣки Као-хэ, проникла въ многочисленные, глубокіе пади и отпадки горъ и постепенно окутала высокіе, скалистые хребты. На далекомъ небосводѣ одна за другой зажглись и заискрились мерцающимъ блескомъ милліарды звѣздъ. . . Освѣщая голубовато-серебристымъ свѣтомъ зубчатый гребень скалистаго хребта, выплылъ блѣдный дискъ луны, и голубой лунный свѣтъ поплылъ по склонамъ горъ, гоня вглубь долины черныя ночныя тѣни. Все тихо. Утомленная зноемъ іюльскаго дня, природа спитъ; лишь монотонно журчитъ горный ручей, да изрѣдка пронесется вѣтерокъ и зашелестятъ высокіе серебристые стебли гаоляна. . .

6

Спитъ и нашъ бивакъ *), разбитый на днѣ глубокой долины у небольшой, въ три фанзы, деревушки. На фонѣ ночной мглы выдѣляются сѣровато-бѣлыми пятнами полотнища палатокъ. Свѣтлыми струйками тянется кверху дымъ догорающихъ костровъ. Слышно, какъ кони лѣниво жуютъ солому; изрѣдка взвизгнетъ разсерженная лошадь, или послышится чей-то безсвязный, сонный бредъ. . .

Но вотъ неясная сѣрая тѣнь выросла на бивакѣ и, мелькая на фонѣ бѣлыхъ полотнищъ палатокъ, направилась къ дорогѣ. Еще и еще; точно изъ-подъ земли выростаютъ эти тѣни, выплываютъ, освѣщенныя блѣднымъ луннымъ свѣтомъ, и двигаются безшумно къ дорогѣ, на околицу деревни. Поправляя на ходу винтовки и прилаживая аммуницію, собираются вызвавшіеся охотниками на трудное ночное дѣло люди.

Уже неоднократно изъ штаба арміи присылались въ наши передовыя части требованія о доставкѣ плѣнныхъ, или по крайней мѣрѣ, оружія и частей обмундированія непріятеля, по которымъ можно было бы опредѣлить, какія части противъ насъ дѣйствуютъ. Требованія эти были вызваны полученными черезъ шпіоновъ свѣдѣніями о появленіи у противника вновь прибывшихъ, свѣжихъ частей, и выясненію этого обстоятельства придавалось большое значеніе. Къ сожалѣнію японцы, бывшіе и ранѣе крайне осторожными, за послѣднее время обнаруживали особую осмотрительность. Ихъ передовыя части проявляли крайне малую подвижность, и разъѣзды выдвигались лишь подъ прикрытіемъ сильныхъ пѣхотныхъ частей. Нашими пе-

---

*) Бивакъ отряда подполковника генеральнаго штаба Цѣховича, высланнаго изъ штаба 1-й арміи 22-го іюля 1905 г. въ районъ деревни Нанчензы, при сліяніи р.р. Тунъ-хэ и Као-хэ у большой Мандаринской дороги, съ спеціальной цѣлью добычи плѣнныхъ. Въ составъ отряда входили: конно-охотничьи команды Иркутскаго и Красноярскаго полковъ, сборная сотня штаба 1-й арміи, изъ 2-хъ взводовъ дивизіона развѣдчиковъ и 2-хъ взводовъ амурцевъ изъ конвоя командующаго, и сотня донцовъ. Позднѣе отрядъ усиленъ двумя сотнями донцовъ и конно-пулеметной командой 8-го Сибирскаго казачьяго полка.

44

редовыми частями предпринимались неоднократно усиленныя рекогносцировки съ цѣлью захвата плѣнныхъ, но до сего времени это не удавалось. Наконецъ, встревоженные, видимо, нашей безпокойностью, японцы рѣшили нѣсколько продвинуться впередъ, дабы имѣть за нами болѣе бдительное наблюденіе, и съ нашихъ постовъ были замѣчены наканунѣ ихъ люди, производившіе окопныя работы на одномъ изъ ближайшихъ къ нашимъ постамъ хребтовъ. Съ наступленіемъ сумерекъ работавшая часть отошла на линію непріятельскихъ постовъ, и являлось весьма вѣроятнымъ, что она завтра выдвинется вновь для продолженія начатыхъ окопныхъ работъ. Въ виду возникшаго предположенія, начальникъ отряда приказалъ вызвать охотниковъ, дабы ночью продвинуться до хребта, гдѣ были замѣчены работавшіе люди, и здѣсь устроить засаду. Въ прикрытіе охотникамъ предполагалось выдвинуть нѣсколько впередъ линію нашихъ постовъ, двѣ сотни донцовъ и конно-пулеметную команду 8-го Сибирскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ л.-гв. гусарскаго полка поручика Смецкаго. Предпріятіе являлось весьма смѣлымъ, ибо мѣсто засады находилось на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ линіи непріятельскаго сторожевого охраненія, засада легко могла быть обнаружена съ постовъ противника, а отступать приходилось подъ сильнымъ огнемъ. Опасность предстоящаго дѣла, однако, не могла смутить нашихъ молодцовъ, и охотниковъ вызвалось болѣе чѣмъ требовалось... Тихо, обмѣниваясь лишь изрѣдка отрывистыми замѣчаніями, собираются люди на дорогѣ. Каждый сознаетъ трудность предстоящей задачи, въ каждомъ гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ, что-то безсознательно болѣзненно шевелится: «Можетъ быть, ужъ не вернусь... Можетъ быть, въ послѣдній разъ вижу остающихся товарищей, слышу ихъ голоса»...

— Ну, съ Богомъ! Шагомъ маршъ! — Обнажаются головы, и, истово осѣня себя крестнымъ знаменемъ, мы трогаемся въ путь. По узкой, вьющейся змѣей, каменистой тропѣ втягиваемся мы въ горы. Освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ лу-

ны, безмолвно двигаются сѣрые силуэты охотниковъ, отбрасывая на дорогу длинныя, колеблющіяся тѣни. Шашки, мѣшающія при движеніи пѣшкомъ въ горахъ, оставлены на бивакѣ, и люди идутъ съ однѣми винтовками. Привычные къ хожденію по горамъ, мы двигаемся быстро и вскорѣ подходимъ къ нашей заставѣ, укрытой за гребнемъ хребта въ небольшой рощицѣ. Между рѣдкими деревьями чернѣютъ темные, неуклюжіе силуэты казачьихъ коней и казаковъ, ожидающихъ нашего прихода.

— Со стороны японцевъ ничего новаго не замѣтили, — сообщаетъ начальникъ заставы. — Будьте осторожны, не оставлены ли у нихъ секреты, — предупредительно добавляетъ онъ.

Мы поднимаемся на хребетъ и пристально вглядываемся въ даль. Спитъ широкая долина съ разбросанными кое-гдѣ китайскими деревушками, потонувшими среди засѣянныхъ высокимъ гаоляномъ полей, съ монотонно журчащей, извилистой рѣчкой; спятъ высокіе, покрытые рѣдкими кустами, изрѣзанные многочисленными падями хребты. Гдѣ-то далеко въ глубинѣ долины блеснулъ красный огонекъ, блеснулъ, на мгновенье нарушивъ однообразіе ночи, и такъ же быстро погасъ. . .

Минуя постъ, мы спускаемся съ хребта и двигаемся далѣе. Мы крадемся безмолвно, крѣпко сжимая винтовки, пристально вглядываясь въ ночную мглу, всѣмъ существомъ стараясь проникнуть неизвѣстность ночи. Осторожно, шагъ за шагомъ, мы подвигаемся безшумно впередъ. Груда камней, одинокій разросшійся кустъ принимаютъ во тьмѣ ночи фантастическія, причудливыя очертанія, заставляя воспаленное воображеніе невольно отыскивать въ нихъ затаившагося врага. Изрѣдка сорвется изъ-подъ ноги камень, и неожиданный шумъ заставитъ вздрогнуть, больно ударивъ по настороженнымъ нервамъ. Но вотъ, наконецъ, и мѣсто нашей засады — каменистый, заросшій кустами высокій кряжъ. Далеко внизу подъ нами тянется слѣва широкая долина рѣки Као-хэ, дебуширующая на большую Мандаринскую дорогу; справа — широкая

глухая падь, упирающаяся въ высокій, занятый японцами и укрѣпленный хребетъ, зубчатый гребень котораго грозно чернѣетъ на фонѣ неба. Ближе къ намъ, отдѣленная отъ насъ глубокой поперечной падью, высится отдѣльная конусовидная сопка, куда, по нашимъ наблюденіямъ, противникъ выдвигаетъ днемъ свой наблюдательный постъ. Кругомъ насъ все напоминаетъ о недавнемъ присутствіи непріятеля: при свѣтѣ луны свѣтлыми пятнами выдѣляется глина свѣже-вырытыхъ окоповъ, на примятой травѣ валяются коробки изъ-подъ папиросъ, обрывки японской газеты. . .

Большая Медвѣдица склонилась къ горизонту, звѣзды одна за другой стали блѣднѣть и гаснуть, и небосводъ на востокѣ замѣтно поблѣднѣлъ. Времени терять нельзя, надо по возможности ознакомиться съ обстановкой и расположить людей въ засадѣ. Опытные въ подобныхъ экскурсіяхъ люди сами выбираютъ себѣ закрытія, удивительно приспосабливаясь къ окружающей обстановкѣ, укрываясь кто въ окопахъ, кто за грудой камней, кто въ разросшемся кустѣ. Черезъ полчаса всѣ размѣстились, и занятый нами кряжъ кажется такимъ же безжизненнымъ, какъ и часъ тому назадъ. Плотно прижавшись къ землѣ, склонивъ надъ собою густыя вѣтви кустовъ, залегли охотники. Всѣ замерли, затаивъ дыханіе, ни одинъ не обнаружитъ себя неосторожнымъ движеніемъ врагу, и лишь подъ каждымъ кустомъ, за каждымъ камнемъ горитъ лихорадочнымъ блескомъ пара пытливыхъ, горячихъ глазъ.

Освѣженная благодѣтельнымъ сномъ, природа просыпается; бѣгутъ далеко ночныя тѣни, и сѣрые силуэты, выступая изъ предразсвѣтной мглы, принимаютъ ясныя, опредѣленныя очертанія. Передъ нами, не далѣе какъ въ двухъ тысячахъ шаговъ, высится отдѣльная сопка, куда непріятель ежедневно выдвигаетъ постъ. Она имѣетъ видъ громаднаго сосца и почти лишена растительности. Ясно видны сложенные изъ вѣтвей два шалаша — мѣсто, гдѣ обыкновенно располагается постъ. Внизу подъ нами въ широкой долинѣ виднѣется китайская деревушка, раскинувшаяся по обѣ стороны быстрой извилистой

рѣчки. Вдоль единственной улицы лѣпится десятокъ сѣрыхъ фанзъ, окруженныхъ глинобитными заборами, съ дворами, застроенными всевозможными амбарами и клѣтушками. Деревушка кажется потонувшей среди моря высокаго гаоляна окрестныхъ полей. Какъ густой паръ поднимается съ рѣчки сѣрый туманъ. Вотъ гдѣ-то, совсѣмъ близко, въ высокой травѣ рѣзко прокричалъ фазанъ; ему откликнулся другой, третій. . .

Первые лучи восходящаго солнца ударили въ грозно чернѣющій вдали, занятый японцами хребетъ и озарили яркимъ свѣтомъ его скалистый гребень. Въ бинокль ясно виденъ этотъ гребень, изрытый на всемъ протяженіи значительными окопами. Отъ этого хребта потянулся къ намъ невысокій холмистый кряжъ, заканчивающійся впереди насъ высокой сопкой, куда выдвигается непріятелемъ постъ.

Я достаю книжку донесеній и спѣшу набросать кроки видимыхъ отсюда непріятельскихъ позицій. Мое занятіе прерывается сдавленнымъ шопотомъ лежащаго со мною рядомъ въ кустахъ подпоручика Выкрестова:

— Смотрите! Японцы. . .

Освѣщенные косыми лучами восходящаго солнца, движутся по холмистому гребню кряжа, направляясь къ намъ одинъ за другимъ, девять конныхъ силуэтовъ. Въ бинокль ясно видны небольшія гнѣдыя лошадки съ стриженными хвостами, всадники въ «хакки», въ фуражкахъ съ назатыльниками. На солнцѣ изрѣдка блеснутъ металлическія ножны сабли. . . Это, несомнѣнно, выдвигается наблюдательный постъ. Вотъ одинъ за другимъ всадники скрываются за складкой мѣстности, и нѣсколько минутъ спустя на виднѣющейся передъ нами сопкѣ показываются двѣ маленькихъ желтыхъ фигурки пѣшихъ японцевъ; медленно, шагъ за шагомъ, поминутно останавливаясь и осматривая окружающую мѣстность, поднимаются они на вершину сопки. Замерли, затаивъ дыханіе, охотники, плотно прижавшись къ землѣ, точно желая въ нее врости. Рѣзкими толчками громко стучитъ въ груди сердце.

— Вотъ замѣтятъ... Начнутъ стрѣлять... Всѣ старанія, всѣ усилія пропали даромъ...

Нѣтъ! Все спокойно. Не обнаруживъ, видимо, ничего подозрительнаго, японцы останавливаются на вершинѣ сопки. Одинъ, повернувшись назадъ, машетъ рукой, и вскорѣ на сопкѣ показываются еще четыре маленькія желтыя фигурки. Остальные японцы остались, повидимому, въ лощинѣ съ лошадьми. Часовой становится на свой постъ, укрывшись за кустомъ; остальные разсаживаются въ шалашахъ. Они видны въ бинокль отсюда совсѣмъ ясно: вотъ одинъ, согнувшись, поправляетъ что-то на обуви; другой, присѣвъ на корточки, повидимому что-то оживленно разсказываетъ, размахивая руками.

— Не замѣтили. Здо́рово мы укрылись! — шопотомъ дѣлится своими впечатлѣніями Выкрестовъ.

Волненіе понемногу улеглось, и я принимаюсь доканчивать начатые кроки. Внизу въ долинѣ начинается движеніе; проснулась китайская деревушка, по улицамъ замелькали синія куртки китайцевъ. Вотъ изъ деревни, сѣменя ногами, быстрымъ шагомъ направляется по дорогѣ какой-то манза съ двумя корзинами на концахъ коромысла, положеннаго на одно плечо. Вотъ другой гонитъ передъ собою пару нагруженныхъ до самыхъ ушей осликовъ. На околицѣ деревни копошатся въ лужѣ нѣсколько черныхъ китайскихъ «чушекъ»... Мирной сельской жизнью дышитъ вся эта картина, пригрѣтая утренними лучами жаркаго іюльскаго солнца. Но вотъ въ концѣ долины изъ-за поворота дороги показывается нѣсколько пѣшихъ японцевъ. Ихъ появленіе сразу вноситъ новую нотку въ окружающую обстановку, нарушая мирную сельскую жизнь и напоминая грозную дѣйствительность. Бодрымъ шагомъ движутся по дорогѣ желтыя, одѣтыя въ «хакки» фигуры, направляясь къ убогой фанзушкѣ, одиноко пріютившейся въ глухомъ отпадкѣ. Они подходятъ къ ней и разспрашиваютъ о чемъ-то копошащагося во дворѣ китайца. Китаецъ машетъ руками, показывая куда-то по направленію нашихъ постовъ. Бодро

одинъ за другимъ по едва замѣтной извилистой горной тропинкѣ потянулись японцы въ горы, мелькая межъ зеленыхъ кустовъ сѣро-желтыми «хакки». Они поднимаются на лѣсистый хребетъ, ограничивающій съ противоположной отъ насъ стороны лежащую подъ нами широкую долину. Теперь они находятся справа отъ насъ, на одной съ нами высотѣ, отдѣленные отъ насъ широкой, въ 1—1½ версты долиной. Сердце снова начинаетъ стучать въ груди, снова въ голову, гоня одна другую, быстро лѣзутъ безпокойныя мысли. . .

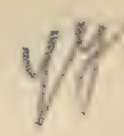
— Увидали! Смотрите, двое идутъ обратно — навѣрное предупредить своихъ, — слышу взволнованный шопотъ Выкрестова.

Два японца спускаются обратно по тропинкѣ въ долину; остальные размѣстились на гребнѣ, укрывшись въ кустахъ. Впившись глазами, слѣдимъ мы за двумя маленькими, бодро шагающими энергичными фигурками, стараясь не упустить изъ виду ни одного ихъ движенія, стремясь всѣмъ существомъ отгадать ихъ намѣренія. Вотъ они спустились въ долину и зашагали по дорогѣ. Они идутъ бодро, но не спѣша, изрѣдка видимо обмѣниваясь разговорами; вотъ одинъ свернулъ съ дороги и о чемъ-то разспрашиваетъ работающаго въ полѣ китайца; другой японецъ ожидаетъ товарища на дорогѣ.

— Нѣтъ, не видѣли. Еслибъ замѣтили, посланные бы спѣшили, а эти идутъ не спѣша, — дѣлюсь я съ Выкрестовымъ наблюденьями, все еще не смѣя вѣрить въ успѣхъ. Японцы скрываются за поворотомъ дороги, и въ долинѣ наступаетъ прежняя мирная тишина. Солнце поднялось высоко; его отвѣсные лучи жгутъ немилосердно. Во рту отъ волненія и жажды совсѣмъ пересохло; отъ продолжительнаго неподвижнаго лежанія ломитъ въ костяхъ. Со стороны непріятеля все тихо. Японцы на посту, укрываясь отъ палящаго зноя, залѣзли въ шалаши, — виднѣется лишь, полуприкрытыя кустомъ, желтая фигурка часового. Я вынимаю часы.

— Который часъ? — спрашиваетъ шопотомъ Выкрестовъ.

— Скоро одиннадцать. Видно, сегодня не придутъ.



— Ужасно обидно. Такъ удачно укрылись.

— Придется обождать до темноты, сейчасъ отходить нельзя, напрасно потери понесемъ. . .

Легкій шорохъ раздвигаемыхъ кустовъ и звукъ катящихся подъ гору камней прервали нашъ разговоръ. На обращенномъ въ сторону непріятеля склонѣ занятаго нами хребта, всего въ какихъ-нибудь тридцати шагахъ ниже насъ, въ кустахъ показывается фигура японца. Онъ появляется какъ-то сразу, точно выростаетъ изъ подъ-земли. Ясно, до мельчайшихъ подробностей, видно его молодое, смуглое, лишенное растительности лицо съ узкими черными глазами и широкимъ приплюснутымъ носомъ, фуражка съ сѣрымъ холщевымъ назатыльникомъ, желтые кожаные подсумки. Онъ стоитъ, раздвинувъ вѣтки, пытливо вглядываясь въ лежащую впереди его чащу кустовъ, быть можетъ, инстинктомъ чуя грядущую опасность.

Забывъ весь окружающій міръ, затаивъ дыханье, впились въ него глаза охотниковъ. Сердца громко стучатъ въ грудяхъ, нервные спазмы сжимаютъ горла, взоры блестятъ лихорадочнымъ блескомъ. Такъ тигръ, затаившись въ чащѣ джонглей, ждетъ бредущее на водопой стадо антилопъ.

Опять зашевелились кусты — и въ десяти шагахъ правѣе перваго показывается второй японецъ; этотъ — немолодой уже, тучный, съ жесткими, точно обкусанными, усами. Осторожно раздвигая вѣтви, проницательнымъ взоромъ вглядываясь въ чащу кустовъ, японцы медленно подымаются къ намъ. Это, несомнѣнно, дозорные; за ними далѣе слѣдуетъ часть, идущая окончивать начатыя окопныя работы. Тихо, шагъ за шагомъ, японцы приближаются къ намъ; теперь ясно видны каждая складка изъ одежды, каждая пряжка ихъ аммуниціи. Всего нѣсколько шаговъ отдѣляютъ ихъ отъ насъ. . .

Но вотъ зоркій взглядъ молодого японца на мгновеніе скрещивается съ блестящимъ взоромъ пары горящихъ глазъ затаившагося въ чащѣ врага. Внезапно судорога искажаетъ его лицо. Сжавшись какъ кошка, готовящаяся къ прыжку, онъ дѣлаетъ движенье броситься въ кусты. «Трахъ!» — рѣзко

щелкаетъ одиночный выстрѣлъ, и, вскинувъ руки, японецъ, повернувшись на самомъ себѣ, падаетъ навзничь. «Трахъ-трахъ!» — гремятъ выстрѣлы, и другой, толстый япнецъ, повернувшій было назадъ, грузно, какъ куль овса, грохается о земь. Нѣсколько охотниковъ выскакиваютъ изъ засады и бросаются снимать оружіе и аммуницію съ убитыхъ. Внизу въ кустахъ слышится громкая отрывистая команда, и черезъ мгновенье раздается быстрая трескотня выстрѣловъ. Слѣдовавшая за дозорными часть, разсыпавшись на склонѣ горы, открываетъ по занятому нами гребню бѣглый огонь. Стрѣляетъ по насъ съ сопки и находящійся тамъ непріятельскій постъ. Пули рѣзко свищутъ въ воздухѣ, звонко щелкаютъ о груды щебня, срываютъ листья и вѣтки кустовъ. Нѣсколько японцевъ, находящихся на хребтѣ черезъ долину правѣе насъ, открываютъ намъ во флангъ дальній огонь. Пренебрегая ими, мы сосредоточиваемъ весь огонь противъ залегшей ниже насъ на склонѣ горы части, бѣшенымъ огнемъ стараясь задержать ее и дать время нашимъ смѣльчакамъ снять съ убитыхъ оружіе, аммуницію, а главное, металлическія бирки, которыя каждый японскій солдатъ носитъ на шеѣ и на которыхъ обозначена часть, гдѣ онъ служитъ.

— О-о-хъ! . . — раздается близъ меня глухой стонъ. Молодой казакъ-амурецъ Самсоновъ выронилъ винтовку и схватился обѣими руками за животъ; лицо его сразу посѣрѣло, губы стали бѣлыя какъ бумага. . .

Японцы начинаютъ наступать перебѣжками. Все ближе и ближе въ чащѣ кустовъ щелкаютъ ихъ выстрѣлы. Аммуниція съ убитыхъ снята — пора отходить.

Мы отступаемъ, унося двухъ тяжело раненыхъ. Японцы, быстро занявъ оставленный нами гребень, преслѣдуютъ насъ бѣглымъ огнемъ. Пригнувшись, стараясь воспользоваться каждой складкой мѣстности, каждымъ незначительнымъ закрытіемъ, отходимъ мы, и, обгоняя насъ, несутся, жужжа какъ рой пчелъ, пули. То и дѣло рѣзко разсѣкаютъ онѣ воздухъ. . . Поминутно спотыкаясь, обливаясь потомъ и тяжело дыша, нѣ-

сколько казаковъ несутъ тяжело раненаго вахмистра. Его широкое загорѣлое лицо со слипшимися на лбу волосами и всклокоченной русой бородой искажено страданіемъ. Крѣпко охвативъ рукою шею одного изъ несущихъ его казаковъ, онъ безпокойно мотаетъ головой и хрипло стонетъ.

— Не оставьте, братцы. . . Богъ вамъ поможетъ. . . Не бросайте. . . — безпрестанно упавшимъ голосомъ умоляетъ онъ.

— Не бойсь, Иванъ Петровичъ, не бойсь! Гдѣ-жъ это видано — своего бросить. . . — успокаиваютъ его казаки и, задыхаясь, спѣша и спотыкаясь, несутъ дальше, не обращая вниманія на то и дѣло разсѣкающія воздухъ пули.

Медленно, опираясь на прикладъ винтовки и часто останавливаясь, пробирается между кустовъ раненый въ ногу подпоручикъ Выкрестовъ. Онъ мужественно отказывается отъ помощи предлагающихъ нести его охотниковъ. . .

«Трахъ-трахъ!» — гремятъ какъ-то особенно густо впереди насъ залпы оставленныхъ намъ въ прикрытіе сотенъ. Не сладко отъ этихъ залповъ становится, повидимому, японцамъ, — ихъ огонь слабѣетъ, а затѣмъ и прекращается совсѣмъ.

Выбившіеся изъ силъ, усталые и запыхавшіеся выходимъ мы на линію нашихъ постовъ. Насъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ радостныя, сочувствующія лица. Каждый старается чѣмъ-нибудь помочь, оказать вниманіе. Кто хлопочетъ доставить носилки для раненыхъ, кто тащитъ изъ колодца холодную воду. Поручикъ Смецкой поитъ ослабѣвшихъ раненыхъ изъ фляжки коньякомъ. Всѣ поздравляютъ съ успѣхомъ, разспрашиваютъ, опять поздравляютъ. Какъ радостно, тепло на сердцѣ отъ этихъ ласковыхъ, участливыхъ словъ, какими близкими, родными кажутся всѣ эти озабоченныя, загорѣлыя лица! . . Счастливыми, веселыми глазами, точно очнувшись отъ тяжелаго кошмара, смотришь на нихъ, и безконечная радость, чисто животная радость — опасность-молъ далеко, самъ живъ, здоровъ и невредимъ — охватываетъ все существо и наполняетъ сердце безконечнымъ ликующимъ счастьемъ. . .

Бар. Петръ Врангель.

Въ тылу у японцевъ во время боя при Шахэ*)

I

Въ срединѣ сентября 1904 года рѣшенъ былъ переходъ нашей арміи въ наступленіе; къ этому времени численность нашихъ силъ достигла 181.400 штыковъ, 12—14 тысячъ шашекъ и до 600 орудій. Мы занимали фронтъ въ 50 верстъ отъ Импань до Пхудзыянъ, и армія по фронту дѣлилась на двѣ группы — западную (генералъ Бильдерлингъ) и восточную (генералъ баронъ Штакельбергъ). Общій резервъ составляли два корпуса, подъ начальствомъ генерала барона Мейендорфа. Для охраны фланговъ назначались: праваго — отрядъ генерала Коссаговскаго, лѣваго — генерала Ренненкампфа. Силы японскихъ трехъ армій исчислялись нашей главной квартирой въ 170.000 штыковъ, 6½ тысячъ сабель и 648 орудій. Фронтъ непріятельскихъ армій тянулся на 60 верстъ отъ Далинскаго перевала до Чесантунь.

Цѣлью наступленія ставилось разбить японцевъ въ районѣ между рр. Шахэ и Тайдзихэ и отрѣзать ихъ сообщенія на востокѣ и югѣ. Во исполненіе означенной цѣли восточный отрядъ

---

*) «Историческій Вѣстникъ», ноябрь, 1909 г.

49

долженъ былъ оттѣснить правый флангъ противника у деревни Бензиху и, наступая долиной рѣки Тайдзихэ, дѣйствовать въ тылъ непріятельскихъ позицій у Янтая; западный же, двигаясь вдоль желѣзнодорожнаго пути и Мандаринской дороги, наступать на городъ Лаоянъ.

Къ означенному времени нашъ отрядъ генерала Ренненкампфа, въ составѣ 13 батальоновъ, 26 орудій, 16 сотенъ, 4 конно-горныхъ орудій и саперной роты, располагался въ районѣ деревень: Мадзядань — Убеньянуза — Сантунью. Послѣ памятныхъ дней Лаояна мы продолжительное время стояли въ бездѣйствіи, лишь изрѣдка предпринимая усиленныя рекогносцировки. Для насъ, казаковъ, испытавшихъ первый періодъ лихорадочной дѣятельности передового летучаго отряда генерала Ренненкампфа, особенно монотонно и скучно тянулось время нашего продолжительнаго стоянія. Хотя и носились слухи о скоромъ переходѣ нашихъ въ наступленіе, но этимъ слухамъ не придавалось особаго значенія; наше непрерывное отступленіе, отходъ назадъ, даже послѣ одержаннаго на всемъ фронтѣ при Лаоянѣ успѣха, невольно зарождали сомнѣнія въ намѣреніи командующаго въ ближайшемъ будущемъ перейти къ активному образу дѣйствій.

21 сентября всѣ части отряда получили приказаніе къ 6 часамъ вечера строиться у выхода дер. Убеньянуза для присутствія на имѣющемъ быть отслуженнымъ молебствіи. Одновременно разнесся слухъ, что полученъ приказъ командующаго арміей о нашемъ предстоящемъ наступленіи; слухъ этотъ съ быстротою молніи облетѣлъ отрядъ, вызвавъ всеобщее ликованіе. . . То, о чемъ мечталъ съ самаго начала войны каждый изъ насъ, то, чего ждалъ и что ежечасно призывалъ всѣмъ сердцемъ, наконецъ наступило и возмездіе за все тяжелое и унизительное, пережитое нами за послѣдніе восемь мѣсяцевъ, казалось близкимъ. Несмотря на рядъ пережитыхъ невзгодъ и неудачъ, вѣра въ свои силы, вѣра въ непобѣдимость нашей арміи не была поколеблена, и каждый изъ насъ смѣло смотрѣлъ впередъ, твердо вѣря, что ему удастся отомстить за рядъ пере-

житыхъ униженій врагу. Собирались оживленныя группы, извѣстіе обсуждалось на всѣ лады, составлялись всевозможные планы и предположенія...

Къ назначенному времени части отряда построились въ долинѣ у выхода изъ деревни на скошенномъ гаоляновомъ полѣ. Длинный рядъ сѣрыхъ солдатскихъ рубахъ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ сѣрымъ тономъ вспаханной земли, едва выдѣляясь на фонѣ сѣраго камня, тянувшагося вдоль скалистаго хребта. Заходящее солнце озаряло розовымъ свѣтомъ скалистые гребни горъ, играя послѣдними косыми лучами на оружіи, бляхахъ аммуниціи, на парчевомъ покровѣ поставленнаго среди поля аналоя. Подъ одиноко виднѣвшимся среди поля скорченнымъ дубомъ стоялъ генералъ Ренненкампфъ со штабомъ; его плотная, крупная фигура съ красной шведской курткѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и въ петлицѣ, съ серебряной кавказской шашкой черезъ плечо, рѣзко выдѣлялась среди прочихъ лицъ штаба. Начальникъ штаба внятнымъ, мягкимъ голосомъ читалъ приказъ:

«Болѣе семи мѣсяцевъ тому назадъ врагъ вѣроломно напалъ на насъ въ Портъ-Артурѣ ранѣе объявленія войны. Съ тѣхъ поръ много подвиговъ содѣяно русскими войсками на сушѣ и на морѣ, которыми справедливо можетъ гордиться наша родина, но врагъ не только не поверженъ въ прахъ, но въ гордынѣ своей еще продолжаетъ помышлять о полной побѣдѣ надъ нами...» раздаются въ тихомъ вечернемъ воздухѣ начальныя слова приказа. Съ напряженными, сосредоточенными лицами, стараясь не проронить ни одного слова, жадно ловя каждый звукъ, слушаютъ всѣ знаменательныя, отнынѣ историческія слова, слова, обращенныя къ великой арміи ея вождемъ. Замерли, затаивъ дыханіе, точно окаменѣвъ, тысячи однообразно-сѣрыхъ фигуръ, и лишь особый лихорадочный блескъ въ напряженныхъ взглядахъ выдаетъ копошащіяся въ глубинѣ душъ тысячи разнообразныхъ ощущеній...

Командующій упоминаетъ въ приказѣ о недостаточности до сего времени нашихъ силъ, о трудности сосредоточить въ

50

малое время на театрѣ военныхъ дѣйствій значительную армію, отдаетъ должное геройской оборонѣ войскъ, образцовому порядку при отступленіяхъ... «Я приказалъ вамъ отступать съ горестью въ сердцѣ, но съ непоколебимою вѣрою, что отступленіе наше на подходящія подкрѣпленія было необходимо для одержанія надъ врагомъ, когда наступитъ для сего время, рѣшительной побѣды...» Да, это такъ. Отступая шагъ за шагомъ, отдавая съ болью въ сердцѣ каждую пядь обагренной своей кровью земли, армія ни одной минуты не падала духомъ, твердо вѣря въ свою конечную побѣду, въ близкое возмездіе врагу... «Теперь настало уже желанное и давно ожидаемое всею арміею время идти самимъ впередъ навстрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы манчжурской арміи нынѣ достаточны для перехода въ наступленіе...»

Свершилось. Точно электрическій токъ пробѣжалъ по рядамъ войскъ... Конецъ безконечнымъ отступленіямъ, когда, послѣ ужасныхъ, въ нѣсколько сутокъ, боевъ, гдѣ непріятель разбивался о стойкость и непоколебимое мужество нашихъ войскъ, мы отходили, оставляя врагу усѣянныя трупами нашихъ славныхъ товарищей позиціи, конецъ ужаснымъ, томительнымъ переходамъ по непролазной глинистой грязи дорогъ съ болью въ сердцѣ, съ тяжелымъ кошмаромъ униженія въ душѣ... Близокъ часъ, когда врагъ сторицею расплатится за пережитыя униженія, когда воспаритъ вновь непобѣдимый доселѣ русскій орелъ...

«Державный Вождь Русской земли молится со всей Россіею за насъ и благословляетъ насъ на новые самоотверженные подвиги. Подкрѣпленные этой молитвой, съ глубокимъ сознаніемъ выпавшей на насъ задачи, мы должны идти впередъ безтрепетно, съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца, не щадя живота своего, и да будетъ надъ всѣми нами воля Господня» — раздаются заключительныя слова приказа.

— На молитву. Шапки долой...

Начинается молебствіе.

Солнце почти скрылось за скалистымъ гребнемъ хребта. Закатъ охваченъ всѣми цвѣтами зарева, начиная отъ огненно-краснаго и кончая блѣдно-розовымъ. Лиловыя тѣни сползли въ долину. Въ воздухѣ потянуло ночною свѣжестью. Проникая въ сердца, несутся тихіе звуки церковнаго пѣнія. Синей дымкой тянется кверху ароматный дымъ ладана. Столь часто слышанныя, подчасъ машинально повторяемыя, слова молитвы въ эту минуту пріобрѣтаютъ совсѣмъ новое, особенное значеніе, и въ душѣ каждаго изъ насъ растетъ и охватываетъ все существо давно не испытанное чувство безконечнаго умиленія...

Молебенъ кончился. Плавно пронеслись и растаяли въ тихомъ вечернемъ воздухѣ послѣднія слова молитвы...

— Накройсь. Смирно.

Отрывистымъ, нѣсколько хриплымъ, но громкимъ голосомъ генералъ Ренненкампфъ говоритъ съ войсками. Онъ поздравляетъ ихъ съ давно жданнымъ наступленіемъ, благодаритъ за усердную службу, выражаетъ увѣренность въ дальнѣшей доблести...

«Державному Вождю русской арміи Государю Императору кромкое русское ура...», кончаетъ свою рѣчь генералъ.

«Ура! урра!..» неудержимо, стихійно, будя эхо въ далекихъ поляхъ и отпадкахъ горъ, несется по долинѣ, и въ этомъ общемъ крикѣ тысячи грудей сливаются воедино, неразрывно соединяются чувства и помышленія всѣхъ насъ.

«Командующему арміей генералъ-адъютанту Куропаткину ура!» снова гремитъ голосъ генерала. И вновь, будя горное эхо и вспугивая укрывшихся на ночлегъ въ расщелинахъ скалъ птицъ, несется громкое, могучее ура, и кажется, что передъ этимъ громкимъ русскимъ ура не устоитъ и обратится вспять коварный и ненавистный врагъ...

II

22 сентября началось общее наступленіе частей восточнаго отряда. Отрядъ генерала Ренненкампфа началъ движеніе нѣсколькими колоннами правымъ берегомъ рѣки Тайдзихэ по направленію къ дер. Бенсиху. Для охраненія лѣваго фланга генерала Ренненкампфа былъ выдѣленъ отдѣльный конный отрядъ изъ трехъ аргунскихъ, двухъ нерчинскихъ сотенъ, охотничьей команды Срѣтенскаго полка и взвода конно-горной артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Любавина. Генералъ Любавинъ долженъ былъ, переправившись черезъ р. Тайдзихэ у дер. Сандзядза, двигаться далѣе лѣвымъ берегомъ рѣки, согласуя свое движеніе съ наступленіемъ главныхъ силъ отряда генерала Ренненкампфа и наблюдая районъ къ югу и юго-встоку. Три сотни нашего 2-го Аргунскаго казачьяго полка вошли въ составъ коннаго отряда генерала Любавина, а я назначенъ былъ къ генералу ординарцемъ.

Мы выступили въ 7 часовъ утра и, двигаясь давно знакомыми мѣстами, перешли въ этотъ день въ деревню Гаолиндзы, гдѣ и остановились на ночлегъ. Въ дер. Гаолиндзы мы стояли довольно долго еще лѣтомъ и отошли отсюда послѣ лаоянскихъ боевъ. Китайцы, особенно чуткіе къ перемѣнной фортунѣ войны и неизмѣнно стоящіе на сторонѣ сильнѣйшаго, особенно подобострастно встрѣчали насъ, шумно выражая свои восторги и завѣряя въ своей непреложной дружбѣ. «Шанго капитана, та-таде капитана. Шибко знакома».

Переночевавъ въ дер. Гаолиндзы, мы на слѣдующій день достигли р. Тайдзихэ у дер. Сандзядза и здѣсь простояли до 25 сентября, давая подтянуться главнымъ силамъ отряда. 25-го, въ 8 часовъ утра мы переправились черезъ Тайдзихэ и, бросивъ на югъ и юго-востокъ серію разъѣздовъ, двинулись лѣвымъ берегомъ рѣки, поддерживая связь съ лѣвой колонной отряда генерала Ренненкампфа, наступавшей подъ начальствомъ генерала Петерева правымъ берегомъ рѣки изъ дер. Уянынь.

Мы двигались шагомъ, часто останавливаясь. Несмотря на то, что солнце уже давно встало, было сыро и холодно. Густой туманъ стоялъ надъ рѣкой, стлался бѣлой пеленой по горнымъ долинамъ. Въ десяти шагахъ уже трудно было различить что-либо, конныя фигуры впереди идущихъ казаковъ расплывались, точно таяли въ этой молочной мглѣ. Отъ высланныхъ впередъ разъѣздовъ свѣдѣній о присутствіи непріятеля не поступало. Пройдя верстъ пять берегомъ рѣки, дорога нѣсколько сворачивала въ сторону, углубляясь въ долину, отдѣленную отъ рѣки тянущейся вдаль холмистой грядой. Къ одиннадцати часамъ туманъ постепенно разсѣялся, и теперь ясно были видны черныя конныя фигуры слѣдующихъ по сторонамъ колонны по гребню холмистой гряды нашихъ дозоровъ. По вьющейся змѣей горной дорогѣ справа по три вытянулся нашъ отрядъ; мелко переступая по каменистой дорогѣ, двигаются мохнатыя разномастныя забайкалки, неуклюжія и маленькія подъ крупными сѣрыми фигурами казаковъ. Кое-гдѣ пестрѣютъ надъ колонной разноцвѣтные значки сотенныхъ командировъ. На правомъ берегу рѣки все тихо...

Но вотъ, вдали рѣзко протрещали первые выстрѣлы, стукнувъ по нервамъ и заставивъ насторожиться каждаго человѣка... Перестрѣлка усиливается, отдѣльные выстрѣлы сливаются въ общую трескотню — видно, что тамъ, у генерала Петерева, завязывается дѣло. Мы ускоряемъ шагъ, дорога вновь поворачиваетъ къ рѣкѣ, и вскорѣ показываются быстро несущіяся, сверкающія воды Тайдзихэ. Впереди трещатъ выстрѣлы... Нерчинская сотня графа Келлера, развернувъ лаву, переправляется вбродъ къ виднѣющейся вдали деревушкѣ, подъ выстрѣлами занявшихъ на противоположному берегу скалистый гребень японцевъ. Колонна останавливается. Переправившись, сотня спѣшивается и, занявъ деревушку, завязываетъ съ японцами оживленную перестрѣлку. Изрѣдка излетныя пули долетаютъ до насъ, жалобно ноя въ воздухѣ, или гулко щелкаютъ въ мокрую глину размытаго откоса горы.

— Переправьтесь черезъ рѣку и отыщите на томъ бере-

гу генерала Петерева. Доложите, что я здѣсь и занялъ переправу, — приказываетъ генералъ Любавинъ.

Толкаю коня и вмѣстѣ съ вѣстовымъ переправляюсь на противоположный берегъ; быстро несутся скорыя, но неглубокія воды рѣки, едва доходя до брюха лошади. Рѣзко просвистали въ воздухѣ нѣсколько пуль и звонко плюхнулись въ воду, взметнувъ блестящія брызги. Мы на правомъ берегу рѣки...

Японцы, занявъ высокій скалистый гребень, обстрѣливаютъ окраину деревни Уянынь, занятую нашими пѣхотными цѣпями. У маленькой полуразвалившейся кумирни расположился генералъ Петеревъ со штабомъ и въ бинокль слѣдитъ за ходомъ боя; я являюсь ему и передаю приказаніе.

— Поѣзжайте обратно, — приказываетъ мнѣ генералъ, — и попросите генерала Любавина поддержать меня артиллеріей; у японцевъ тамъ на гребнѣ окопы, и ихъ очень трудно выбить.

Поворачиваю лошадь и возвращаюсь къ генералу Любавину, который, выслушавъ мой докладъ, отдаетъ приказаніе орудіямъ открыть огонь. Быстро сворачиваютъ съ дороги орудія, выѣзжаютъ на скошенное гаоляновое поле и снимаются съ передковъ... «Первое», раздается команда. «Буухъ», громыхаетъ орудіе, и черезъ нѣсколько секундъ надъ занятымъ японцами скалистымъ гребнемъ вспыхиваетъ бѣлый дымокъ шрапнельнаго разрыва.

— «Второе». — «Буухъ-буухъ», гремятъ выстрѣлы...

Генералъ Любавинъ переправляется на правый берегъ рѣки и вмѣстѣ съ генераломъ Петеревымъ, стоя близъ кумирни, слѣдитъ за ходомъ боя. Наши пѣхотныя цѣпи перебѣжками наступаютъ по гаоляновому полю. По дорогѣ мимо насъ тянутся раненые. Вотъ четверо несутъ тяжело раненаго: загорѣлое молодое лицо его съ слипшимися на лбу желтыми волосами какъ-то посѣрѣло, онъ хрипло стонетъ, мотаетъ головой и отплевывается кровью. Вотъ двое другихъ ведутъ, поддерживая, ра-

7*

ненаго товарища; разутая, съ засученными выше колѣна шароварами, нога обмотана розовой марлей перевязочнаго пакетика. А вотъ легко раненый, — онъ идетъ одинъ, хромая и опираясь на прикладъ ружья; поровнявшись съ нами, онъ останавливается и тяжело переводитъ духъ; ему неудержимо хочется подѣлиться съ кѣмъ бы то ни было только что пережитыми сильными и непривычно-разнообразными впечатлѣніями. «Ишь ты, какъ его жаритъ. . . — не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности, вслухъ произноситъ онъ: — да и больно неспособно по скошенному гаоляну-то идти. . .»

— Что, братъ, куда раненъ? — спрашиваетъ кто-то изъ насъ.

— Вотъ туточки, ногу маленько попортило, — отвѣчаетъ раненый и, прихрамывая и опираясь на ружье, плетется по дорогѣ далѣе на перевязочный пунктъ.

Японцы не выдержали нашего огня и очистили перевалъ, тотчасъ же занятый нашими стрѣлками. Мы въѣзжаемъ въ деревню Уянынь. Китайцы въ самомъ началѣ дѣла бѣжали, захвативъ самое цѣнное изъ имущества, и повсюду видны слѣды поспѣшнаго бѣгства: настежь растворенныя ворота, брошенные среди дворовъ раскрытые ящики, кадки, корзины. . . По дорогѣ намъ продолжаютъ попадаться раненые. Вотъ подъ конвоемъ казаковъ, на казенной двуколкѣ, везутъ двухъ раненыхъ японцевъ, оставленныхъ своими на перевалѣ; одинъ лежитъ неподвижно на днѣ двуколки, повидимому, при послѣднемъ издыханіи, другой, молодой, раненъ легко; этотъ сидитъ на краю двуколки, обхвативъ обѣими руками раненую ногу и, несмотря на сильную боль, видимо, крѣпится и силится улыбнуться, скаля бѣлые, ровные зубы. На самомъ перевалѣ, у дороги, стоитъ, поджавъ перебитую пулей ногу и понуро опустивъ голову, раненая лошадь; сѣдло и оголовье унесены японцами. . . Оставленные только что непріятелемъ окопы усѣяны разстрѣлянными гильзами и обоймами. Группы солдатъ окружаютъ нѣсколькихъ убитыхъ японцевъ, съ любопытствомъ раз-

сматривая ихъ лица, аммуницію, одежду. . . Въ группахъ солдатъ оживленные разговоры.

— Ишь ты, маленькій, да черный какой. . .

— Тоже, поди, нашихъ немало перебилъ. . .

Оставивъ на перевалѣ двѣ роты, отрядъ располагается на ночлегъ въ деревнѣ Уянынь. Настроеніе у всѣхъ возбужденное, приподнятое, радостное. . . Первый маленькій успѣхъ, первая удача подымаютъ духъ, вселяютъ увѣренность въ свои силы, заставляютъ непреложно вѣрить въ наши дальнѣйшіе близкіе успѣхи.

III

26-го съ разсвѣтомъ отрядъ генерала Ренненкампфа продолжалъ наступленіе по дорогѣ Уянынь—Бенсиху, а нашъ конный отрядъ генерала Любавина, вновь переправившись черезъ рѣку Тайдзихэ и выславъ разъѣзды, тронулся лѣвымъ берегомъ рѣки къ деревнѣ Бенсиху. Всѣ ожидали, что Бенсиху занято значительными силами японцевъ, всѣ ждали сегодня боя, а потому нервы у всѣхъ были взвинчены, чувствовалась, какъ это всегда бываетъ передъ дѣломъ, какая-то особенная, нѣсколько повышенная возбужденность. Возбужденность всадниковъ передавалась лошадямъ, и, подбадриваемые рѣзкою свѣжестью сентябрьскаго утра, кони шли пофыркивая, скорымъ, широкимъ шагомъ.

У дер. Дауйну шедшая въ головномъ отрядѣ нерчинская сотня князя Джандіери была встрѣчена выстрѣлами; сотня спѣшилась и скоро выбила занимавшую эту деревню конную непріятельскую заставу. Мы продолжали движеніе. На правомъ берегу рѣки завязалась перестрѣлка. Скоро къ трескотнѣ ружей примѣшалось гулкое буханье орудій; ясно было, что тамъ начинается крупное дѣло. Вскорѣ и впереди насъ затрещали выстрѣлы; отъ князя Джандіери прискакалъ казакъ съ

донесеніемъ, что высоты надъ деревней Даудиншань заняты ротою японцевъ. Высланныя на поддержку князя Джандіери двѣ сотни не могли выбить непріятеля изъ занимаемыхъ имъ окоповъ. Генералъ приказалъ орудіямъ открыть огонь. Громко прогудѣли первые выстрѣлы, отдаваясь эхомъ въ далекихъ горныхъ падяхъ, — не выдержали японцы и послѣ десятка выстрѣловъ очистили позицію. Спѣшенныя сотни сѣли на коней и, развернувъ лаву, перешли широкую долину у деревни Даудиншань и поднялись на оставленный японцами гребень. Опередивъ спускавшуюся въ долину колонну, поднялся и генералъ на высокую сопку холмистаго гребня. Представившаяся отсюда нашимъ взорамъ картина никогда не изгладится изъ моей памяти.

Мы стояли на высокомъ, холмистомъ, покрытомъ рѣдкимъ кустарникомъ хребтѣ, тянувшемся далеко на юго-востокъ. У ногъ нашихъ впереди лежала широкая долина, дебуширующая въ рѣку Тайдзихэ. По этой долинѣ тянулась съ юга большая дорога, служившая коммуникаціонной линіей японцамъ. У выхода изъ долины на рѣкѣ виднѣлся построенный японцами на китайскихъ джонкахъ мостъ, служившій для сообщенія съ деревней Бенсиху, многочисленныя фанзы которой различались на правомъ берегу рѣки. Рѣка Тайдзихэ въ этомъ мѣстѣ образуетъ излучину и правый, составляющій внутреннюю дугу этой излучины, берегъ представляетъ собою упирающійся въ рѣку почти неприступный скалистый горный хребетъ. Хребетъ тянется далеко на сѣверъ, и доминируя надъ нимъ, высится острый шпицъ неприступной сопки Лаутхалаза. По западному, обращенному къ дер. Бенсиху, склону хребта змѣей вьется горная дорога, ведущая черезъ крутой, скалистый перевалъ въ деревню Уянынь, откуда наступаютъ наши войска. Весь гребень по обѣ стороны перевала изрытъ ясно видимыми отсюда занятыми японцами окопами. Такимъ образомъ мы, обогнувъ флангъ противника, оказались въ тылу непріятельскаго расположенія, на самой коммуникаціонной линіи японцевъ. Въ бинокль видны по ту сторону рѣки расположенныя

за гребнемъ хребта близъ перевала два японскихъ орудія. Нѣсколько ниже на склонѣ горы, близъ ведущей на перевалъ дороги, стоятъ передки и зарядные ящики. По дорогѣ тутъ и тамъ мелькаютъ маленькія, черныя фигурки; быстро, бѣгомъ подымаются онѣ на перевалъ — это, вѣроятно, производится доставка въ передовыя цѣпи патроновъ изъ дер. Бенсиху. Въ этой деревнѣ, надо думать, расположены резервы японцевъ. А вотъ въ двухъ мѣстахъ видны спускающіяся по дорогѣ съ перевала нѣсколько черныхъ фигуръ вмѣстѣ — то несутъ раненыхъ. По всему занятому японцами гребню трещатъ ружейные выстрѣлы, изрѣдка прерываемые буханьемъ орудій. То тутъ, то тамъ подъ гребнемъ вспыхиваютъ бѣлыя облачка — это рвутся посылаемыя генераломъ Петеровымъ японцамъ шрапнели...

Пытавшіяся было спуститься въ долину наши сотни встрѣчены сильнымъ огнемъ японцевъ, занявшихъ правый берегъ рѣки, по обѣ стороны моста, и высоты надъ дер. Бенсиху. Мы спѣшиваемъ остни и открываемъ огонь, стараясь сбить прикрывающихъ переправу японцевъ. Артиллеріи приказано обстрѣлять цѣпи противника и деревню Бенсиху, гдѣ предполагаются резервы японцевъ. Едва выпущено нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, какъ густой столбъ дыма подымается надъ Бенсиху...

— Смотрите, смотрите, пожаръ, — говоритъ кто-то изъ насъ: — это на самомъ краю деревни, гдѣ ханшинный заводъ, я эти мѣста хорошо помню...

Тамъ, навѣрное, ихъ склады... Это японцы сами запалили, чтобы намъ не досталось...

— Господа, какъ придемъ въ Бенсиху, приходите ко мнѣ вареники ѣсть, я еще лѣтомъ, какъ мы отсюда уходили, кувшинъ муки въ потайникъ запряталъ, японцы, навѣрное, не разыскали, — весело приглашаетъ офицеровъ хорунжій Рышковъ.

— Ваше превосходительство, я вчера еще докладывалъ, снарядовъ у насъ мало, — подходитъ командиръ взвода: — сейчасъ только восемнадцать осталось...

— Экая обида. Видно, не успѣли доставить. . . Я два раза писалъ, требовалъ, — говоритъ генералъ. Онъ не можетъ скрыть свою досаду. — Чортъ побери. Теперь бы только стрѣлять — все тутъ разнести въ пухъ и прахъ можно. . . Ну, да чтожъ дѣлать, жарьте послѣдніе восемнадцать. . .

Близокъ локоть, да не укусишь. До слезъ обидно видѣть свое безсиліе, оставаться здѣсь, не имѣя возможности воспользоваться всѣми выгодами своего исключительно благопріятнаго положенія. Послѣдніе восемнадцать снарядовъ выпущены, и артиллерія остается мертвымъ грузомъ, обузой, лишь стѣсняющей отрядъ. Генералъ приказываетъ орудіямъ, подъ прикрытіемъ одной сотни, отправляться назадъ въ деревню Уянынь, гдѣ и оставаться впредь до пополненія снарядами *). Изъ оставшихся четырехъ сотенъ нашего отряда одна выслана для развѣдки на югъ и юго-востокъ, одна оставлена въ прикрытіе коноводамъ и, такимъ образомъ, боевая сила отряда, при условіи, что у насъ взводы 7—8-ряднаго состава, менѣе 150 винтовокъ. Конечно, какихъ-либо активныхъ дѣйствій мы при этихъ условіяхъ предпринимать не можемъ. . . Японцамъ не до насъ. Атакованные съ фронта генераломъ Ренненкампфомъ, они напрягаютъ всѣ усилія удержать за собою занятыя ими позиціи. Лѣвая колонна отряда ген. Ренненкампфа, подъ начальствомъ ген. Петерева, у дер. Ходигоу завязала ожесточенный бой; на поддержку ей командиръ 3-го корпуса изъ дер. Каотайдзы выдвинулъ два батальона съ 6 горными орудіями. Отвлеченные въ эту сторону, японцы пока оставляютъ насъ въ покоѣ, и хотя наше присутствіе у нихъ въ тылу и должно ихъ безпокоить, ограничиваются тѣмъ, что выставляютъ противъ насъ заслонъ изъ двухъ ротъ, занявшихъ правый берегъ рѣки у переправы и завязавшихъ съ нами оживленную перестрѣлку. Такимъ образомъ, все значеніе нашего отряда сводится къ наблюдательной, чисто пассивной роли. Отъ на-

*) По причинамъ, оставшимся мнѣ неизвѣстными, орудія такъ и не вернулись къ намъ до конца боя.

шихъ разъѣздовъ получены свѣдѣнія, что имъ удалось въ нѣсколькихъ пунктахъ порвать непріятельскій телеграфъ.

— Поѣзжайте въ Уянынь, разыщите генерала Ренненкампфа и доложите о томъ, что происходитъ здѣсь, — приказываетъ мнѣ генералъ Любавинъ: — просите генерала прислать сюда хоть батальонъ съ двумя орудіями, — съ этими силами Бенсиху можно взять сегодня же... У меня же всего и полутораста винтовокъ нѣтъ, съ этимъ и удержаться здѣсь будетъ трудно, если японцы вздумаютъ насъ прогнать...

Скорѣй, скорѣй... Не можетъ быть, чтобы генералъ не далъ подкрѣпленій, а тогда Бенсиху наше... У японцевъ тамъ силы совсѣмъ незначительныя, иначе они не оставили бы насъ свободно сидѣть у себя въ тылу... Подкрѣпленія къ нимъ также подойдутъ не скоро — телеграфъ всюду порванъ...

Такія мысли быстро проносятся у меня въ головѣ, когда, пригнувшись къ шеѣ моего коня, широкимъ наметомъ, по вьющейся у самой воды дорогѣ, я скачу въ деревню Уянынь. Мнѣ надо пройти около 7 верстъ и, желая сберечь время и силы коня, я выбралъ кратчайшую дорогу по самому берегу рѣки... «Дззыть...» рѣзко разсѣкая воздухъ, просвистала пуля. «Дззыть-дззыть», еще и еще... Японцы съ противоположнаго берега увидали меня и, вѣроятно, рѣшивъ по крупной фигурѣ моего коня, что скачетъ офицеръ, можетъ быть, съ важнымъ порученіемъ, открыли по мнѣ одиночный огонь. «Убьютъ или еще хуже смертельно ранятъ, свалишься и останешься лежать здѣсь, и никому и въ голову не придетъ искать по этой дорогѣ... Да и донесеніе не дойдетъ...» мелькаютъ въ головѣ безпокойныя мысли. Но поворачивать на другую дорогу поздно, да и стыдно какъ-то передъ самимъ собою; толкаю коня и несусь далѣе, стараясь возможно скорѣе выйти изъ обстрѣливаемаго пространства. Рѣже и рѣже свищутъ пули, и вскорѣ я внѣ выстрѣловъ...

Не доѣзжая деревни Уянынь, переправляюсь вбродъ и ѣду разыскивать генерала Ренненкампфа. На правомъ берегу рѣки оживленное движеніе: по дорогѣ ѣдутъ ординарцы, не-

сутъ раненыхъ. У подошвы хребта, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, на гаоляновомъ полѣ расположился какой-то батальонъ; ружья составлены въ козлы, люди отдыхаютъ, сидя или лежа на землѣ. У впадающаго въ Тайдзихэ горнаго ручья близъ группы изъ нѣсколькихъ скорченныхъ старыхъ дубовъ виднѣется значокъ Краснаго Креста — тамъ расположился перевязочный пунктъ. Впереди по всему хребту, не умолкая, слышится трескотня ружей, бухаютъ орудія, тутъ и тамъ вспыхиваютъ дымки шрапнельныхъ разрывовъ...

На вершинѣ отдѣльной сопки, подъ деревомъ, сидитъ генералъ Ренненкампфъ со штабомъ, слѣдя за ходомъ боя. Выслушавъ мой докладъ и просьбу генерала Любавина о подкрѣпленіяхъ, генералъ Ренненкампфъ грустно разводитъ руками:

— Ничего сдѣлать не могу... Ни одного человѣка отсюда на лѣвый берегъ Тайдзихэ безъ разрѣшенія переправить теперь не могу. Буду телеграфировать объ этомъ и просить разрѣшенія начальства. Пока пусть генералъ Любавинъ держится до послѣдней крайности, охраняя нашъ флангъ и ведя развѣдку. Скажите генералу, что я прошу доносить возможно чаще о томъ, что дѣлается у японцевъ...

Сажусь на коня и ѣду обратоо, на этотъ разъ уже выбираю болѣе дальную, безопасную дорогу. Къ чему теперь спѣшить? Я знаю, что меня тамъ ждутъ съ вѣрою въ поддержку, что тамъ считаютъ минуты, когда могутъ подойти подкрѣпленія, я сознаю, что отвѣтъ, который я везу, будетъ для всѣхъ горькимъ, неожиданнымъ разочарованіемъ, и я невольно оттягиваю тяжелую минуту.

Вотъ и деревня Даудиншань. Черезъ долину, въ небольшомъ отпадкѣ, стоятъ наши коноводы. Тутъ же близъ дороги расположился и перевязочный пунктъ; раненыхъ въ данную минуту нѣтъ... Фельдшеръ кипятитъ въ котелкѣ воду, докторъ отдыхаетъ, сидя съ папироской въ зубахъ, поджавши ноги, на землѣ. У самой дороги лежитъ на спинѣ, накрытый сѣрою ши-

нелью, трупъ убитаго казака; изъ-подъ шинели торчатъ лишь ноги въ стоптанныхъ, порыжѣлыхъ казачьихъ «ичикахъ».

— Удивительный случай, — обращается ко мнѣ докторъ: — первый разъ за всю мою практику... Излетная пуля ударила въ лѣвую половину груди, въ область сердца, и даже не разрушила наружные покровы — всего небольшой кровоподтекъ, а человѣкъ мертвъ...

Онъ откидываетъ съ убитаго шинель, отворачиваетъ рубаху и показываетъ мнѣ рану — маленькій, съ серебряный пятачокъ, кровоподтекъ подъ самымъ лѣвымъ соскомъ. Несчастный, посланный куда-то съ донесеніемъ, желая сократить разстояніе, сунулся, как и я сегодня, по злосчастной береговой дорогѣ и былъ убитъ дальней излетной пулей. Я вглядываюсь въ него: смерть, повидимому, послѣдовала мгновенно, и молодое безусое лицо съ полуоткрытыми глазами не выражаетъ никакого страданія; оно спокойно, какъ у безмятежно заснувшаго человѣка, и лишь побѣлѣвшія губы, да неподвижная оконченѣлость тѣла показываютъ, что здѣсь лежитъ бездыханный трупъ.

Генералъ Любавинъ спокойно выслушиваетъ мой докладъ.

— Японцы пока насъ оставляютъ въ покоѣ, но на ночь намъ, вѣроятно, придется отойти, — говоритъ генералъ: — позиція здѣсь плохая, люди и лошади съ утра не ѣли... Поѣзжайте къ генералу Ренненкампфу и передайте, что я прошу разрѣшенія на ночь отойти на 5 верстъ назадъ, въ деревню Даюйну.

Поворачиваю коня и въ третій разъ сегодня возвращаюсь въ Уянынь. Солнце склонилось къ закату, въ воздухѣ потянуло вечерней свѣжестью. День близится къ концу, и бой продолжается, не давая намъ, повидимому, существеннаго успѣха. Издали прислушиваюсь къ безпрерывной трескотнѣ ружей и глухимъ выстрѣламъ орудій, тщетно надѣясь догадаться по нимъ о томъ, что совершается тамъ, на правомъ берегу рѣки.

У въѣзда въ Уянынь встрѣчаю генерала Ренненкампфа; онъ верхомъ возвращается со штабомъ съ передовыхъ пози-

цій. Генералъ разрѣшаетъ отойти на ночь нашему отряду въ деревню Даюйну съ тѣмъ, чтобы до разсвѣта мы выдвинулись вновь на сегодняшнія мѣста.

Усталый конь мой идетъ лѣниво, мнѣ приходится его безпрерывно подталкивать; я спѣшу до полной темноты достигнуть генерала Любавина. Солнце скрылось за горы, закатъ быстро блѣднѣетъ и темныя тѣни ползутъ по небосклону. Одна за другою загораются далекія блѣдныя звѣзды. Густой туманъ подымается надъ рѣкой и стелется по долинамъ, охватывая васъ пронизывающей холодной сыростью. Перестрѣлка постепенно стихаетъ, орудійныхъ выстрѣловъ почти не слышно, и послѣднія шрапнели вспыхиваютъ на небѣ, какъ фейерверки, красными, яркими огоньками...

Въ полной темнотѣ нашъ конный отрядъ достигаетъ деревни Даюйну, гдѣ и располагается на ночлегъ.

Длившійся у генерала Ренненкампфа цѣлый день бой окончился безрезультатно, и въ рукахъ противниковъ остались всѣ перевалы и наиболѣе возвышенныя господствующія надъ мѣстностью, сопки. Упорная оборона японцами занятыхъ ими позицій и нашъ неуспѣхъ 26 сентября заставляли насъ дѣйствовать особенно осмотрительно, а полное отсутствіе мало-мальски сносныхъ картъ не позволяло двигаться далѣе, не обрекогносцировавши впереди лежащую мѣстность. Въ силу этихъ соображеній начальникъ восточнаго отряда рѣшилъ 27-го числа отряду оставаться на занятыхъ мѣстахъ и этотъ день употребить на рекогносцировку непріятельскихъ передовыхъ позицій, съ цѣлью выяснить подступы и обходные пути къ нимъ.

IV

Задолго до разсвѣта поднялся 27 сентября нашъ конный отрядъ и двинулся для занятія вновь оставленныхъ наканунѣ позицій. Ночью отъ нашихъ разъѣздовъ были получены свѣдѣнія, что къ непріятелю въ Бенсиху подошли значительныя

подкрѣпленія *), и являлось опасеніе, что сегодня непріятель постарается насъ оттѣснить. Однако мы достигли безпрепятственно деревни Даудиншань и, никѣмъ не тревожимые, заняли оставленныя наканунѣ позиціи. Повидимому, подошедшія ночью къ непріятелю подкрѣпленія были еще не настоль значительны, чтобы позволить противнику, не ослабляя себя съ фронта, предпринять противъ насъ активныя дѣйствія и воспрепятствовать намъ угрожать его флангу и тылу. Вѣра въ успѣхъ еще не покидала насъ, и надежда въ подкрѣпленія все еще жила въ нашихъ сердцахъ...

Блѣдный разсвѣтъ медленно наступалъ. Рѣзкая предразсвѣтная свѣжесть пронизывала насквозь, зубъ не попадалъ на зубъ, мы продрогли до костей и съ нетерпѣніемъ ждали первыхъ лучей солнца. Вскорѣ наши передовыя цѣпи завязали съ охранявшими мостъ на Тайдзихэ японцами рѣдкую перестрѣлку. На той сторонѣ рѣки, у генерала Ренненкампфа, тоже завязалось дѣло... Постепенно окончательно разсвѣло, потянулъ вѣтерокъ, и стоявшій надъ водою густой пеленой бѣлый туманъ медленно разсѣялся. Мы вновь увидали лежащую подъ нами широкую долину, мостъ на рѣкѣ, мелькавшія вдали крыши деревни Бенсиху, высокій скалистый, занятый японцами, хребетъ... Въ расположеніи противника за ночь произошли коекакія перемѣны: кромѣ замѣченныхъ нами наканунѣ двухъ орудій, японцы поставили сегодня еще четыре, нѣсколько сѣвернѣе Бенсиху, за хребтомъ близъ дороги на Хуанлинскій перевалъ; вскорѣ къ трескотнѣ ружей и рѣдкому буханью орудій примѣшалось, издали напоминающее шумъ швейной машинки, стуканье пулеметовъ — все показывало, что ночью противникъ значительно усилилъ оборону своихъ позицій.

О замѣченныхъ у непріятеля перемѣнахъ генералъ Любавинъ тотчасъ же донесъ генералу Ренненкампфу. Такъ какъ по видимымъ отсюда разрывамъ посылаемыхъ генераломъ Реннен-

*) Въ эту ночь въ Бенсиху прибыли 3 батальона и 1 горная батарея 12-й дивизіи Шамимуры.

кампфомъ японцамъ шрапнелей видно было, что всѣ усилія его артиллеріи нащупать батареи противника оставались тщетными, генералъ Любавинъ приказалъ мнѣ нанести кроки непріятельскихъ позицій, съ обозначеніемъ расположенія видимыхъ отсюда орудій, и доставить ихъ генералу Ренненкампфу, дабы по нимъ могла оріентироваться его артиллерія.

Взявъ двухъ казаковъ, я поползъ на высокую выдающуюся мысомъ въ рѣку, скалистую сопку, откуда особенно хорошо долженъ былъ быть виденъ противоположный, занятый японцами, берегъ рѣки. Оставаясь второй день въ тылу непріятеля, имъ совсѣмъ не тревожимые, мы настолько освоились съ этимъ положеніемъ, что подчасъ забывали всякую осторожность. Желая скорѣе достигнуть вершины сопки, мы шли по вьющейся по самому гребню кряжа горной тропинкѣ, нисколько не скрываясь, совсѣмъ забывъ, что находимся на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ японцевъ. Наше нахальство не замедлило быть наказаннымъ; выцѣливъ насъ хорошенько, нѣсколько японцевъ даютъ залпъ... Я слышу близко, надъ самымъ ухомъ, зловѣщій свистъ, точно разсѣкли воздухъ бичомъ, и идущій со мною рядомъ казакъ вскрикнулъ, хватается за щеку и сразу присѣдаетъ. Я также бросаюсь ничкомъ на землю.

— Что, братъ, раненъ? — освѣдомляюсь я.

Тотъ отымаетъ отъ лица руку, крови нѣтъ, но черезъ всю щеку идетъ кровяно-красный рубецъ...

— Пустяки, контузило; дешево отдѣлался, — утѣшаю я и, наученные хорошимъ урокомъ, мы подымаемся далѣе уже осторожно, скрываясь кустами, мѣстами ползкомъ.

Вотъ и вершина горы. Укрывшись въ кустахъ, лежа на землѣ, я смотрю въ бинокль. На ясной синевѣ неба рѣзко выдѣляется зубчатый гребень занятаго японцами хребта; какъ на ладони видны на склонѣ непріятельскія орудія и ниже ихъ отъѣхавшіе передки. У подошвы хребта, въ долинѣ маленькой рѣчки, впадающей въ Тайдзихэ и протекающей черезъ деревню Бенсиху, видны расположившіяся на берегу двѣ роты — это

88

резервы. Я быстро заношу кроки. Одинъ изъ казаковъ проситъ у меня бинокль и, пока я рисую, наблюдаетъ за японцами.

— Ваше высокоблагородіе, глядите — вонъ тамъ на сопкѣ много ихъ видно, — указываетъ она на рѣзко выдѣляющуюся острую сопку Лаутхалаза, командующую надъ всею окружающей мѣстностью. Я беру бинокль и смотрю въ указанномъ направленіи: отъ остраго шпиля сопки потянулся на западъ пологій гребень съ вьющейся по немъ дорогой, ведущей зигзагами на вершину горы. Черной змѣйкой вытянулась по дорогѣ, подымаясь въ гору, колонна японцевъ, — за дальностью разстоянія трудно опредѣлить, сколько ихъ здѣсь, — я думаю, не менѣе батальона. . .

Кроки окончено, мы спускаемся съ горы къ генералу Любавину, и я, сѣвъ на коня, везу кроки генералу Ренненкампфу, въ деревню Уянынь.

Шестой ужъ разъ за эти два дня приходится мнѣ проѣзжать семь верстъ, раздѣляющія деревни Даудиншань и Уянынь. Конь мой успѣлъ хорошо изучить эту дорогу и идетъ увѣренно широкой, размашистой рысью. . . Вотъ и деревня Уянынь. У переправы, по эту сторону рѣки, видны какіе-то люди. Подъѣзжаю ближе и ясно различаю сѣрыя фигуры нашихъ стрѣлковъ.

«Неужели подкрѣпленія? Слава Богу. Наконецъ-то. . . Еще не поздно; успѣхъ еще можетъ быть на нашей сторонѣ...» Но меня ждетъ горькое разочарованіе. Стрѣлки оказываются изъ отряда полковника Дружинина, высланнаго наканунѣ вечеромъ на лѣвый берегъ Тайдзихэ. . . лишь для охраны переправы у Уяныня. . .

Переправляюсь черезъ рѣку и ѣду отыскивать генерала Ренненкампфа. Вскорѣ замѣчаю группу офицерскихъ лошадей; генералъ Ренненкампфъ со штабомъ, оставивъ коней въ долинѣ, поднялся на сопки на позицію. Слѣзаю съ коня и, отославъ вѣстового съ лошадьми въ Уянынь, подымаюсь въ гору. Около часу приходится мнѣ лѣзть на сопку по едва видимой, мѣстами почти теряющейся, козьей тропѣ. Солнце поднялось высоко,

лучи его съ яснаго безоблачнаго неба падаютъ почти отвѣсно и жгутъ, какъ въ іюлѣ. Я обрываюсь, скольжу, падаю и обливаюсь потомъ. . . Наконецъ и вершина горы. Генералъ, окруженный офицерами штаба, лежа на травѣ, разсматриваетъ карту, слушая объясненія начальника 71-й пѣхотной дивизіи генерала Экка.

— Благодарю васъ, — выслушавъ меня, говоритъ генералъ: — эти кроки очень пригодятся. Отнесите ихъ, пожалуйста, генералу хану Аліеву, начальнику артиллеріи. Вы найдете его тамъ, въ долинѣ, у батареи, къ сѣверу отъ деревни Уянынь.

Едва переводя духъ, снова иду, скользя, срываясь и обливаясь потомъ, на этотъ разъ уже подъ гору. Въ долинѣ, къ сѣверу отъ деревни Уянынь, у подошвы высокой скалистой сопки, среди скошеннаго гаоляноваго поля, расположилась батарея; она прекрасно маскирована снопами гаоляна и ее издали совсѣмъ не видно. Въ сторонѣ отъ дороги, ведущей изъ деревни Уянынь въ деревню Іогоу, за группою изъ нѣсколькихъ фанзъ, стоятъ отъѣхавшіе передки. Начальникъ артиллеріи генералъ ханъ Аліевъ съ вершины скалистой сопки за батареей управляетъ посредствомъ телефона огнемъ артиллеріи. Японцы, обнаруживъ, повидимому, несмотря на прекрасную маскировку, наши орудія, жестоко обстрѣливаютъ ближайшую площадь долины артиллерійскимъ огнемъ; то и дѣло вокругъ батареи гудятъ и рвутся ихъ снаряды, визжитъ, разсѣкая воздухъ и взбивая пыль на гаоляновомъ полѣ, шрапнель.

Лихо работаютъ наши артиллеристы подъ огнемъ противника; безпрестанно бухаютъ наши орудія, посылая японцамъ шрапнель, разрывы которой ясно обозначаются вспыхивающими бѣлыми облачками дыма надъ занятымъ японцами хребтомъ. . .

Я передаю начальнику артиллеріи сдѣланныя мною кроки, и генералъ, переговоривъ по телефону съ командиромъ батареи, приказываетъ мнѣ отнести эти кроки на батарею. Спускаюсь съ сопки и, выждавъ минуту, когда японскій огонь на мгновеніе ослабѣваетъ, спѣшу перейти отдѣляющее меня отъ на-

шихъ орудій открытое пространство. Артиллерійскіе ровики хотя и прикрываютъ прислугу отъ губительнаго огня японцевъ, но все же за эти дни батарея понесла крупныя потери, и большая часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ выбыла изъ строя; раненый командиръ батареи, съ подвязанной рукой, встрѣчаетъ меня очень любезно.

— Ну, теперь мы зададимъ имъ перцу, а то жарятъ чортъ ихъ знаетъ откуда... — весело говоритъ онъ.

Я едва успѣваю передать ему кроки и сказать нѣсколько словъ, какъ японцы вновь усиливаютъ огонь. Рѣзко гудя, несется, приближаясь къ намъ, снарядъ. — «Попадетъ или нѣтъ?» быстро прорѣзываетъ мозгъ жуткая мысль. Съ сухимъ, яснымъ звукомъ рвется снарядъ, и, разсѣкая воздухъ, визжитъ шрапнель, заставляя меня инстинктивно зажмуриться... — «Не попали... Слава Богу, всѣ цѣлы...» — вырывается облегченный вздохъ, но снова несется снарядъ, и снова тяжелое чувство ожиданія чего-то неизвѣстнаго и страшнаго заставляетъ усиленно биться сердце... Японцы выпустили очередь. — «Первое», раздается команда, и, ярко сверкнувъ и заставивъ вздрогнуть тяжелое тѣло орудія, гремитъ выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько секундъ надъ занятымъ японцами хребтомъ вспыхиваетъ бѣлое круглое облачко.—«Второе».—И снова гремитъ выстрѣлъ, и несется снарядъ, внося смерть и страданіе тамъ, гдѣ, укрывшись въ высокихъ скалахъ, засѣлъ маленькій неприступный врагъ...

Мои кроки приносятъ пользу: наша артиллерія скоро нащупываетъ батарею противника. Не сладко приходится, повидимому, японцамъ, ихъ артиллерійскій огонь постепенно слабѣетъ, и наши орудія получаютъ возможность перенести огонь на сопку Лаутхалаза, которую въ это время атакуетъ со стороны деревни Каотайдзы сосѣдній 3-й корпусъ.

Я направляюсь пѣшкомъ въ Уянынь, гдѣ ждетъ меня моя лошадь. Въ ожиданіи меня мой вѣстовой раздобылъ гдѣ-то кипятку и угощаетъ меня чаемъ съ сухарями. Я съ утра ничего не ѣлъ и съ удовольствіемъ выпиваю двѣ кружки ароматной вла-

ги. По дорогѣ, со стороны деревни Каотайдзы, ѣдетъ верхомъ стрѣлковый офицеръ съ двумя нижними чинами; онъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и представляется:

— Поручикъ фонъ-Лангъ, развѣдчикъ при третьемъ корпусѣ. Вы изъ отряда генерала Любавина? Но, что у васъ тамъ дѣлается?

Я предлагаю поручику кружку чая и разсказываю то, что видѣлъ за послѣдніе дни.

— Вы не повѣрите, какъ это обидно... — говоритъ фонъ-Лангъ: — я сейчасъ изъ Каотайдзы, изъ третьяго корпуса, — мы атакуемъ сопку Лаутхалаза, ту самую сопку, къ которой вы видѣли подходящія японскія подкрѣпленія. Эта сопка, командующая надъ всею мѣстностью, еще вчера была свободна отъ непріятеля; на нее поднимался офицеръ изъ нашего штаба съ двумя казаками. Несмотря на очевидное свое значеніе, сопка не была занята нами, не была использована ни какъ опорный, ни какъ наблюдательный пунктъ. Японцы скоро спохватились — къ вечеру я наблюдалъ уже, какъ человѣкъ двадцать ихъ рыли тамъ окопы, о чемъ и донесъ командиру корпуса. Однако донесенію моему не придали значенія — Лаутхалаза нами не занималась, и мы продолжали спокойно стоять подъ нею бивакомъ, точь-въ-точь какъ на мирныхъ маневрахъ. Сегодня ночью наша охотничья команда выбила японцевъ и заняла сопку, но къ утру, никѣмъ не поддержанная и не имѣя патроновъ, должна была отойти... Теперь же для занятія Лаутхалазы и полка будетъ мало. И здѣсь опоздали... — грустно заканчиваетъ свой разсказъ фонъ-Лангъ.

Я прощаюсь съ нимъ и ѣду назадъ къ генералу Любавину. Жгучее чувство горечи, вызванное только что слышаннымъ разсказомъ очевидца, охватываетъ меня. Впервые за эти дни я чувствую вѣру въ наши силы поколебленной, я начинаю сомнѣваться въ нашемъ непреложномъ успѣхѣ. Второй день длится бой, не давая намъ успѣха, второй день мы, пренебрегая всѣми преимуществами нашего исключительно благопріятнаго положенія, упорно пытаемся взять въ лобъ неприступныя позиціи

противника. Минувшею ночью къ Бенсиху подошли подкрѣпленія японцевъ, сегодня ночью непріятель, несомнѣнно, усилится еще и, можетъ быть, завтра роли перемѣнятся. «И здѣсь опоздали», вспоминаются мнѣ только что слышанныя слова.

У генерала Любавина я нахожу все безъ перемѣнъ. Отрядъ занимаетъ у деревни Даудиншань тѣ же позиціи, оставаясь попрежнему въ пассивной роли наблюдателя. Передовыя цѣпи вяло перестрѣливаются съ японцами, охраняющими мостъ на рѣкѣ. На ночь генералъ Любавинъ собирается, какъ и вчера, отойти въ Даюйну съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ вновь занять позиціи у деревни Даудиншань. Мнѣ приказано опять отправляться въ Уянынь къ генералу Ренненкампфу, доложить о дѣйствіяхъ на сегодняшній день нашего коннаго отряда; въ Уянынѣ я долженъ оставаться на ночь съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ доставить на позицію къ деревнѣ Даудиншань патроны, въ которыхъ начинаетъ ощущаться недостатокъ.

Я пріѣзжаю въ Уянынь уже въ полную темноту и являюсь генералу Ренненкампфу, послѣдній предлагаетъ мнѣ переночевать въ занимаемой имъ и его штабомъ фанзѣ. Поужинавъ любезно предложенной мнѣ генераломъ холодной курицей и чаемъ съ сухарями, я располагаюсь на канѣ на ночлегъ. Большинство офицеровъ штаба уже спитъ, вытянувшись рядомъ на широкомъ канѣ, накрывшись кто буркой, кто офицерской шинелью. Не спитъ лишь генералъ Ренненкампфъ и его начальникъ штаба; склонившись надъ разложенной на столѣ картой, освѣщенной вставленнымъ въ бутылку огаркомъ, генералъ диктуетъ какія-то приказанія. Долго еще сквозь сонъ доносится до меня его отрывистый характерный голосъ.

V

Въ 5 часовъ мы уже на ногахъ; на 28-е приказано восточному отряду атаковать рядъ переваловъ, занятыхъ противникомъ, и генералъ спѣшитъ на позиціи. Мы садимся пить чай,

когда въ дверяхъ показывается широко улыбающаяся фигура вѣстового генерала, Якова.

— Ваше превосходительство, японца плѣннаго привели, — радостно докладываетъ Яковъ.

Мы выходимъ во дворъ. Два стрѣлка привели плѣннаго японца; маленькій, безусый, почти мальчикъ, японецъ кажется особенно тщедушнымъ по сравненію съ крупными фигурами стрѣлковъ. Онъ безъ фуражки, въ аккуратномъ черномъ суконномъ мундирѣ, ноги обуты въ легкія гетры; вокругъ пояса обмотана тонкая бечевка, конецъ которой держитъ одинъ изъ стрѣлковъ: «чтобы не убѣжалъ», добродушно поясняетъ конвойный. Японецъ, видимо, робѣетъ, безпрестанно кланяется всѣмъ корпусомъ, держа руки вытянутыми вдоль тѣла, и бормочетъ что-то непонятное... Желая ободрить плѣннаго, генералъ ласково похлопываетъ его по плечу и предлагаетъ рядъ вопросовъ черезъ китайца-переводчика. Японецъ по-китайски знаетъ лишь немногимъ больше нашего; намъ удается узнать, что ночью, идя въ секретъ, онъ сорвался съ сопки и сильно разбился, пролежавъ безъ памяти до утра, когда былъ подобранъ нашими стрѣлками. О количествѣ и расположеніи своихъ войскъ онъ ничего не знаетъ.

Оставивъ японца подъ карауломъ и приказавъ накормить, генералъ со штабомъ отправляется на позиціи, а я съ тремя казаками и двумя мулами подъ патронными вьюками ѣду къ генералу Любавину.

Генералъ Любавинъ занимаетъ старыя позиціи у деревни Даудиншань; я нахожу его близъ коноводовъ пьющимъ съ нѣсколькими офицерами чай. Въ маленькой, глухой падинкѣ, гдѣ укрылись коноводы, разложенъ костеръ изъ сухого гаоляна; въ большомъ металлическомъ чайникѣ, подвѣшенномъ надъ огнемъ, кипитъ вода. Вокругъ костра, въ разнообразныхъ позахъ, человѣкъ пять офицеровъ пьютъ чай изъ эмальированныхъ металлическихъ кружекъ, закусывая черными сухарями. За ночь японцы, повидимому, еще укрѣпили свои позиціи. На высокой сопкѣ къ югу отъ Бенсиху съ нашего наблюдательнаго поста

замѣчены работающіе люди, — вѣроятно, роются окопы, можетъ быть, устанавливаются орудія.

— Ну, сегодня японцы насъ здѣсь въ покоѣ не оставятъ, — основательно замѣчаетъ кто-то изъ офицеровъ.

На правомъ берегу рѣки слышна сильная орудійная канонада — это начинается артиллерійская подготовка назначенной къ 12 часамъ дня общей атаки восточнаго отряда. Въ 9 часовъ получается отъ генерала Ренненкампфа извѣстіе, что на поддержку насъ направляется генералъ Самсоновъ съ девятью сотнями сибирскихъ казаковъ и четырьмя орудіями. Какъ это ни кажется страннымъ, извѣстіе о подкрѣпленіяхъ встрѣчается всѣми безъ особой радости; то, что вчера еще вызвало бы всеобщее ликованіе, сегодня принимается довольно безразлично; всѣ знаютъ, что японцы за эти дни усилились, что отнынѣ Бенсиху не столь беззащитна, какъ два дня тому назадъ, когда мы пришли сюда впервые, всѣ чувствуютъ, что благопріятный моментъ уже упущенъ *).

Вскорѣ отъ генерала Самсонова пріѣзжаетъ казакъ съ донесеніемъ; сообщая о своемъ подходѣ, генералъ Самсоновъ проситъ выслать ему навстрѣчу офицера, хорошо знакомаго съ мѣстностью. Генералъ Любавинъ назначаетъ меня. Ѣду по направленію деревни Уянынь, откуда подходитъ генералъ Самсоновъ, и въ долинѣ, у деревни Даюйну, встрѣчаю его отрядъ; спѣшенныя сотни стоятъ близъ дороги; небольшая группа офицеровъ окружаетъ высокаго, плотнаго есаула, безъ фуражки, съ обвязанной марлей головой. Оказывается, что назначенный въ проводники къ генералу Самсонову казакъ сбился съ пути и повелъ отрядъ береговой, обстрѣливаемой японцами, дорогой. Едва головная сотня вошла въ обстрѣливаемое пространство,

---

*) Генералъ Ренненкампфъ еще 26-го сентября просилъ генерала Иванова (командира 3-го корпуса) смѣнить часть своихъ силъ войсками 3-го корпуса, дабы самому поддержать генерала Любавина на лѣвомъ берегу р. Тайдзихэ. Генералъ Ивановъ не призналъ возможнымъ исполнить эту просьбу.

какъ японцы съ противоположнаго берега открыли горячую стрѣльбу, и одинъ офицеръ, два казака и нѣсколько лошадей были ранены. Генералъ Самсоновъ, свернулъ съ дороги и спѣшивъ отрядъ, самъ со штабомъ поднялся на высокую сопку, дабы осмотрѣть окружающую мѣстность. Я являюсь генералу, который подоробно разспрашиваетъ меня о положенiи отряда генерала Любавина и о свѣдѣнiяхъ, имѣющихся у насъ о японцахъ. Красивая, спокойная фигура генерала и прiятный голосъ располагаютъ къ себѣ. Въ предлагаемыхъ генераломъ вопросахъ чувствуется спокойная обдуманность, видно желанiе всесторонне освѣтить каждый фактъ.

Пройдя вдоль хребта на перевалъ и убѣдившись въ невозможности для тяжелыхъ полевыхъ орудiй двигаться далѣе, генералъ рѣшаетъ: артиллерiи оставаться здѣсь, на перевалѣ, казакамъ же, кромѣ одной сотни, оставленной въ прикрытiе орудiй, двигаться впередъ на усиленiе отряда ген. Любавина. Выбранная артиллерiйская позицiя очень удобна; отсюда представляется рядъ видимыхъ цѣлей, является возможнымъ обстрѣливать на значительномъ протяженiи занятый японцами хребетъ, мостъ на Тайдзихэ и самую деревню Бенсиху, до которой около 6 верстъ. Начальникъ артиллерiи выражаетъ сомнѣнiе въ возможности поднять орудiя на перевалъ.

— Ничего, попробуемъ, только разрѣшите, ваше превосходительство, — проситъ есаулъ Егоровъ, молодой офицеръ, причисленный къ генеральному штабу и состоящiй при генералѣ.

— Ну, братцы, постарайтесь. Ей, дубинушка, ухнемъ! — весело подбадриваетъ казаковъ Егоровъ, самъ впрягшись въ орудiе, и менѣе чѣмъ черезъ 10 минутъ орудiя на веревкахъ втянуты на гору.

Подкрѣпленный подошедшими сибирцами, генералъ Любавинъ дѣлаетъ попытку продвинуться впередъ; онъ встрѣченъ бѣшенымъ огнемъ японцевъ, прикрывающихъ мостъ на рѣкѣ. Два японскихъ орудiя, установленныхъ сегодня ночью на высотѣ къ югу отъ Бенсиху, поддерживаютъ свои передовыя

части, осыпая казаковъ шрапнелью. Нѣсколько снарядовъ попадаютъ въ коноводовъ. Генералъ Любавинъ принужденъ отойти назадъ, занявъ хребетъ къ югу отъ деревни Дайдиншань. Японцы, перейдя въ наступленіе, преслѣдуютъ его и, переправившись черезъ рѣку, занимаютъ оставленныя казаками прежнія позиціи.

Я съ остальными офицерами штаба генерала Самсонова нахожусь при немъ на артиллерійской позиціи, откуда наши орудія ведутъ безпрерывную стрѣльбу по занятымъ японцами высотамъ на правомъ берегу рѣки. Замѣтивъ переправляющуюся черезъ рѣку колонну японцевъ, артиллерія переноситъ свой огонь на мостъ. «Буухъ-бууухъ» гремятъ орудія, и черезъ секунду почти одновременно вспыхиваютъ подъ мостомъ два бѣлыхъ круглыхъ облачка разорвавшихся шрапнелей... Быстро, бѣгомъ двигаются по мосту маленькія черныя фигурки, — точно муравьи бѣгутъ по стебельку травы, быстро перебѣгаютъ онѣ открытое пространство, спѣша скрыться за острымъ скалистымъ мысомъ. Вотъ одна шрапнель разорвалась надъ самымъ мостомъ, въ бинокль видно, какъ на мгновеніе маленькія черныя фигурки столкнулись и смѣшались, но тотчасъ же въ полномъ порядкѣ быстро побѣжали далѣе и одна за другой скрылись за уступомъ горы.

На правомъ берегу рѣки артиллерійская стрѣльба достигла своего апогея; орудія гремятъ безпрерывно, грохотъ выстрѣловъ подчасъ сливается въ общій раскатъ — начинается атака японскихъ позицій. Прямо противъ насъ, на противоположномъ берегу рѣки, высится занятая японцами сопка. Въ бинокль ясно можно различить вѣнчающіе ея гребень непріятельскіе окопы. У подножія сопки видны наступающія перебѣжками наши пѣхотныя цѣпи. Быстро карабкаются въ гору маленькія, сѣрыя фигурки стрѣлковъ, осыпаемыя сверху, изъ занятыхъ японцами окоповъ, градомъ пуль. Все выше и выше ползутъ онѣ, цѣпляясь за каждый кустъ, за каждый выступъ камня... Однѣ падаютъ и остаются лежать сѣрымъ пятномъ на желтомъ, песчанистомъ склонѣ горы, другія лѣзутъ дальше, скользятъ, об-

рываются и падаютъ, встаютъ и лѣзутъ вновь, все выше и выше, подъ градомъ несущихся имъ навстрѣчу пуль...

Быстро пристрѣлявшись, наши два орудія открываютъ бѣглый огонь по занятымъ японцами окопамъ. Одинъ за другимъ гремятъ выстрѣлы, и бѣлыя облачка безпрестанно вспыхиваютъ надъ вершиной сопки; въ бинокль ясно видно, какъ шрапнель, осыпая окопы, взбиваетъ сѣро-желтую пыль. Одинъ за другимъ рвутся надъ сопкою наши снаряды, но, несмотря на жестокій огонь, японцы держатся отчаянно, крѣпко засѣвъ въ окопахъ, ни на мгновеніе не прекращая бѣшеный огонь.

Выше и выше ползутъ маленькія сѣрыя фигурки нашихъ молодцовъ, — теперь онѣ уже совсѣмъ близко отъ вершины горы, настолько близко, что наша артиллерія должна, изъ опасенія поражать своихъ, прекратить огонь. Залегши за небольшой каменистой грядой, наши стрѣлки готовятся къ послѣднему удару; одинъ за другимъ подползаютъ отставшіе, накопляясь маленькими группами за разбросанными по склону горы камнями. Японцы, высунувшись по поясъ изъ окоповъ, поражаютъ нашихъ почти отвѣснымъ огнемъ.

Забывъ весь окружающій міръ, съ захватывающимъ, неизъяснимымъ чувствомъ, не имѣя силъ оторвать биноклей отъ глазъ, слѣдимъ мы за геройской борьбой на противоположномъ берегу рѣки. Всѣ взоры впились въ одну маленькую скалистую вершину, гдѣ горсть нашихъ храбрецовъ ведетъ послѣднюю ожесточенную борьбу, борьбу между жизнью и смертью. Всѣмъ существомъ въ эту минуту переносишься туда, до боли страдая въ безсиліи имъ помочь.

Оправившись и собравшись съ силами, стрѣлки бросаются, чтобы нанести послѣдній ударъ. Сперва изъ-за камня выскакиваетъ одна сѣрая фигурка — это офицеръ, — видно, какъ блещетъ обнаженная шашка, затѣмъ сразу цѣлая горсть фигуръ, спѣша и обгоняя другъ друга, бросается въ гору, быстро ползетъ на вершину сопки... Отъ волненія бинокль трясется въ рукахъ, въ глазахъ что-то мелькаетъ и рябитъ... Выстрѣлы японцевъ сливаются въ одинъ общій непрерывный трескъ...

Но что это? Маленькія сѣрыя фигуры сразу остановились. . . Офицера впереди уже нѣтъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, виднѣется лишь маленькое неподвижное сѣрое пятнышко на желтомъ склонѣ горы. . . и вдругъ сразу сѣрыя фигурки повернули и быстро побѣжали внизъ, спѣша и обгоняя другъ друга. Одна, другая, третья падаютъ и остаются лежать неподвижно, и скоро по всему склону горы остаются неподвижныя, сѣрыя пятнышки. Наша атака отбита. . .

Бой на правомъ берегу рѣки постепенно замираетъ. Сумерки медленно спускаются на землю, и на темнѣющемъ небосводѣ одна за другой загораются далекія звѣзды. Послѣднія шрапнели изрѣдка вспыхиваютъ яркими фейерверками на темномъ фонѣ неба. Кое-гдѣ еще слышна ружейная трескотня. . .

Мы оставляемъ съ генераломъ перевалъ и спускаемся къ деревнѣ Даюйну, чтобы поужинать и выспаться нѣсколько часовъ.

Несмотря на выдающуюся доблесть войскъ восточнаго отряда, атака 28-го сентября не увѣнчались успѣхомъ; выбить японцевъ съ переваловъ не удалось. Генералъ Штакельбергъ отдаетъ приказаніе въ 4 часа атаку возобновить *).

VI.

Подкрѣпленные нѣсколькими часами сна, мы въ два часа ночи уже находимся на нашей артиллерійской позиціи Насъ охватываетъ темнота холодной осенней ночи. Милліарды звѣздъ

---

*) Позднѣе приказаніе это было отмѣнено. Тѣмъ не менѣе, части отряда генерала Ренненкампфа атаковали въ ночь съ 28-го на 29-е рядъ переваловъ къ ю.-з. отъ деревни Ходигоу, гдѣ и имѣли частичный успѣхъ. У насъ говорили, что приказаніе объ отмѣнѣ назначенной въ 4 часа ночи атаки было сообщено ген. Ренненкампфу тогда, когда части его отряда были двинуты уже въ атаку. Не знаю, насколько эти слухи были справедливы.

слабо мерцаютъ на темномъ, далекомъ небосводѣ. Длившаяся всю ночь горячая перестрѣлка теперь смолкла, и все тихо по ту сторону рѣки. Изрѣдка стукнетъ вдали одиночный выстрѣлъ, и снова все погрузится въ прежнюю глубокую тишину...

Но вотъ, въ ночной мглѣ рѣзко грянулъ близкій ружейный выстрѣлъ. Еще и еще... И сразу безпокойно загремѣла ружейная трескотня, часто застукали пулеметы... Звукъ выстрѣловъ слился въ одинъ общій безпрерывный трескъ... И вдругъ страшный, отчаянный крикъ пронесся въ темнотѣ и, постепенно растя и возвышаясь, заполнилъ собою тишину ночи.

— Атака, — вслухъ замѣчаетъ кто-то изъ насъ. Многіе снимаютъ фуражки и крестятся. Молча, напряженно вглядываясь въ ночную мглу, слушаемъ мы, стараясь догадаться о томъ, что происходитъ тамъ — впереди насъ. Тамъ трещатъ выстрѣлы, стукаютъ пулеметы, и, покрывая все, несется крикъ «ура», неудержимый, стихійный и страшный... И слышатся въ этомъ крикѣ и вопль отчаянія, и торжествующій кликъ побѣды, и предсмертный страдальческій стонъ...

И подобно тому, какъ родился и выросъ въ темнотѣ ночи этотъ стихійный, ужасный крикъ, такъ и умираетъ онъ, слабѣя и тая. Проносятся послѣдніе раскаты и отдаются эхомъ въ далекихъ долинахъ горъ... Умолкаетъ безпокойная стукотня пулеметовъ... Ружейная перестрѣлка слабѣетъ... Атака кончена. Чѣмъ завершилась она? Удалось ли намъ занять неприступные, скалистые гребни, геройски обороняемые храбрымъ врагомъ, или, усѣявъ склоны горъ тѣлами нашихъ павшихъ храбрецовъ, мы отошли, разбитые и усталые, дабы собраться со свѣжими силами для новой борьбы? Безмолвная ночная тишина не даетъ намъ отвѣта...

Въ 6 часовъ утра отъ генерала Ренненкампфа получается донесеніе, что атака частей его отряда имѣла лишь частичный успѣхъ; удалось занять лишь нѣсколько сопокъ и между прочимъ ту, геройскую атаку которой нашими стрѣлками мы наблюдали вчера.

Блѣдный разсвѣтъ медленно наступаетъ. Потянулъ легкій вѣтерокъ, и густой бѣлый туманъ, стоявшій надъ рѣкою, разсѣялся. На противоположномъ берегу рѣки, у подножія высокой сопки, виднѣются какія-то сомкнутыя пѣхотныя части. Вершина сопки занята сегодня ночью нами, и въ бинокль ясно видны роющіяся за гребнемъ сѣрыя фигуры нашихъ стрѣлковъ. Весь склонъ горы усѣянъ тѣлами раненыхъ и убитыхъ, павшихъ въ сегодняшнемъ ночномъ дѣлѣ. Одни лежатъ неподвижно, другіе, приподнявшись, въ разнообразныхъ позахъ, ожидаютъ помощи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны спускающіяся по склону группы людей — несутъ раненыхъ. А вотъ надъ распростертымъ тѣломъ наклонилась сѣрая фигурка съ едва видимой отсюда бѣленькой полоской на рукавѣ — это фельдшеръ перевязываетъ раненаго...

Впереди насъ, со стороны Бенсиху, гремитъ орудійный выстрѣлъ. Гудя, приближается къ намъ снарядъ. Ближе и ближе... Не долетѣвъ до нашихъ орудій, снарядъ ударяется въ землю, поднявъ столбъ чернаго, густого дыма...

— Шимоза... Пристрѣливаются къ нашей батареѣ, — замѣчаетъ старшій адъютантъ штаба дивизіи, подполковникъ Посоховъ. Опять впереди гремитъ выстрѣлъ, и перелетѣвшій снарядъ падаетъ за батареей, недалеко отъ стоящихъ подъ переваломъ передковъ. Японцы быстро пристрѣливаются и открываютъ стрѣльбу по нашимъ орудіямъ залпами. Одинъ за другимъ рвутся надъ переваломъ ихъ снаряды, пока еще не поражая нашихъ артиллеристовъ. Мы отвѣчаемъ, посылая шрапнель за шрапнелью...

Отъ высланныхъ на югъ нашихъ разъѣздовъ начинаютъ поступать одно за другимъ донесенія, что замѣчены значительныя подкрѣпленія, подходящія къ противнику со стороны Сихеяна *). Скоро выясняется и сила этихъ подкрѣпленій — около бригады. Генералъ Любавинъ, тѣснимый съ фронта и угро-

---

*) То подходила изъ Чаотао конная бригада японскаго принца Канина.

жаемый съ фланга, медленно отходитъ. Японцы вскорѣ занимаютъ оставленный имъ гребень. Ихъ артиллерія, поддерживавшая наступленіе противъ генерала Любавина и временно прекратившая обстрѣливаніе нашихъ орудій, вновь переноситъ свой огонь на нашу батарею... Сразу нѣсколько снарядовъ рвутся надъ переваломъ... Замѣтивъ отходъ генерала Любавина, рѣшаетъ отойти и генералъ Самсоновъ. Быстро, но безъ суеты, подбѣгаютъ казаки къ орудіямъ и на веревкахъ начинаютъ спускать ихъ съ перевала. Нѣсколько облачковъ дыма вспыхиваютъ надъ батареей, рѣзко разсѣкая воздухъ и взбивая сухую землю, свиститъ шрапнель, но казаки, не торопясь, продолжаютъ свое дѣло. Стоя на перевалѣ, генералъ Самсоновъ отдаетъ приказанія...

На правомъ берегу рѣки бой достигъ крайняго напряженія. Выстрѣлы гремятъ безпрерывно, бѣлыя облачка шрапнельныхъ разрывовъ безпрестанно вспыхиваютъ надъ гребнемъ. Неоднократныя яростныя атаки отряда генерала Ренненкампфа отбиты съ громадными потерями, лишь крайнему лѣвому флангу его удается сильно продвинуться берегомъ рѣки впередъ. Отходъ нашего коннаго отряда ставитъ атакующія части въ крайне тяжелое положеніе, давая возможность подошедшимъ японскимъ подкрѣпленіямъ поражать съ лѣваго берега р. Тайдзихэ войска генерала Ренненкампфа не только съ фланга, но и съ тыла *). Генералъ Ренненкампфъ долженъ оставить занятыя съ боя позиціи и также отходить. Цѣпи, занимающія гребень высокой сопки на берегу рѣки, отходятъ, и въ бинокль ясно видно, какъ сразу склонъ сопки покрывается спускающимися фигурками; быстро, быстро сбѣгаютъ эти фигурки, оставляя за собою рядъ неподвижныхъ пятенъ — тѣлъ раненыхъ и убитыхъ товарищей. Японцы провожаютъ ихъ ожесточенной, безпорядочной стрѣльбой...

*) Насколько отходъ коннаго отряда вызывался обстановкой, рѣшить окончательно трудно. Могу лишь констатировать, что отрядъ отошелъ, понеся лишь самыя ничтожныя потери...

Орудія спущены съ перевала, взяты на передки, и мы рысью отходимъ. Нѣсколько снарядовъ падаютъ позади насъ на дорогѣ, не причинивъ намъ вреда. Отойдя версты на 3 за деревню Сягоусяндзы, орудія снимаются съ передковъ и, расположившись среди гаоляноваго поля, открываютъ стрѣльбу, обстрѣливая гребень, откуда мы недавно отошли и гдѣ теперь виднѣются пѣхотныя цѣпи противниковъ.

Со стороны деревни Уянынь подъѣзжаетъ группа всадниковъ. Впереди виднѣется характерная плотная фигура ген. Ренненкампфа на крупномъ гнѣдомъ конѣ; сзади слѣдуютъ офицеры его штаба. Подъѣхавъ къ батареѣ, ген. Ренненкампфъ спѣшивается и, отойдя въ сторону съ генераломъ Самсоновымъ, съ нимъ долго о чемъ-то совѣщается. Офицеры штаба ожидаютъ, расположившись поодаль. Мы молчимъ, мы боимся признаться въ ужасной истинѣ, но въ глубинѣ души каждый изъ насъ уже сознаетъ, что всѣ надежды разбиты, что это есть начало конца, что дѣло окончательно проиграно. . .

Японцы довольствуются тѣмъ, что заняли вновь потерянныя ночью позиціи и, оттѣснивъ нашъ конный отрядъ, обезпечили свой флангъ и тылъ; они остаются противъ генерала Ренненкампфа на занятыхъ ими высотахъ. Истощенные рядомъ предшествовавшихъ атакъ, мы отказываемся отъ наступательнаго образа дѣйствій и переходимъ къ оборонѣ. Оба противника остаются другъ противъ друга, ведя горячую орудійную и ружейную перестрѣлку. Въ 5 часовъ вечера генералъ Самсоновъ рѣшаетъ отойти къ деревнѣ Улунсунь, гдѣ и оставаться для прикрытія переправы черезъ р. Тайдзихэ, противъ деревни Уянынь. Небо заволакивается тучами, начинаетъ покрапывать мелкій дождь. Деревня Улунсунь, маленькая и бѣдная, всего изъ трехъ-четырехъ фанзъ, совсѣмъ разорена и покинута жителями. Я помѣщаюсь съ нѣкоторыми офицерами штаба генерала Самсонова въ ветхой полуразрушенной фанзушкѣ. Отказавшись отъ ужина, я устраиваюсь на канѣ, положивъ подъ голову сѣдельную подушку и накрывшись съ головой буркой. На душѣ тяжело и грустно, хочется забыться, уйти, хоть нена-

долго, отъ тяжелой, ужасной дѣйствительности. Но, несмотря на усталось, мнѣ не удается заснуть: въ фанзѣ холодно и сыро, вѣтеръ дуетъ сквозь многочисленныя дыры въ оклеивающей окна бумагѣ, безпрестанно входятъ и выходятъ съ приказаніями ординарцы. Въ два часа ночи насъ поднимаютъ. Выдвинутое положеніе восточнаго отряда внушаетъ опасенія, и намъ приказано на 30-е сентября отходить на одну высоту съ западнымъ отрядомъ, который долженъ держаться на рѣкѣ Шахэ. Генералу Самсонову приказано, двигаясь горной дорогой на деревни Іогоу-Чанхуанзай, въ долину Сандзядза, прикрывать отступленіе лѣваго фланга восточнаго отряда.

VII.

Въ полной темнотѣ мы выходимъ на дворъ и, сѣвъ на коней, трогаемся по построенному черезъ Тайдзихэ отрядомъ полковника Дружинина мосту, къ деревнѣ Іогоу. Небо заволокло черными тучами, сѣетъ мелкій осенній дождь, ни зги не видно. Темные конные силуэты казаковъ едва обрисовываются въ темнотѣ. Мы двигаемся молча, слышно лишь чавканье копытъ по глинистой грязи размокшей дороги. У маленькой кумирни близъ деревни Іогоу мы останавливаемся и долго ждемъ чего-то, стоя на дорогѣ. Въ темнотѣ мимо насъ бредутъ какія-то тѣни. . .

— Какой части? — спрашиваетъ кто-то изъ насъ.

— Читинскаго полка. . . Раненые. . . Куда полкъ-то нашъ ушелъ? . . Отбились мы. . . — доносится изъ темноты, и тѣни исчезаютъ, расплываясь въ ночной мглѣ. . .

Наконецъ трогаемся далѣе. Блѣдный сѣрый разсвѣтъ медленно наступаетъ; дождь продолжаетъ моросить, и въ предразсвѣтной дождливой мглѣ всѣ окрестные предметы кажутся какими-то сѣрыми. По обѣ стороны дороги бредутъ отсталые и раненые. . . На скошенномъ гаоляновомъ полѣ, въ томъ мѣстѣ,

гдѣ находился перевязочный пунктъ, виднѣются какія-то сѣрыя фигуры. Ихъ много, нѣсколько сотъ, по обѣ стороны дороги. Накрытые намокшими сѣрыми шинелями, лежатъ рядами, на размокшей, глинистой землѣ тяжело раненые; другіе, въ разнообразныхъ позахъ, сидятъ понуро на землѣ подъ мелкимъ, сѣющимъ, какъ сквозь сито, дождемъ. Всюду виднѣются изъ-подъ намокшихъ шинелей обмотанныя бѣлой марлей головы, забинтованныя руки, ноги... То тутъ, то тамъ раздаются тяжелые стоны, безсвязный страдальческій бредъ...

Къ генералу Самсонову подходитъ офицеръ въ сопровожденіи доктора.

— Ваше превосходительство. Здѣсь четыреста раненыхъ, — не могли вывезти... Прикажите казакамъ взять, иначе придется бросить... — обращается къ генералу дрожащимъ отъ волненія голосомъ офицеръ...

У самой дороги, на плоскомъ камнѣ сидитъ раненый молодой солдатъ. Блѣдное, изстрадавшееся лицо, безсильно опущенныя вдоль тѣла руки, вся поза выражаютъ полный упадокъ силъ; вытянутая нога съ засученными выше колѣна шароварами обмотана широкимъ марлевымъ бинтомъ. Раненый слышалъ просьбу офицера. Сколько безмолвной мольбы, сколько отчаянія во взглядѣ, которымъ онъ въ ожиданіи рокового отвѣта смотритъ на генерала. «Неужели откажетъ? .. Неужели бросятъ здѣсь — отдадутъ японцамъ? ..» читаю я въ его широко открытыхъ, полныхъ страданія, мольбы и отчаянія глазахъ...

Генералъ останавливаетъ колонну и отдаетъ приказаніе не двигаться далѣе, пока всѣ раненые, до одного, не будутъ взяты. Мы спѣшиваемъ шесть сотенъ сибирцевъ; раненыхъ болѣе легко сажаютъ на коней, другихъ казаки несутъ. Далеко по дорогѣ вытягивается нашъ печальный кортежъ. Медленно, шагъ за шагомъ, подъ мелкимъ, часто сѣющимъ дождемъ трогаемся мы въ путь. Громко чавкая по глинистой грязи дороги, понуро идутъ кони подъ неуклюжими сѣрыми фигурами раненыхъ стрѣлковъ; подоткнувъ полы шинелей, бредутъ по грязи, неся

тяжело-раненыхъ, казаки. Люди идутъ молча, слышатся лишь чавканье копытъ, да тяжелые стоны раненыхъ...

Неизъяснимо-грустное чувство обиды охватываетъ насъ. Сердце сжимается болѣзненной горечью униженія, слезы навертываются на глаза, сдавливаютъ горло... Конецъ надеждамъ. Конецъ радужнымъ, свѣтлымъ мечтамъ. Мы опять отступаемъ...

Дѣло подъ Шахэ было проиграно. Блестяще задуманная операція не удалась. Мы потеряли до 44.000 человѣкъ, изъ коихъ на долю Восточнаго отряда пришлось 14.000. Кого винить въ постигшей насъ неудачѣ? Кто виноватъ въ томъ, что побѣда, столь близкая отъ насъ, ускользнула изъ нашихъ рукъ? На это дастъ правдивый отвѣтъ исторія...

Баронъ Петръ Врангель.

Послѣ боя подъ Каушеномъ 6/19 августа 1914 г. Ротмистръ Баронъ П. Н. Врангель на захваченномъ конной атакой его эскадрона орудіи противника.

Каушенскій бой

Послѣ окончанія Русско-Японской войны, Петръ Николаевичъ Врангель, произведенный за отличіе въ чинъ штабсъ-ротмистра, былъ переведенъ въ 55-й Финляндскій драгунскій полкъ и одновременно прикомандированъ Л. Гв. къ Конному полку, въ которомъ онъ до войны отбывалъ воинскую повинность.

Онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба и будучи на старшемъ курсѣ академіи былъ переведенъ Государемъ Императоромъ на Благовѣщеніе, въ день полкового праздника, въ свой родной полкъ.

По окончаніи дополнительнаго курса академіи онъ рѣшилъ не переходить въ генеральный штабъ и остаться въ строю. «Я не гожусь въ офицеры генеральнаго штаба«, пояснилъ онъ — «ихъ задача совѣтовать начальникамъ и мириться съ тѣмъ, что совѣтъ не примутъ. Я же слишкомъ люблю проводить въ жизнь собственное мнѣніе».

Такимъ образомъ Врангель остался въ строю и въ 1912 году принялъ въ командованіе 3-й эскадронъ.

Всей душой, иначе онъ не могъ, онъ отдается этому дѣлу. Всѣ помыслы, всѣ стремленія направлены къ тому, чтобы сдѣлать изъ эскадрона настоящую боевую единицу. Война заста-

ла его въ этой должности. Во главѣ своего эскадрона онъ съ полкомъ отправился на восточно-прусскую границу.

Штабъ полка расположился въ имѣніи Шукли. Аванпосты по рѣкѣ Ширвинкѣ, по самой границѣ. Ежедневно перестрѣлки и стычки. Врангель въ восторгѣ: «Это жизнь, а тамъ въ казармахъ было прозябаніе», повторяетъ онъ все время и своимъ настроеніемъ еще больше поднимаетъ и безъ того приподнятое общее настроеніе.

3-го августа *) 1914 года гвардейская кавалерія переходитъ границу; 4-го, совмѣстно съ другими частями, полкъ съ боя занимаетъ городъ Пилькаленъ, ворвавшись въ него лавой. Нѣмцы оказываютъ сопротивленіе на противоположной окраинѣ города. 3-й эскадронъ обходнымъ движеніемъ заставляетъ ихъ отступить. 5-го полкъ въ авангардѣ и беретъ городъ Мальвишкенъ. На ночь онъ занимаетъ сторожевое охраненіе. Это уже наканунѣ Каушенскаго боя. Ночь тревожная. Наши дозоры и разъѣзды всюду наталкиваются на противника. Мы знаемъ, что вдоль желѣзной дороги наша пѣхота ведетъ бой. Чувствуется, что надвигается дѣло и для насъ...

На утро гвардейская кавалерія продолжаетъ движеніе. Кавалергарды въ авангардѣ нашей дивизіи, мы, стянувшись послѣ ихъ прохода — въ тылу колонны. Тихо. Почти не продвигаемся. Выстрѣловъ не слышно. Впечатлѣніе такое, что мы ночью ошибались, боя не будетъ. Настолько, что около полудня мы вспоминаемъ, что сегодня годовой день смерти нашего товарища флигель-адъютанта полковника графа Нирода, и рѣшаемъ, что вечеромъ отслужимъ панихиду. Не думали, не гадали, что въ этотъ вечеръ придется служить панихиду еще и по многимъ изъ насъ...

Между тѣмъ вторая гвардейская кавалерійская дивизія уже втянулась въ бой, а нашъ авангардъ-кавалергарды, у Краупишкенъ, подъ командой своего пылкаго командира князя Долгорукова, что называется, мертвой хваткой вцѣпились въ

---

*) Всѣ даты по старому стилю.

врага и, несмотря на свою малочисленность, его оттѣснили. Втянулась въ бой и наша конная батарея подъ начальствомъ князя Эристова, удачно состязаясь съ артиллеріей противника. Мѣткость огня нашей батареи была поразительная. Но противникъ, сбитый было съ толку яростнымъ наступленіемъ кавалергардовъ и отошедшій подъ ихъ натискомъ, пришелъ въ себя и, пользуясь своими превосходными силами, перешелъ въ наступленіе и, въ свою очередь, сталъ ихъ тѣснить и тѣснить сильно.

Положеніе ихъ становилось тяжелымъ, и командиръ первой бригады генералъ Скоропадскій, подозвавъ временно командующаго Конной гвардіей, приказалъ идти на помощь братьямъ-однобригадникамъ. Полкъ къ тому времени уже былъ подтянутъ и стоялъ спѣшеннымъ, прикрываясь каменными зданіями большой фермы.

Чтобы дойти до д. Краупишкенъ, занятой кавалергардами, предстояло пройти версты полторы-двѣ по открытому пахотному полю, обстрѣливаемому рѣдкимъ шрапнельнымъ огнемъ.

Были выдвинуты спѣшенныя части трехъ эскадроновъ: Его Величества, 2-го и 4-го. Очередь третьяго была прикрывать коноводовъ. У него же оставались штандарты и нашъ, и кавалергардскій. Врангель былъ очень недоволенъ, ворчалъ, ругался, но долженъ былъ примириться съ тѣмъ, что его очередь оставаться, пока что, въ тылу.

Принявъ построеніе противъ артиллерійскаго огня, спѣшенные эскадроны быстро двинулись къ Краупишкену. Чѣмъ ближе подходили къ этой деревнѣ, тѣмъ сильнѣе становился огонь. Начали летать пули. Было жарко; идти по пахотѣ было тяжело. Люди запыхались и одинъ изъ эскадронныхъ командировъ просилъ командующаго полкомъ положить полкъ, чтобы отдохнуть, отдышаться. Это было сдѣлано, но въ это время подъѣхалъ кавалергардъ-корнетъ баронъ Пиларъ (вскорѣ послѣ этого убитый) и просилъ поторопиться, такъ какъ пло-

женіе его полка очень тяжелое и можетъ статься, что скоро будетъ поздно.

Это происходило въ долинкѣ, прикрытой отъ выстрѣловъ. Услышавъ это, командующій полкомъ скомандовалъ «встать» и повелъ полкъ дальше.

Не успѣли мы, однако, подняться на скатъ долины, какъ попали подъ сильный ружейный огонь, который все-же не остановилъ порыва конногвардейцевъ. Несмотря на потери, они быстро, съ боемъ, продвинулись впередъ и, удлинивъ кавалергардскую цѣпь вправо, парализовали нѣмецкій охватъ, грозившій имъ окруженіемъ и вывели ихъ, такимъ образомъ, изъ тяжелаго положенія. Далѣе дѣйствуя уже вмѣстѣ, они продвинулись на противоположную окраину деревни Краупишкенъ, и тутъ то, слѣва отъ мельницы, стоявшей на горкѣ впереди деревни Каушенъ, цѣпи конной гвардіи обнаружили нѣмецкія орудія.

Казалось, что они совсѣмъ близки и что еще одинъ скачекъ и они будутъ нашими.

Были попытки перейти въ дальнѣйшее наступленіе, но онѣ были остановлены сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Натискъ его на кавалергардовъ былъ остановленъ, но сила его сопротивленія не была сломлена. Превосходный въ силахъ, онъ своимъ огнемъ не давалъ продвинуться впередъ и одновременно силился вывезти свои орудія изъ опаснаго положенія. Стремился подвезти ящики, но огонь батареи Его Величества и огонь нашихъ и кавалергардскихъ цѣпей этого не допускалъ.

Но и наши спѣшенныя части, какъ уже было сказано, продвинуться впередъ были уже не въ силахъ. Слишкомъ силенъ былъ огонь, слишкомъ велики и у насъ, и у кавалергадовъ были потери, особенно въ офицерскомъ составѣ. Такъ въ четвертомъ эскадронѣ одинъ былъ убитъ, всѣ же остальные, въ томъ числѣ и командиръ эскадрона ротмистръ Бобриковъ — ранены. Во второмъ эскадронѣ — командиръ эскадрона ротмистръ Суровцевъ и три офицера изъ четырехъ — убиты. Въ эскадронѣ Его Величества — два офицера, изъ четырехъ — ранены. Нуженъ

былъ новый толчекъ для наступленія. Этотъ толчекъ и далъ третій эскадронъ съ Врангелемъ во главѣ.

Покуда происходили вышеописанныя событія, Врангель не находилъ себѣ мѣста отъ нетерпѣнія. Вѣсти о потеряхъ, объ убитыхъ товарищахъ доходили до него и лишь усиливали его протестъ противъ того, что ему приходится оставаться въ тылу, когда товарищи дерутся. И наконецъ онъ не вытерпѣлъ.

Къ этому времени къ начальнику 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи генералу Казнакову подъѣхалъ съ наблюдательнаго пункта 1-й Его Величества батареи поручикъ Гершельманъ и доложилъ, что орудія противника въ тяжеломъ положеніи и, что если помочь спѣшеннымъ частямъ свѣжими силами, то орудія можно будетъ захватить. Услыхавъ это, Врангель сталъ буквально умолять разрѣшить ему атаковать. Разрѣшили. Посадилъ эскадронъ, у обоихъ штандартовъ оставилъ 5—6 человѣкъ и двинулся впередъ. Поручикъ Гершельманъ вызвался сопровождать, чтобы показать дорогу, которую онъ изучилъ съ наблюдательнаго пункта. Ловко прикрываясь мѣстностью, лощинками и оврагами, полевымъ галопомъ 3-й эскадронъ проскочилъ во взводной колоннѣ на разстояніе лишь въ 1200—1500 шаговъ отъ противника. Тутъ онъ сразу же развернулся, разсыпался и съ первымъ полуэскадрономъ во главѣ пустился на врага. Нѣмцы открыли убійственный огонь и пѣхотный, и изъ орудій. По странной случайности изъ за прицѣла ли, изъ за быстроты ли движенія, но потерь въ людяхъ почти не было. Все попадало по лошадямъ, убыль которыхъ была велика. Увы, велика убыль была и въ офицерахъ. Убитъ конноартиллеристъ поручикъ Гершельманъ, убиты братья Катковы, корнетъ и вольноопредѣляющійся, послѣднему размозжило голову стаканомъ. Корнетъ князь Накашидзе раненъ шрапнельной пулей въ голову, подъ штабсъ-ротмистромъ графомъ Бенигсеномъ была убита лошадь. Но это не остановило порыва. Эскадронъ наскочилъ на орудія. Послѣднимъ выстрѣломъ на картечь была убита лошадь подъ Врангелемъ. Въ ней потомъ насчитали до сорока пуль, но самъ Врангель чудомъ

остался цѣлъ и невредимъ. Люди, потерявшіе лошадей, не отстали отъ товарищей и, добѣжавъ пѣшкомъ, тоже схватились въ рукопашную съ нѣмцами. Такъ унтеръ-офицеръ Демахинъ сцѣпился съ здоровеннымъ нѣмцемъ. Они катались по травѣ, дубася другъ друга чѣмъ попало. Плохо пришлось бы Демахину, раненому еще въ началѣ боя въ руку, еслибы истекающій кровью князь Накашидзе не нашелъ въ себѣ силъ добить врага и спасти своего. Врангель, потерявъ лошадь, тоже пѣшкомъ добѣжалъ до орудій. Захвачено ихъ было два, плюсъ четыре зарядныхъ ящика и вышка. Врангель въ своемъ порывѣ вскочилъ на орудіе и уже оттуда распоряжался дальнѣйшими дѣйствіями, покуда ему не подвели другую лошадь.

Волна докатилась и сдѣлала свое дѣло. Нѣмцы стали поспѣшно отступать, а наши спѣшенныя части смогли двинуться впередъ и заняли всю деревню Каушенъ до рѣки Инстеръ. Дальше идти было нельзя, такъ какъ нѣмцы, отступая, все же успѣли взорвать мостъ. Да и стало темнѣть. Бой затихъ.

Описалъ я Каушенскій бой — какъ его помню и какъ можно помнить послѣ 23 лѣтъ. Описываю, что *видѣлъ*, что испыталъ, что потомъ разсказывали товарищи.

Для Врангеля Каушенъ былъ его Тулономъ. . .

Не надо забывать, что передъ войной громко и настойчиво повторялось о невозможности конной атаки на пѣхоту при современномъ огнѣ. Эти утвержденія, исходившія отъ авторитетныхъ военныхъ мыслителей не могли не вносить сомнѣній въ сердца кавалеристовъ. И вотъ Врангель, въ первомъ же бою атаковалъ, атаковалъ боеспособную артиллерію и пѣхоту и имѣлъ успѣхъ.

Съ увѣренностью скажу, что его блестящія конныя дѣйствія, конныя атаки цѣлой дивизіей и даже корпусомъ въ бояхъ за освобожденіе Кубани, подъ Ставрополемъ и на путяхъ къ Царицыну явились послѣдствіями той вѣры въ конную атаку, которую утвердилъ въ немъ Каушенскій бой.

Б. Гартманъ.

Борьба за армію.

«Боже, спаси Армію...»

Послѣднія слова генерала Врангеля.

1.

Константинополь.

Главнокомандующій Русской Арміей баронъ Петръ Николаевичъ Врангель...

Десять лѣтъ тому назадъ онъ ушелъ отъ насъ окруженный любовью и безграничной печалью. Мы никогда больше не увидимъ его, не услышимъ его бодраго, звучавшаго сталью голоса, но образъ его витаетъ передъ нами, и тѣмъ больнѣе сознаніе, что онъ, сдѣлавшій такъ много для спасенія Родины, не вернется въ нее гордымъ побѣдителемъ ея враговъ. Не увидитъ ея свѣтлаго воскресенія; онъ, который такъ это заслужилъ...

Пройдутъ годы и безпристрастный рѣзецъ исторіи вырѣжетъ во весь громадный ростъ незабвенную фигуру нашего послѣдняго Главнокомандующаго. Историкъ-біографъ опишетъ намъ его жизнь, бурную, многогранную, но всю цѣликомъ от-

данную беззавѣтному рыцарскому служенію своей прекрасной Дамѣ — Россіи. Исторія начертаетъ его имя среди именъ тѣхъ, кто отдалъ Родинѣ все, что имѣлъ: и свой талантъ, и трудъ, и свою незапятнанную честь, и даже жизнь. И идея барона Петра Николаевича Врангеля станетъ нарицательнымъ именемъ — синонимомъ беззавѣтно-вѣрнаго служенія отечеству.

Много будетъ написано о немъ какъ о Главнокомандующемъ Русской арміей въ годы лихолѣтія; быть можетъ вспомнятъ и нѣкоторыя его ошибки, свойственныя всякому человѣку, но никто не сможетъ отнять у него заслуги — спасенія Русской арміи и ея чести. Да, онъ не отдалъ на поруганіе врагамъ ея старыхъ, овѣянныхъ былой славой, знаменъ! Онъ съ честью вывелъ армію, когда ей грозили гибель и физическое, и моральное уничтоженіе. Онъ избавилъ ее отъ позора и мукъ плѣна, и смерти. Онъ сохранилъ ея кадры для Россіи. . .

Какихъ усилій это стоило ему, какъ добился онъ этого, это тема чрезвычайно широкая. И я позволю себѣ въ этомъ краткомъ очеркѣ коснуться лишь нѣсколькихъ ея страницъ, — освѣщающихъ борьбу за сохраненіе арміи и за устройство военныхъ и гражданскихъ бѣженцевъ на чужбинѣ, борьбу, которую покойный ген. Врангель велъ въ Константинополѣ въ періодъ 1920—1921 г.г.

Есть полное основаніе думать, что, вывозя изъ Крыма Русскую армію, Главнокомандующій считалъ, что она еще не сказала своего послѣдняго слова. Онъ вѣрилъ, что тѣ, кому Русская армія оставалась вѣрной и въ самыя тяжелыя для нея минуты, не оставятъ ее неиспользованной, какъ все еще грозную силу. . . Поэтому, 3 ноября ст. ст. 1920 г., еще въ виду Феодосіи, ген. Врангель съ крейсера «Генералъ Корниловъ» послалъ правительствамъ союзныхъ державъ радіо, предлагая использовать армію подъ его командованіемъ для несенія оккупаціонной службы въ районѣ Константинополя и проливовъ и для смѣны усталыхъ и подлежавшихъ демобилизаціи частей союзныхъ войскъ. Надо думать, что, обращаясь съ такимъ предложеніемъ къ союзникамъ, Главнокомандующій вѣрилъ,

что армія въ условіяхъ оккупаціонной, но все же небоевой службы, отдохнетъ, пополнитъ недостающее вооруженіе и снаряженіе, и снова можетъ быть брошена на борьбу съ большевизмомъ.

Исторія знаетъ такіе примѣры, когда армія, оставившая родину, уходила на чужую территорію для отдыха и перевооруженія и затѣмъ снова вступала въ борьбу. Такъ было въ Великую войну съ Сербской и Бельгійской арміями. А во время Франко-Прусской войны 1870 г. французская армія ген. Бурбаки спаслась на Швейцарскую территорію и правительство Швейцаріи не только не разоружило ее, но продолжало до конца войны содержать ее на правахъ арміи.

Такъ было. . .

Но эвакуація Крыма происходила въ тѣ дни, когда «злато» оказалось сильнѣе «булата». Когда вся Европа — и побѣдители, и побѣжденные, — какъ раненный звѣрь, зализывала свои раны и ей не было дѣла до чужихъ несчастій. А кромѣ того, вѣдь это были дни, когда Ллойдъ Джорджъ торжественно и во всеуслышаніе заявлялъ, что можно торговать и съ каннибалами. Отчего же не начать торговать съ новыми хозяевами Россіи, готовыми продать ее и оптомъ, и въ розницу, и притомъ по сходной цѣнѣ. Отчего не купить по дешевкѣ русское сырье, въ которомъ такъ нуждалась Европа, чтобы пустить въ ходъ тысячи своихъ заводовъ и дать работу милліонамъ демобилизованныхъ солдатъ.

При такихъ условіяхъ сохраненіе Русской арміи и продолженіе борьбы съ большевиками не входило, конечно, въ планы Европы и радіо ген. Врангеля осталось безъ результатовъ.

Я не буду останавливаться на тѣхъ дняхъ, когда ветхій днями Стамбулъ увидѣлъ у своихъ стѣнъ такое количество русскихъ кораблей, какого онъ еще никогда не видѣлъ. Эти дни полуголоднаго заключенія десятковъ тысячъ русскихъ людей съ больными, умирающими, женщинами и дѣтьми въ плавучихъ тюрьмахъ, заполнившихъ тихую бухту Моды, — навсегда останутся кошмаромъ для пережившихъ ихъ. И только воля

покойнаго Петра Николаевича Врангеля, его энергія, и неустанныя хлопоты въ иностранныхъ посольствахъ достигли того, что часть гражданскихъ бѣженцевъ сравнительно быстро была принята: Сербіей — въ количествѣ 22.000 для разселенія на Далматинскомъ побережьи, Болгаріей — 4.000, Румыніей — 2.000 и Греціей — 1.000. Нѣсколько тысячъ были размѣщены въ лагеряхъ: на островѣ Халки, въ Тузлѣ, Санъ-Стефано и другихъ вблизи Константинополя. Для дальнѣйшаго разселенія послѣднихъ былъ организованъ спеціальный эмиграціонный комитетъ подъ предсѣдательствомъ С. Н. Ильина. Ген. Врангель возложилъ на князя Н. Б. Щербатова обязанность обслѣдовать вопросъ объ устройствѣ въ окрестностяхъ Константинополя земледѣльческихъ колоній. Вывезенные изъ Крыма больные и раненые были размѣщены въ приспособленныхъ подъ лазаретъ, роскошныхъ когда-то, залахъ русскаго посольства и въ рядѣ пустовавшихъ тогда большихъ турецкихъ казармъ въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ. Затѣмъ, по инціативѣ Главнокомандующаго, въ Парижѣ былъ образованъ «Дѣловой комитетъ», который принялъ на себя техническо-дѣловую помощь представителямъ Главнокомандующаго по распредѣленію выручавшихся отъ реализаціи правительственнаго имущества суммъ между французскимъ правительствомъ — въ погашеніе долга, и русскими бѣженскими организаціями. Въ составъ дѣлового комитета подъ предсѣдательствомъ М. В. Бернацкаго входили представители главнаго командованія, Всероссійскаго финансоваго союза, комитета банковъ, Краснаго креста и Земскаго союза.

Нѣкоторую помощь, правда болѣе моральнаго чѣмъ матеріальнаго характера, оказывалъ Главнокомандующему организовавшійся въ Константинополѣ изъ бывшихъ членовъ Государственнаго совѣта и Государственной думы — Парламентскій комитетъ, къ которому генералъ Врангель обратился съ призывомъ объ общей вмѣстѣ съ арміей работѣ. Вскорѣ такіе же комитеты образовались въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, и, несмотря, на то, что въ нихъ входили люди разныхъ партій и ла-

герей, часто политическіе противники, всѣ они сошлись во взглядѣ на армію, водимую П. Н. Врангелемъ.

— Въ единеніи съ Вами и Вашей арміей, — писалъ Главнокомандующему Парижскій комитетъ, — мы черпаемъ новую силу для борьбы за освобожденіе Россіи и новую вѣру въ конечное торжество праваго дѣла. Вооруженная борьба съ большевизмомъ неизбѣжна для спасенія не только Россіи, но и всего культурнаго міра и наиболѣе цѣннымъ, закаленнымъ борцомъ за это дѣло является Русская армія подъ Вашимъ командованіемъ. Сохраненіе и использованіе ея есть не только долгъ чести и долгъ признательности, но и актъ государственной мудрости. Вамъ и Русской арміи мы шлемъ нашъ земной поклонъ, преклоняясь передъ высокимъ ея патріотизмомъ и передъ безмѣрными ея страданіями.

Эти слова были не только голосомъ Парижскаго парламентскаго комитета. Они выражали мысли и чувства и другихъ такихъ же комитетовъ. Представители Городского и Земскаго союзовъ, комитетъ русской адвокатуры, объединенія торгово-промышленныхъ и профессіональныхъ организацій заявили ген. Врангелю, что въ его лицѣ они привѣтствуютъ доблестную Русскую армію, до конца продолжавшую неравную борьбу за культуру и русскую государственность, и вмѣняютъ себѣ въ непремѣнную обязанность заявить, что борьба съ большевизмомъ продолжается, что они видятъ въ лицѣ генерала Врангеля, какъ и прежде, главу Русскаго правительства и преемственнаго носителя законной власти, объединяющей русскія силы, борющіяся противъ большевиковъ.

Подобныя же заявленія и отклики приходили къ Главнокомандующему отъ русскихъ Національныхъ комитетовъ, образовавшихся въ Болгаріи, Сербіи и другихъ мѣстахъ разселенія русской эмиграціи. И всюду, и вездѣ комитеты подчеркивали одну главную мысль: необходимость сохраненія арміи подъ главенствомъ ея вождя — П. Н. Врангеля.

Я останавливаюсь на этихъ фактахъ, не сыгравшихъ, какъ оказалось впослѣдствіи, почти никакой роли въ дѣлѣ сохране-

нія арміи, лишь потому, что они лишній разъ подчеркиваютъ тотъ огромный моральный авторитетъ, каковымъ пользовался генералъ Врангель въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ нашей эмиграціи.

На привѣтствія Городского и Земскаго союзовъ, комитетовъ адвокатуры и торгово-промышленныхъ и профессіональныхъ организацій ген. Врангель, между прочимъ, отвѣтилъ: — «Мы ждемъ полнаго выясненія позиціи Франціи. Если она не признаетъ арміи, какъ ядра новой борьбы съ большевизмомъ, я найду путь для продолженія этой борьбы».

Эти слова чрезвычайно взволновали нашу лѣвую печать усмотрѣвшую въ нихъ угрозу. На нихъ откликнулся и образовавшійся въ Парижѣ комитетъ бывш. членовъ Учредительнаго собранія — въ большинствѣ своемъ эс-эровъ. Чувствуя себя въ Парижѣ въ полной безопасности отъ вторичнаго разгона ихъ матросомъ Желѣзнякомъ, эти печальные герои фарса, такъ неудачно разыграннаго ими въ Таврическомъ дворцѣ въ Ноябрѣ 1917 года, стали на столбцахъ газеты «Воля Россіи» призывать, «парламенты всего міра» обратить вниманіе на «совершенно невозможныя страданія русскихъ военныхъ бѣженцевъ», говоря, что «вопросъ о раскрѣпощеніи ихъ отъ власти барона Врангеля — является вопросомъ чести и достоинства русскихъ политическихъ дѣятелей». На генерала Врангеля посыпались обвиненія въ томъ, что онъ хочетъ начать новую авантюру, жертвуя людьми ради удовлетворенія своего личнаго честолюбія. . .

Близкую къ эс-эрамъ позицію занялъ и Милюковъ, бывшій однимъ изъ организаторовъ Парижскаго съѣзда членовъ Учредительнаго собранія и заявившій въ «Послѣднихъ Новостяхъ», что эвакуація Крыма — это катастрофа, съ которой уходитъ въ прошлое цѣлая полоса борьбы. Объясненіе же катастрофы онъ находилъ въ неразрывной связи военной диктатуры съ опредѣленной соціальной группой, не сумѣвшей отказаться ни отъ своихъ классовыхъ стремленій, ни отъ своихъ по-

литическихъ взглядовъ, принадлежащихъ не будущему, а прошлому. А поэтому Милюковъ настаивалъ на распыленіи арміи.

Кто знаетъ, но быть можетъ и Милюковъ, и учредиловцы, вхожіе съ задняго крыльца къ французскимъ политическимъ дѣятелямъ лѣваго толка, уже тогда знали, какія тучи, невидимыя еще для Русской арміи, скопляются надъ ней...

* *
*

Въ первые же дни по прибытіи генерала Врангеля во главѣ Русской арміи въ Константинополь, на флагманскомъ кораблѣ французской эскадры, — на крейсерѣ «Вальдекъ Руссо», состоялось чрезвычайно важное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе съ одной стороны представители Франціи: ея верховный комиссаръ де Франсъ, графъ де Мартель, генералъ Нортайль де Бургонь, командовавшій оккупаціоннымъ корпусомъ, адмиралъ де Бонъ и его начальникъ штаба, — съ другой стороны, — генералъ Врангель съ начальникомъ штаба генераломъ Шатиловымъ.

На совѣщаніи было прежде всего подтверждено соглашеніе, еще ранѣе заключенное ген. Врангелемъ съ графомъ де Мартелемъ, о томъ, что Франція принимаетъ подъ свое покровительство русскихъ, прибывшихъ изъ Крыма, и, въ обезпеченіе своихъ расходовъ, принимаетъ въ залогъ нашъ военный и торговый флотъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано необходимымъ сохраненіе организаціи кадровъ Русской арміи съ ихъ порядкомъ подчиненности и военной дисциплины.

На сохраненіи арміи какъ таковой генералъ Врангель настаивалъ самымъ категорическимъ образомъ, считая это необходимымъ по мотивамъ моральнаго характера. Вѣдь нельзя же было относиться къ союзной русской арміи иначе, чѣмъ съ должнымъ уваженіемъ. Нельзя было вычеркнуть всего ея прошлаго, ея участія въ міровой войнѣ, вмѣстѣ съ союзниками, ея

крови, пролитой за общее дѣло Европы, наконецъ ея вѣрности до конца въ тяжелой борьбѣ съ большевиками, измѣнившими общему дѣлу союзниковъ.

Сохраненіе дисциплины, подчиненность своему командованію диктовались также и практическими соображеніями, такъ какъ вся эта масса людей, сразу признанная только толпой бѣженцевъ, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ и вышедшая изъ повиновенія, могла бы представлять серьезную угрозу порядку. Эти соображенія учитывались и оффиціальными представителями Франціи.

Адмиралъ де Бонъ, генералъ де Бургонь и адмиралъ Дюмениль, какъ испытанные старые солдаты, чувствовавшіе свой долгъ въ отношеніи Русской арміи, горячо поддерживали заявленія Русскаго Главнокомандующаго. И подъ ихъ вліяніемъ верховный комиссаръ Франціи г. де-Франсъ типичный представитель дипломатическаго корпуса, далъ свое согласіе на сохраненіе въ военныхъ лагеряхъ войсковыхъ частей и подчиненность послѣднихъ своимъ генераламъ.

Такимъ образомъ, съ согласія французскихъ властей армія осталась цѣлой и подчиненной своему командованію въ порядкѣ строгой военной дисциплины, со своей организаціей, со своимъ судомъ, съ оружіемъ и своими боевыми знаменами.

На этомъ же совѣщаніи было намѣчено и разсредоточеніе арміи. Были выдѣлены войсковыя части и направлены: 1-й корпусъ подъ начальствомъ ген. Кутепова въ Галлиполи, Кубанцы съ генераломъ Фостиковымъ на о. Лемносъ, и Донцы подъ командой генерала Абрамова въ Чаталджу. Штабъ Главнокомандующаго былъ сокращенъ до минимума. Правительство Юга Россіи было переформировано, и при генералѣ Врангелѣ остались только П. Б. Струве — для дѣлъ внѣшнихъ сношеній и М. В. Бернацкій для завѣдыванія финансами, но и они скоро уѣхали въ Парижъ, и изъ состава Крымскаго правительства при Главнокомандующемъ остался одинъ Н. В. Савичъ. Указа о сложеніи власти Правителя Главнокомандующимъ отдано не было и онъ лично далъ этому факту такое объясненіе:

«Съ оставленіемъ Крыма я *фактически* пересталъ былъ Правителемъ Юга Россіи и естественно, что этотъ терминъ отпалъ самъ собой. Но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать ложныхъ выводовъ: это не значитъ, что носитель законной власти пересталъ быть таковымъ. За ненадобностью названіе упразднено, но идея осталась полностью. Принципъ, на которомъ построена власть и армія, не уничтоженъ фактомъ оставленія Крыма. Какъ и раньше я остаюсь главою власти».

Акта отреченія не послѣдовало. Генералъ Врангель не сложилъ съ себя власти, преемственно принятой имъ отъ адмирала Колчака и генерала Деникина, и продолжалъ нести ее какъ долгъ, отъ котораго нельзя было отказаться. А вѣдь въ то время это означало возложеніе на себя всей отвѣтственности въ почти безнадежномъ положеніи.

Русскія общественныя организаціи Константинополя, а впослѣдствіи и другихъ странъ, какъ я уже говорилъ выше, всецѣло поддержали Главнокомандующаго и признали въ немъ главу русской законной и національной власти.

Армія? .. Тотъ, кто жилъ съ арміей и любилъ, и понималъ ее, — знаетъ какими глазами смотрѣла она на своего вождя. И онъ имѣлъ право говорить отъ имени арміи, потому, что также какъ думалъ и чувствовалъ онъ, думали и чувствовали десятки тысячъ офицеровъ и солдатъ Русской арміи. Что говорилъ онъ, то говорили и они — и въ этомъ-то и была сила его и его словъ.

У арміи было свое большое прошлое, котораго она не могла и не хотѣла забыть: свои подвиги, свои жертвы, которыми нельзя было пренебречь; у нея сохранилися ненадломленныя силы и крѣпкій духъ, непоколебимая вѣра въ себя, въ своего вождя. Она хотѣла оставаться тѣмъ, чѣмъ она была — Русской арміей. Такимъ людямъ нельзя было сказать: «Вы кончили свое дѣло, вы больше не нужны и можете расходиться на всѣ четыре стороны, кто куда хочетъ». И армія знала, что, пока во главѣ ея стоитъ генералъ Врангель, онъ никому не позволитъ сказать этого.

Каково же было тогда положенiе въ Константинополѣ русской гражданской эмиграцiи? Она была въ полномъ смыслѣ слова безправна. Русскiе оффицiальные представители оккупацiонными властями признавались лишь постолько — посколько. . . Русскiй консульскiй судъ дѣйствовалъ, но его распоряженiя не были обязательны для англiйской полицiи. Итальянское правительство наложило арестъ на серебро, вывезенное изъ Ростовскаго государственнаго банка и захватило его. Французы наложили руку на русское имущество на пароходѣ «Рiонъ» и тѣмъ самымъ отняли обувь и одежду у русскихъ солдатъ при наступившей зимней стужѣ. И мы испили до дна горькую чашу нацiональнаго униженiя. Мы узнали, что значитъ жить на пайкѣ, который постоянно урѣзывали, грозя отнять его совсѣмъ, выселивъ заодно и изъ отведенныхъ помѣщенiй. Мы узнали высокомѣрiе и надменность англичанъ, заносчивость французскаго коменданта и не прикрытую грубость сержанта. Мы узнали, наконецъ, что значитъ быть лишеннымъ права передвиженiя и почувствовали, что въ отношенiи насъ можетъ быть позволено все то, что недопустимо въ отношенiи другихъ, не лишенныхъ родины. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы поняли, что весь смыслъ сохраненiя армiи и заключался въ томъ, что, пока была армiя, у насъ оставалась надежда не затеряться въ международной толпѣ униженными и оскорбленными въ своемъ чувствѣ русскихъ.

И, понявъ это, мы еще болѣе оцѣнили *того*, кто хотѣлъ во что бы то ни стало сберечь армiю, *не для себя*, не для личныхъ выгодъ или изъ тщеславiя быть ея Главнокомандующимъ, *а для насъ* — для всей массы русскихъ бѣженцевъ, олицетворявшихъ за рубежомъ нацiональную Россiю.

По прибытiи нашихъ транспортовъ въ Константинополь 18-го ноября (ст. ст.) 1920 г. Начальникъ штаба Французскаго оккупацiоннаго корпуса, Депре, минуя нашего Главнокомандующаго, черезъ нашего военнаго представителя генерала Черткова, приказалъ отправить 10.000 человѣкъ на о. Лем-

носъ и 20.000 въ Галлиполи. Въ тотъ же день генералъ Врангель сообщилъ Депре, что онъ проситъ послѣдняго предписать подчиненнымъ ему офицерамъ во всѣхъ вопросахъ организацiи Русской армiи сноситься непосредственно съ назначенными русскимъ главнымъ командованiемъ начальниками, коимъ предоставлены всѣ полномочiя по организацiи и внутренней жизни войскъ. Письмо заканчивалось лаконическимъ указанiемъ что 1-й корпусъ направляется въ Галлиполи, а кубанскiй на о. Лемносъ.

И армiя была размѣщена такъ, какъ предполагалъ и рѣшилъ ген. Врангель. . . И потянулось страдное, холодное и голодное сидѣнiе на Голомъ Полѣ,на Лемносѣ и въ Чаталджѣ.

Да, и холодное, и голодное. Въ палаткахъ и полуразвалившихся домахъ, порой безъ крышъ или безъ стѣнъ; но усталая армiя, чувствуя надъ собой твердую руку Главнокомандующаго, сознавая, что ея судьба зависитъ отъ силы его воли, а въ эту волю она вѣрила, — вновь нашла и осознала себя. Тяжесть условiй жизни, требовательно-суровый режимъ, наложенный командиромъ корпуса, генераломъ Кутеповымъ, режимъ, оказавшiйся умѣстнымъ при создавшихся условiяхъ, скоро сталъ переноситься спокойно, безъ ропота, какъ вызванный необходимостью. Прiѣзды Главнокомандующаго прiобрѣли совершенно особое значенiе — праздниковъ для всей этой массы, стремившейся порадовать своего вождя и своимъ видомъ, и духомъ, чтобы хоть этимъ выразить свою глубокую вѣру въ него, преданность и. . . любовь. Армiя дѣйствительно любила своего вождя; совершенно особой, беззавѣтной любовью, и эта любовь помогла ему быть властителемъ думъ и желанiй армiи.

Армiя жила и осознавала себя, и по мѣрѣ того, какъ росло ея сознанiе, стала возрождаться въ ней и культурная жизнь. Завелись хоры, возникли общеобразовательные кружки, появились лекторы, возникъ корпусной театръ, устная газета и по всей поверхности армейской жизни забурлили начатки общественной жизни. Появилась вновь тѣсная спайка, личное стало растворяться въ мощномъ сознанiи единаго коллектива и этотъ

коллективъ опять таки воплощался въ одномъ дорогомъ и любимомъ лицѣ. . .

Армія жила, но надъ ней уже скоплялись тучи. . .

Въ декабрѣ 1920 года французское командованіе снова попыталось наложить руку на армію введеніемъ особыхъ командующихъ лагерями, каковыя обязанности возлагались на французскихъ офицеровъ; затѣмъ была попытка отобрать оружіе, но личныя свиданія Главнокомандующаго съ командующимъ оккупаціоннымъ корпусомъ — дѣлали то, что приказы начальника штаба Шарпи объяснялись недоразумѣніемъ и отмѣнялись. . .

Къ этому времени во Франціи произошла смѣна кабинета и во главѣ правительства сталъ Бріанъ, находившійся подъ замѣтнымъ вліяніемъ британскаго премьера Ллойдъ Джорджа. Правда, въ своей первой деклараціи, Бріанъ съ парламентской трибуны, впервые съ начала русской революціи, призналъ заслуги Русской арміи въ міровой войнѣ, но это не помѣшало новому министерству принять въ отношеніи остатковъ этой же арміи такія мѣры, которыя не вязались съ чувствомъ благодарности за помощь, оказанную Россіей для спасенія Парижа. Французская политика равнялась по Ллойдъ Джорджу, а послѣдній не могъ заключить съ большевиками никакихъ торговыхъ сдѣлокъ, пока Русская армія находилась на берегахъ Босфора. . .

Въ Январѣ 1921 г. уѣхалъ изъ Константинополя другъ русскихъ — командующій оккупаціоннымъ корпусомъ генералъ Норталь де Бургонь и его смѣнилъ педантичный ген. Шарпи. Уже 14 января имъ былъ изданъ секретный приказъ, вполнѣ характеризовавшій то направленіе, въ которомъ онъ былъ намѣренъ вести русскія дѣла.

Главная задача, по словамъ приказа, сводилась къ скорѣйшей эвакуаціи на постоянное жительство русскихъ бѣженцевъ, какъ военныхъ такъ и гражданскихъ, причемъ комендантамъ лагерей указывалось, что принятіе и проведеніе этой эвакуаціи должно быть выполнено такъ, чтобы сохранять видимость не

противодѣйствія распоряженіямъ русскаго командованія, которое, по словамъ приказа, имѣетъ намѣреніе задержать русскихъ въ рядахъ арміи «путемъ убѣжденій, интригъ и даже насилій». Это наружное не противодѣйствіе русскому командованію признавалось необходимымъ для того, чтобы русское командованіе внѣшне сохранило извѣстный авторитетъ, для поддержанія дисциплины и порядка необходимыхъ французамъ. Съ другой стороны этотъ авторитетъ не долженъ былъ препятствовать дѣлу эвакуаціи бѣженцевъ. Этотъ приказъ и легъ въ основу той политики, которая начала проводиться для подтачиванія и развала Русской арміи.

По поводу этого приказа на совѣщаніи съ представителями Константинопольскаго парламентскаго комитета ген. Врангель между прочимъ говорилъ:

«Я ушелъ изъ Крыма съ твердой надеждой, что мы не будемъ протягивать руку за подаяніямъ, а получимъ помощь отъ Франціи, какъ должное за кровь, пролитую на войнѣ, за нашу вѣрность общему дѣлу спасенія Европы. Правительство Франціи приняло другое рѣшеніе. . . И я принимаю мѣры, чтобы перевезти наши войска въ славянскія земли, гдѣ они встрѣтятъ братскій пріемъ. . . Я не могу допустить роспуска арміи, но никакихъ насильственныхъ мѣръ для задержанія людей въ лагеряхъ не принимаю. . . Я не хочу, чтобы люди уходили изъ арміи, проклиная все прошлое, съ чувствомъ досады и раздраженія, но я хочу, чтобы они навсегда сохранили свою связь съ арміей, всегда чувствовали бы, что они принадлежатъ къ арміи и готовы войти въ ея ряды, какъ только явится возможность»...

Въ это время въ Константинополѣ появились большевицкіе «торговые» агенты, открывшіе подъ покровительствомъ англичанъ свои отдѣленія. Соблазнъ заработка и барышей сталъ охватывать и слабые элементы эмиграціи; появились случаи моральной болѣзни — потери границъ честнаго и безчестнаго. Началась пропаганда возвращенія на родину, причемъ пропагандисты при помощи французовъ и англичанъ стали проникать и въ лагери.

Въ Январѣ 1921 г. французы, безъ вѣдома Главнокомандующаго, рѣшили переселить Донской корпусъ изъ лагеря въ Чаталджѣ на о. Лемносъ, несмотря на то, что казаки уже обжились на мѣстѣ и обставили свое убогое житье въ землянкахъ болѣе или менѣе сносно. Это рѣшеніе совпало съ объявленіемъ о томъ, что съ 1-го Февраля французы прекращаютъ выдачу пайка, причемъ казакамъ таковой даже не выдавался въ теченіи нѣсколькихъ дней. Несмотря на протесты Главнокомандующаго, ген. Шарпи настаивалъ на выполненіи приказа. Въ лагерѣ на Чаталджѣ дошло дѣло даже до небольшого вооруженнаго столкновенія казаковъ съ чернокожими французскими солдатами, окончившагося не въ пользу послѣднихъ. . . И лишь тогда, когда французы обратились за содѣйствіемъ къ ген. Врангелю, казаки, по его приказу, въ полномъ порядкѣ, немедленно же переселились на о. Лемносъ. Тѣмъ не менѣе французы воспользовались этимъ переѣздомъ, чтобы распропагандировать часть людей и отправить около 1500 гражданскихъ бѣженцевъ, и столько же казаковъ въ Совѣтскую Россію, гдѣ они были приняты, совсѣмъ не такъ радушно, какъ обѣщали французы. Чека въ Новороссійскѣ заработала. . .

Въ февралѣ того же года штабъ французскаго оккупаціоннаго корпуса довелъ до свѣдѣнія Главнокомандующаго и широко распространилъ по лагерямъ сообщеніе о желаніи штата Санъ-Паоло въ Бразиліи, якобы принять до 10.000 — русскихъ переселенцевъ, коимъ обѣщались средства на переѣздъ, земли для колонизаціи и авансы для начала работъ. Въ дальнѣйшемъ штатъ С. Паоло высказывалъ готовность принять и вторую партію такой же численности. Въ это же время въ лагеряхъ были распространены французскимъ командованіемъ объявленія о записи желающихъ вернуться въ Совѣтскую Россію и о полученныхъ будто бы французами гарантіяхъ личной безопасности для возвращенцевъ, причемъ опять таки напоминалось о ближайшемъ прекращеніи выдачи пайка. . .

И то, и другое сообщеніе — и о колонизаціи въ Бразилію, и о гарантіи безопасности въ совѣтскомъ раю — оказались

лживыми. Въ Бразиліи русскихъ ожидала кабала у кофейнаго плантатора, а въ Сов. Россіи — расправа въ Чека, какъ это было и съ первой партіей. . .

Въ началѣ марта Верховный комиссаръ Франціи поставилъ Главнокомандующаго въ извѣстность о рѣшеніи французскаго правительства отправить въ Сов. Россію новую партію русскихъ бѣженцевъ въ 3.000 чел. и о необходимости ускорить эвакуацію русскихъ изъ лагерей, при чемъ опять таки сообщалось о рѣшеніи въ ближайшіе же дни прекратить матеріальную поддержку русскихъ.

14 марта, смѣнившій г. де Франса — новый Верховный комиссаръ Франціи генералъ Пелле сообщилъ Главнокомандующему о полученномъ имъ отъ своего правительства телеграфномъ распоряженіи безотлагательно отправить въ Одессу новую партію бѣженцевъ и предупредить русскихъ, что имъ предлагается: 1) вернуться въ Россію, 2) эмигрировать въ Бразилію и 3) выбрать себѣ работу, которая могла бы обезпечить имъ существованіе. При этомъ еще и еще разъ напоминалось о прекращеніи выдачи пайковъ въ ближайшее же время.

Такимъ образомъ десяткамъ тысячъ русскихъ *по телеграфу* ставилось требованіе: ѣхать въ Бразилію, на правахъ рабовъ въ рукахъ плантаторовъ, возвращаться въ Россію во власть Чека или — умирать съ голода въ лагеряхъ и на мостовыхъ Константинополя. Такое отношеніе французовъ вызвало всеобщее глубокое возмущеніе.

«Если французское правительство настаиваетъ на уничтоженіи Русской арміи въ такомъ порядкѣ», заявилъ генералъ Врангель генералу Пелле, «то единственный выходъ — перевезти всю Армію съ оружіемъ въ рукахъ на русское побережье Чернаго моря, чтобы она могла, по крайней мѣрѣ, погибнуть съ честью».

Зная и видя безграничную преданость арміи своему Главнокомандующему французы, правда вполнѣ основательно, видѣли въ генералѣ Врангелѣ главное препятствіе къ осуществленію ихъ плановъ и стали принимать мѣры, чтобы изолировать

его отъ арміи; запрещали разсылку приказовъ Главнокомандующаго къ войскамъ, мѣшали его поѣздкамъ по военнымъ лагерямъ, не выпускали ни генерала Врангеля, ни его начальника штаба генерала Шатилова изъ Константинополя и, наконецъ, предложили ему, для выясненія дальнѣйшей судьбы арміи — выѣхать въ Парижъ для переговоровъ на мѣстѣ съ французскимъ правительствомъ о судьбѣ арміи. Главнокомандующій отвѣтилъ на эти предложенія согласіемъ, но при условіи, чтобы до его возвращенія никакихъ мѣръ въ отношеніи арміи не принималось, и чтобы ему были даны полныя гарантіи свободнаго обратнаго проѣзда въ Константинополь. Генералъ Пелле, конечно, такихъ гарантій дать не могъ и заявилъ, что «разсредоточеніе арміи является настолько необходимымъ, что не терпитъ никакой отсрочки».

Наступили тревожные дни. Ходили слухи, что французскіе власти намѣрены арестовать генерала Врангеля. Войска заволновались, готовыя съ оружіемъ въ рукахъ двинуться на Константинополь, въ случаѣ какого либо насилія надъ Главнокомандующимъ... 22 марта, въ годовщину дня принятія Главнаго Командованія Русской арміей, генералъ Врангель обратился къ своимъ соратникамъ съ приказомъ, въ которомъ писалъ: «Нынѣ новыя тучи нависли надъ нами... Съ непоколебимой вѣрой, какъ годъ тому назадъ, я обѣщаю вамъ съ честью выйти изъ новыхъ испытаній. Всѣ силы ума и воли я отдаю на службу арміи. Офицеры и солдаты, армейскій и казачьи корпуса мнѣ одинаково дороги. Какъ въ тяжелые дни оставленія родной земли, никто не будетъ оставленъ безъ помощи. Въ первую очередь она будетъ подана наиболѣе нуждающимся. Какъ годъ тому назадъ, я призываю васъ крѣпко сплотиться вокругъ меня, памятуя, что въ единеніи сила наша».

Въ концѣ марта французскій комендантъ о. Лемноса, исполняя приказаніе командира оккупаціоннаго корпуса, потребовалъ, чтобы немедленно былъ данъ отвѣтъ, какой изъ трехъ выходовъ изъ ихъ положенія выбирается русскими: Бразилія, Сов. Россія или распыленіе. Въ лагери были посланы француз-

79

скіе офицеры съ командами и было заявлено, что тѣ, кто будетъ пытаться посягнуть на свободу рѣшенія, будутъ отвѣчать передъ французской властью.

Навербованные въ такомъ порядкѣ 3.000 человѣкъ должны были немедленно собраться для отправки въ Одессу. Вербовка сопровождалась грубыми сценами. На лагерь были наведены пушки французскихъ миноносцевъ, русскіе офицеры подвергались оскорбленіямъ. Французскія команды прикладами отгоняли ихъ отъ солдатъ, боясь, что послѣдніе поддадутся уговорамъ своихъ офицеровъ. Многіе казаки были насильно посажены на пароходы и бросались съ бортовъ въ море, чтобы вплавь достигнуть берега и не быть отправленными въ Совдепію подъ большевицкій разстрѣлъ. . .

Съ другой стороны проявилось чрезвычайное возбужденіе и въ средѣ казаковъ, оскорбленныхъ пропагандой и отношеніемъ французовъ къ ихъ офицерскому составу. И лишь авторитетъ ген. Врангеля—огромныя его усилія и тактъ командующаго корпусомъ генерала Абрамова смогли удержать казаковъ отъ рѣзкихъ выступленій.

Глубокое волненіе охватило всѣ русскіе національные круги Константинополя. Представители всѣхъ общественныхъ организацій собрались на совѣщаніе, созванное Главнокомандующимъ. Было рѣшено немедленно обратиться съ протестомъ ко всѣмъ Верховнымъ комиссарамъ въ Константинополѣ, къ Французскому правительству, къ парламентамъ всѣхъ странъ и къ Лигѣ Націй — съ протестомъ, а къ братскимъ народамъ сербскому и болгарскому — съ новой просьбой дать въ ихъ земляхъ пріютъ Русской арміи и бѣженцамъ. . .

Въ ближайшіе же дни въ Болгарію и Сербію были посланы генералъ Шатиловъ и общественные дѣятели Н. Н. Львовъ и А. С. Хрипуновъ, причемъ на нихъ была возложена обязанность добиться скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о переселеніи арміи въ Славянскія земли. . . Кромѣ того генералъ Врангель обратился съ письмами къ генералу Пелле и къ маршаламъ Франціи.

Въ своемъ письмѣ къ генералу Пелле генералъ Врангель обрисовалъ яркими красками картину дѣйствій представителей французскаго командованія на Лемносѣ, принятыя ими мѣры для разложенія арміи, указалъ на то, что ожидаетъ возвращенцевъ на родинѣ, и въ заключеніе сказалъ, что все это «вызываетъ чувства возмущенія, горечи и опасенія за будущее, среди серьезныхъ людей, патріотовъ и друзей Франціи»... Онъ говорилъ, что «истинная роль Франціи въ истекшей великой борьбѣ, для рядового офицерства и солдатъ не будетъ столь ясной, какъ жгучее чувство негодованія и обиды при видѣ жестокой расправы послѣднихъ дней — такой непонятной перемѣны послѣ первыхъ мѣсяцевъ рыцарскаго гостепріимства». Въ обращеніи къ маршаламъ Франціи, генералъ Врангель выразилъ, что онъ не допускаетъ и мысли, чтобы инструкціи о пріемахъ пропаганды и разложенія, имѣвшихъ мѣсто на Лемносѣ, были даны правительствомъ Франціи; указывая на то, что имъ уже приняты мѣры къ сокращенію числа находящихся на французскомъ пайкѣ людей, генералъ Врангель писалъ, что всѣ истинные друзья Франціи съ глубокой грустью взираютъ на настоящее, видя въ немъ угрозу будущему...

Въ обращеніи къ Лигѣ Націй и парламентамъ всѣхъ народовъ генералъ Врангель указывалъ на тѣ причины, которыя заставляютъ его предостерегать своихъ соотечественниковъ отъ возвращенія въ Россію и отъ эмигрированія въ Бразилію.

Подчеркнувъ, что Франція, сама жестоко пострадавшая отъ міровой войны и еще до сихъ поръ не оправившаяся, одна несетъ тяжелое бремя поддержанія военныхъ и гражданскихъ эмигрантовъ изъ Крыма, генералъ Врангель горячо взывалъ ко всему цивилизованному міру о томъ, чтобы тѣмъ, «кто въ своей безграничной преданности Отечеству и его освобожденію безъ конца проливали свою кровь, тѣмъ, которые возстали и получили первые удары большевизма въ интересахъ всей Европы, тѣмъ, кто остался вѣренъ до конца своимъ союзникамъ, — была бы оказана помощь».

Обращенія генерала Врангеля встрѣтили живой откликъ

во многихъ кругахъ Франціи. Въ парижской печати появились статьи, осуждающія политику правительства въ отношеніи Русской арміи: «Мы не можемъ пройти мимо трагедіи нашихъ союзниковъ и не поднять голоса противъ мѣръ насилія, коимъ подвергаются тѣ, кто сражался подъ знаменами, признанными Франціей», писала одна газета. . .

Генералъ Пелле однако не сразу сдалъ свою позицію. Въ апрѣлѣ въ парижскихъ газетахъ появилось сообщеніе, пытавшееся тенденціозно освѣтить происшедшія событія въ лагеряхъ, и объяснить мѣры, побуждавшія русскихъ эмигрантовъ ѣхать въ Сов. Россію, или въ Бразилію — чувствомъ гуманности. . . «наши международныя отношенія», — говорилось въ сообщеніи, — «заставляютъ насъ вывести эвакуированныхъ изъ Крыма людей изъ подчиненія генералу Врангелю и его штабу, подчиненія, неодобряемаго, впрочемъ, всѣми серьезными и здравомыслящими кругами». . . «Всѣ русскіе, находящіеся въ лагеряхъ, должны знать, что армія генерала Врангеля не существуетъ, что ихъ прежніе командиры не могутъ болѣе отдавать приказаній, что рѣшенія ихъ ни отъ кого не зависятъ и что ихъ снабженіе въ лагеряхъ болѣе продолжаться не можетъ».

Странно было слышать о «чувствахъ гуманности», когда полуголодный, скудный паекъ постоянно сокращался, и когда людей готовы были отправить на вѣрную смерть въ Совѣтскую Россію.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе генералъ Врангель писалъ генералу Пелле: «Армія, проливавшая въ теченіи шести лѣтъ потоки крови за общее съ Франціей дѣло не есть армія генерала Врангеля, какъ угодно называть ее французскому сообщенію, а *Русская армія*, если только французское правительство не готово признать Русской арміей ту, вожди, которой подписали Брестъ-Литовскій миръ.

Желаніе французскаго правительства, чтобы «армія генерала Врангеля» не существовала и чтобы «русскіе въ лагеряхъ» не выполняли приказаній своихъ начальниковъ, отнюдь не можетъ быть обязательнымъ для «русскихъ въ лагеряхъ». Пока

лагери существуютъ, русскіе офицеры и солдаты едва ли согласятся, въ угоду французскому правительству, измѣнить своимъ знаменамъ и своимъ начальникамъ.

* *
*

Сохраняя армію отъ распыленія, протестуя противъ перевозки отдѣльныхъ группъ и лицъ, безъ плана и подготовки, на неизвѣстныя условія въ Бразилію, оберегая «возвращенцевъ» отъ пропаганды отъѣзда въ Сов. Россію, Главнокомандующій еще въ декабрѣ 1920 года началъ переговоры съ Сербіей и Болгаріей, гдѣ уже было размѣщено достаточное количество гражданскихъ бѣженцевъ, а также съ Чехословакіей, Греціей, Венгріей о принятіи военныхъ и гражданскихъ бѣженцевъ и съ Японіей — объ отправкѣ уроженцевъ Сибири на Дальній Востокъ въ распоряженіе Дальне-восточнаго правительства.

Въ Чехіи, несмотря на горячую поддержку вѣрнаго друга русскихъ д-ра Крамаржа и благопріятное общественное мнѣніе, — вопросъ о принятіи арміи и гражданскихъ бѣженцевъ встрѣтилъ затрудненія и большія осложненія въ виду отсутствія кредитовъ. Въ Грецію, при всемъ сочувствіи короля эллиновъ, также невозможно было перевести армію вслѣдствіи начавшейся войны съ кемалистами. Японія, въ принципѣ, благопріятно отнеслась къ перевозкѣ части контингентовъ на Дальній Востокъ, но считала, что это можетъ быть выполнено лишь общими усиліями великихъ державъ, а затѣмъ и вовсе отказала. . .

Венгерское правительство, само только что пережившее большевистскую опасность, отнеслось къ просьбѣ генерала Врангеля весьма внимательно и готово было принять большое число чиновъ арміи, солдатъ и офицеровъ, но конференція дипломатическихъ представителей союзныхъ державъ въ Венгріи взглянула на это иначе и не дала своего разрѣшенія, на томъ основаніи, что разселеніе въ Венгріи русскихъ контингентовъ *«могло бы ускорить безпорядки и облегчить антибольшевиц-*

кія интриги, противныя истиннымъ интересамъ Венгріи и всего цивиливованнаго міра», какъ писалъ о томъ предсѣдатель конференціи Итальянскій представитель, принцъ Кастаньетто, русскому военному представителю въ Венгріи полковнику фонъ-Лампе.

Такимъ образомъ, большевизмъ былъ принятъ подъ высокую руку г.г. дипломатическихъ представителей и борьба съ нимъ, — признана противной интересамъ и Венгріи, только что жестоко пострадавшей отъ него, и всего цивилизованнаго міра. . . Однако на пріемъ 1000 человѣкъ Венгерское правительство все же согласіе дало.

Переговоры съ Болгаріей и Сербіей, и тамъ уже перегруженныхъ разселеніемъ гражданскихъ бѣженцевъ, при далеко не блестящемъ финансовомъ положеніи этихъ странъ, особенно Болгаріи, — сначала шли очень туго. Но, наконецъ, послѣ того, какъ общими усиліями Главнокомандующаго, образованнаго имъ въ Константинополѣ Русскаго Совѣта и русскихъ общественныхъ организацій въ Константинополѣ, Сербіи и Болгаріи — были получены отъ Совѣщанія пословъ въ Парижѣ необходимыя средства, вопросъ о принятіи нашихъ контингентовъ Болгаріей и Сербіей былъ рѣшенъ положительно, и въ концѣ апрѣля 1921 г. генералъ Шатиловъ привезъ радостное извѣстіе о томъ, что Сербія принимаетъ къ себѣ 7.000 человѣкъ и Болгарія 9.000. Это, конечно, не было полнымъ разрѣшеніемъ вопроса, но во всякомъ случаѣ это былъ первый шагъ къ разселенію арміи, за которымъ въ непродолжительномъ времени послѣдовали и другіе.

Верховный комиссаръ Франціи въ Константинополѣ генералъ Пелле рѣшилъ наконецъ нѣсколько смягчить свою политику въ отношеніи Русской арміи. Комендантъ Лемноса былъ удаленъ, пайки, хотя и значительно сокращенные, были сохранены до вывоза послѣдняго русскаго солдата изъ Лемноса и Галлиполи.

Къ концу 1921 года — усилія Главнокомандующаго по вывозу арміи въ славянскія земли были закончены, если не счи-

тать 2.000 чел., остававшихся въ Галлиполи подъ командой ген. Мартынова. (Постепенно ихъ число уменьшалось благодаря частнымъ отправкамъ). Наконецъ, 5 мая (ст. ст.) 1923 года послѣдній воинъ Русской арміи покинулъ Галлиполи. Русскій флагъ, въ теченіи двухъ съ половиной лѣтъ развѣвавшійся на чужой, но сдѣлавшейся всѣмъ близкой территоріи, былъ спущенъ съ соблюденіемъ воинскихъ почестей, и на бывшемъ Голомъ Полѣ-свидѣтелѣ страданій Русской арміи — остался стражемъ русскихъ могилъ — величественный памятникъ, сооруженный трудами русскихъ воиновъ, до конца оставшихся вѣрными своему долгу и своему Главнокомандующему.

Страница пребыванія Русской арміи на Босфорѣ у стѣнъ Царьграда перевернулась. Открылись новыя страницы.

Русская армія стала жить при новыхъ условіяхъ, на новыхъ мѣстахъ, уже не сосредоточенная какъ раньше, но все же не нарушившая ни своей цѣльности, ни своей спайки, ни своего единенія съ Главнокомандующимъ, который и въ послѣдующіе годы много разъ и своимъ авторитетомъ и своей волей оберегалъ родную армію отъ тѣхъ, кто хотѣлъ сдѣлать ее партійнымъ орудіемъ, — игрушкой въ рукахъ личныхъ честолюбій. . .

Я. Репнинскій.

82

2.

Югославія.

«И неужель твой вѣтеръ свѣжій
Вотще намъ въ уши сладко вылъ,
Къ Руси славянской, печенѣжьей,
Вотще твой Рюрикъ приходилъ?»
Гумилевъ. «Швеція».

Черезъ десять лѣтъ послѣ кончины ген. Врангеля, уже потерялась острота многихъ споровъ, которые въ свое время казались столь животрепещущими. Все течетъ, все измѣняется. Надъ эпохой, еще такой близкой по времени, почти на нашихъ глазахъ образуется налетъ исторіи.

Но этотъ налетъ исторіи не коснулся образа самого Главнокомандующаго. Онъ, какъ живой, встаетъ въ воспоминаніяхъ. Здѣсь, въ Бѣлградѣ, кажется порою, что появится его высокая фигура на одной изъ улицъ, что раздастся его голосъ на какомъ нибудь офицерскомъ собраніи, что почувствуется тотъ неизъяснимый токъ силы и власти, который заставлялъ одновременно трепетать и радоваться. . .

Не коснулся налетъ исторіи и еще одной стороны, связанной съ нимъ: это область его основныхъ идей. Съ необыкновенной отчетливостью выявляется, что эти идеи прозрѣвали буду-

щее. Созданный имъ Русскій Обще-Воинскій союзъ живетъ и будетъ жить. Съ тѣхъ поръ онъ претерпѣлъ много ударовъ, жестокихъ и, казалось, непереносимыхъ; но ни одинъ изъ нихъ не оказался фатальнымъ.

* *
*

Періодъ пребыванія Врангеля въ Югославіи совпадаетъ съ временемъ ожесточенной борьбы вокругъ Русской арміи.

Это было въ тѣ дни, когда не только Версальскій миръ казался вѣчнымъ, но и принципы, на которыхъ былъ построенъ новый міръ, казались окончательно побѣдившими: это было торжество демократіи. Для всякаго «здраваго политика» было «ясно», что нѣсколько уцѣлѣвшихъ европейскихъ троновъ — это послѣдніе остатки прошлаго, которые можетъ быть и просуществуютъ нѣкоторое время; но самъ побѣдоносный принципъ будетъ шириться, одерживать новыя побѣды и захватывать новыя области.

Въ такой обстановкѣ лѣвыя русскія теченія пріобрѣтали особый вѣсъ и даже реальную силу. Для этихъ круговъ самъ Врангель, хотя и прислушивавшійся къ голосу общественныхъ круговъ, но никогда не позволявшій имъ добиться командной высоты, былъ силой реакціонной: этимъ было сказано все. Для этихъ круговъ первой задачей было «освобожденіе арміи отъ Врангеля» и превращеніе ее въ чисто профессіональную и бытовую огранизацію: а такъ какъ «военное дѣло», какъ профессія, уже нигдѣ не могло быть примѣнено, то слѣдующимъ этапомъ являлось-бы превращеніе этой организаціи въ простые рабочіе союзы.

Но въ это же время Врангель столкнулся съ другой силой: это была сила монархическаго романтизма. Въ эту эпоху «монархическіе романтики» были не въ модѣ. Они не могли имѣть реальнаго значенія въ общей политической конъюнктурѣ. Но

83

для дѣла Врангеля они пріобрѣтали большой и почти роковой смыслъ.

Сама Русская армія была романтичной; она родилась къ тому-же не въ огнѣ гражданской войны. Ея родословная идетъ дальше. Она впитала въ себя традиціи Императорской арміи, вышла изъ нея, взяла на себя миссію не только борьбы съ большевиками, но борьбы за Россійское государство.

Бѣлградъ, куда попалъ Врангель, былъ средоточіемъ этого монархическаго романтизма. Если Рейхенгальскій съѣздъ и Высшій монархическій совѣтъ, находившійся въ то время въ Берлинѣ, организаціонно оформили это теченіе, то главнымъ пунктомъ дѣятельнаго, непосредственнаго и особо активнаго монархизма оказался Бѣлградъ и Югославія. Карловацкій соборъ, еще до прибытія Главнокомандующаго въ Югославію, далъ первый выходъ этому настроенію, а прибытіе Врангеля въ Бѣлградъ превратилось въ яркую манифестацію монархической мысли.

На эти домогательства Врангель отвѣтилъ: «Я принялъ то знамя, которое въ минуту развала Россіи впервые поднялъ генералъ Корниловъ и на которомъ начертано одно слово: «Отечество». Я скорѣе сожгу это знамя, чѣмъ измѣню начертанное на немъ священное слово».

* *
*

Всѣмъ этимъ теченіямъ Врангель противополагаетъ свое собственное пониманіе политической обстановки и свое собственное пониманіе задачъ Русской арміи.

Въ эту эпоху торжествующей демократіи, Врангель не вѣрилъ въ ея настоящее торжество. Слово «фашизмъ» еще не было произнесено, но несомнѣнно, что онъ первый понялъ смыслъ этого еще не рожденнаго слова. Правда, онъ еще не видѣлъ новой экономической структуры, «корпоративнаго нача-

ла» и другихъ деталей современныхъ диктатуръ; онъ представлялъ себѣ будущую Россію монархіей, но обязательно съ проведеніемъ широкихъ соціальныхъ реформъ. Мнѣ даже думается, что вопросъ о политической формѣ этой монархіи, о представительныхъ учрежденіяхъ и пр. совсѣмъ тускнѣлъ у него передъ задачами соціальнаго устройства.

Не вѣрилъ онъ и въ магическое значеніе слова «царь». Въ то время, какъ монархическіе романтики представляли себѣ современную Россію уже созрѣвшей для монархіи, Врангель понималъ, что предстоитъ долгій путь, пока эта идея — а еще больше чувство — могутъ охватить широкія русскія массы. «Нельзя профанировать это слово», — говорилъ онъ не разъ. «Царь долженъ явиться тогда, когда съ большевиками не только будетъ покончено, но когда уляжется та кровавая борьба, которая предстоитъ при ихъ сверженіи. Царь не только долженъ въѣхать въ Москву «на бѣломъ конѣ»: на немъ самомъ не должно быть крови гражданской войны — и онъ долженъ явиться символомъ примиренія и высшей милости».

Вотъ почему Главнокомандующій былъ противникомъ оффиціальнаго монархизма. «Я знаю массы, особенно военныя. Монархическая пропаганда не можетъ остаться теоретической: завтра эти массы потребуютъ себѣ царя. . . Но «царь» въ эмиграціи? . . Безъ силы и власти? . . Развѣ это не тягчайшій ударъ по дѣлу монархіи?» . .

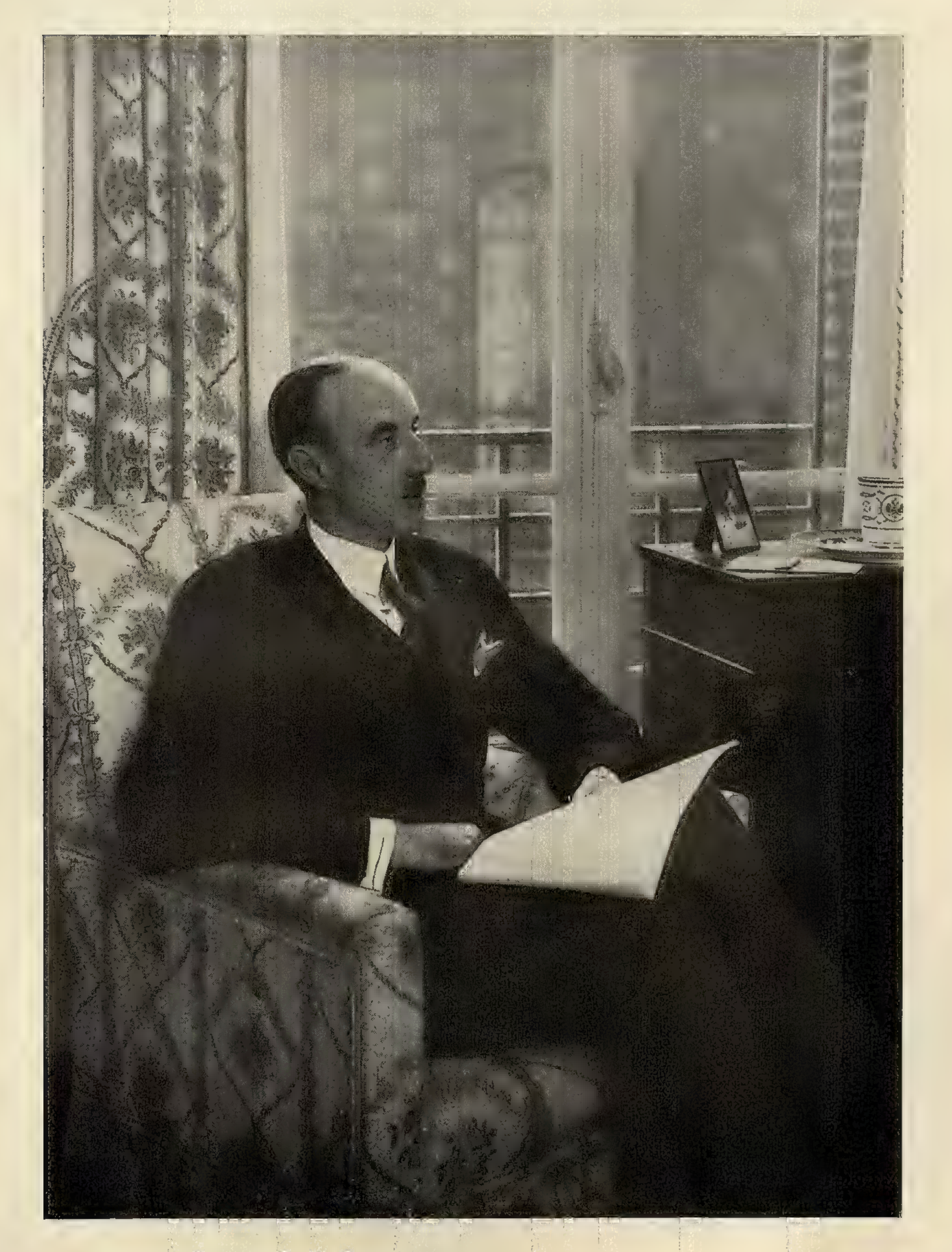
Въ этомъ его враги справа видѣли «скрытый бонопартизмъ».

* *
*

Врангель не вѣрилъ въ побѣдное шествіе «демократіи», Врангель не вѣрилъ въ магическую силу «Царя».

Но въ одно вѣрилъ Врангель всей силой своего прозорливаго духа: въ то, что міръ раскалывается на двѣ части, что коммунистическое зло сплотитъ наконецъ антибольшевицкія силы. «Русскій» по душѣ, онъ былъ «варягъ» по духу. Какъ

84



Генералъ Баронъ П. Н. Врангель.

Снято въ октябрѣ 1927 г. въ Парижѣ.

русскій, онъ понималъ всю глубину содѣяннаго въ Россіи зла; какъ варягъ, онъ не замыкалъ трагедіи Россіи за непроницаемую стѣну «чертополоха». Онъ былъ «европеецъ» въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — и никакіе верховные комиссары, тщетно старавшіеся распылить Русскую армію, никакіе парламентаріи, заигрывавшіе съ большевиками, не могли побѣдить въ немъ вѣры въ сопротивляемость европейской культуры.

Онъ не преуменьшалъ большевицкаго зла, которое представлялось ему гораздо страшнѣе и крупнѣе, чѣмъ зло только «русское». Большевизмъ въ Россіи былъ для него не какой нибудь «дифтеритный налетъ», который можно излечить «смазываніемъ»: это было проявленіе общей болѣзни на слабомъ мѣстѣ организма, и лѣчить эту болѣзнь можно только тогда, когда найдется серумъ не противъ налета, но противъ дифтерита.

Вотъ почему ему были смѣшны утвержденія однихъ, что «большевизмъ не для Европы» и почему онъ былъ такъ далекъ отъ мысли другихъ, что большевизмъ можетъ пасть отъ заклинаній, — все равно, демократическихъ, или монархическихъ. Онъ зналъ, что «дифтеритный налетъ» не ограничится Москвой и Россіей, что систематически и планомѣрно онъ будетъ дѣлать вылазки въ Европу. Но въ то время, какъ нѣкоторые считали Европу обреченной, онъ вѣрилъ, что образуется гдѣ-то центръ отпора — и что этому отпору суждено побѣдить.

Можно было-бы привести много примѣровъ, какъ Врангель, и въ рѣчахъ, и въ приказахъ, выражалъ съ полной отчетливостью эту мысль. Можетъ быть наиболѣе отчетливо выявлено это въ его предисловіи къ нѣмецкому изданію моей книги: «Годы». Тамъ Врангель писалъ:

«Кажется, теперь начинаютъ открываться глаза и у народовъ Европы. Они начинаютъ понимать опасность отъ Интернаціонала, который пользуется всѣми средствами одной изъ богатѣйшихъ странъ, чтобы вести во всемъ мірѣ свою агитаціонную разрушительную работу.

Тѣ страны, которыя большевизмомъ пользуются для сведенія своихъ счетовъ съ другими государствами, не могутъ отрѣшиться отъ мысли, что въ одинъ прекрасный день это оружіе сможетъ быть обращено противъ ихъ самихъ.

При видѣ этой общей опасности, народы Европы должны путемъ взаимнаго сговора найти общій языкъ и противопоставить красному злу свои объединенныя силы. Въ этотъ день разорвутся и исчезнутъ кровавыя тучи и прекратятся раскаты грома, рожденнаго міровой войной».

* *
*

Изъ этого пониманія вытекалъ и взглядъ Врангеля на Русскую армію. Она должна быть сохранена, но не какъ профессіональный рабочій союзъ, или биржа труда по прісканію занятій. Она не можетъ быть и политической партіей. Политическая партія предполагаетъ свободную борьбу внутри организаціи, соревнованіе съ другими партіями, примѣненіе своей программы къ условіямъ сегодняшняго дня. Русская армія должна быть организаціей другого типа. Она должна быть проникнута государственнымъ сознаніемъ и подлиннымъ непріятіемъ большевизма. Въ своей внутренней структурѣ она должна опираться не на борьбу, но на авторитетъ, не на свободу, но на добровольную дисциплину, должна искать не новыхъ путей, но углублять и культивировать традицію. Только такая организація будетъ имѣть силу въ тотъ день, когда «придутъ сроки», только такая организація будетъ въ этотъ день полезна Россіи.

Невѣроятныя трудности стояли передъ Врангелемъ при выполненіи этой задачи. Надо было сперва сохранить остатки борцовъ чисто физически. Разселеніе арміи по балканскимъ странамъ — это подлинное чудо, совершенное его желѣзной волей. Но мало разселить: эта армія еще не стала на свои собственныя ноги. Надо изыскивать средства. Петроградская Ссудная казна, спасенная Русской арміей, находилась въ Юго-

славіи. Казалось, что это естественный и законный источникъ для использованія на нужды контингентовъ: расходы по ея содержанію шли исключительно за счетъ главнаго командованія, а задолженность кліентовъ Петроградской Ссудной казны превысила уже оцѣночную стоимость заложенныхъ вещей.

Врангель зналъ, какой шумъ подымется отъ этой операціи, прежде всего въ самихъ русскихъ кругахъ. Но надо было принять рѣшеніе. Несмотря на всю поднятую кампанію, Врангелю удалось продать «катаррскою серебро» (незначительную часть хранившихся въ казнѣ вещей) и освободившаяся сумма въ размѣрѣ около 37 милліоновъ динаръ пошла на нужды арміи. Часть имущества, которое безъ жертвъ Русской арміи осталось бы въ Россіи и пошло на большевицкую пропаганду, на первыхъ порахъ спасло положеніе.

Послѣ этого можно было подумать о планомѣрномъ разселеніи арміи на работы.

* *
*

Психологическая трудность «сохраненія арміи» была, быть можетъ, еще серьезнѣе матеріальныхъ препятствій.

Армія должна сохраниться, но она была осуждена на бездѣйствіе. На какой срокъ? Никто не могъ на это отвѣтить. При этомъ отъ арміи отнималась и иллюзія: въ одинъ прекрасный день назваться «Императорской» и надѣть вензеля Державнаго Главы.

Натискъ былъ слишкомъ великъ — и Врангель отступилъ, но не уступилъ.

Единодушія не было въ самой Царской семьѣ. Вдовствующая Императрица и Великій Князь Николай Николаевичъ находились въ рѣзкой оппозиціи къ Великому Князю Кириллу Владимировичу, «Блюстителю Императорскаго Престола». Для Врангеля оставался одинъ путь: связать армію съ членомъ Императорскаго Дома, вручивъ Великому Князю Николаю Нико-

лаевичу то корниловское знамя, на которомъ было написано одно слово: «Отечество».

Великій Князь Николай Николаевичъ весьма неохотно рѣшился на этотъ шагъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ шелъ не только объ арміи: отъ Великаго Князя ожидали возглавленія если не всей русской эмиграціи, то почти всего ея праваго и центральнаго сектора. Въ іюнѣ 1923 г. Великій Князь ставилъ условіемъ своего возглавленія «опредѣленное признаніе его руководства» отъ «всѣхъ крупнѣйшихъ существующихъ организацій, стоящихъ на національной точкѣ зрѣнія». Черезъ годъ, въ маѣ 1924 года, Великій Князь сказалъ: «стать во главѣ національнаго движенія я сочту возможнымъ только тогда, когда убѣждусь, что наступило время и возможность для принятія рѣшеній въ соотвѣтствіи съ чаяніями русскаго народа». Но 31 августа того-же года случилось новое событіе: послѣдовалъ манифестъ Великаго Князя Кирилла Владимировича «о восшествіи на престолъ» и рѣзкая отповѣдь со стороны Вдовствующей Императрицы и Великаго Князя Николая Николаевича. Расколъ въ Императорской Семьѣ сталъ явнымъ. Тогда Великій Князь Николай Николаевичъ рѣшилъ принять на себя возглавленіе арміей: это было 16 ноября 1924 года. *)

Какъ-же относился Врангель къ этому «возглавленію»? Теперь уже можно сказать, что это было сдѣлано безъ энтузіазма, въ силу сложившейся психологической обстановки.

Врангеля и Великаго Князя Николая Николаевича не раздѣляли политическія разногласія. «Мы не должны здѣсь, на чужбинѣ, предрѣшать за русскій народъ коренныхъ вопросовъ его государственнаго устройства», — сказалъ Великій Князь въ 1924 г. и повторялъ неоднократно по цѣлому ряду случаевъ. Тутъ не было и вопроса честолюбія, какъ было брошено одной изъ правыхъ русскихъ газетъ по адресу Врангеля: «это — многолѣтняя боязнь изъ лица опредѣлявшаго обратиться

*) Всѣ даты по новому стилю.

въ одно изъ звеньевъ подчиненія». Врангеля пугало другое: его пугалъ новый взрывъ надеждъ и неизбѣжное разочарованіе.

Если Врангель не вѣрилъ въ то, что «вся Россія ждетъ Царя» и что отъ его имени падетъ Іерихонъ, какъ когда-то палъ онъ отъ звука трубъ, то онъ не вѣрилъ и въ то, что «вся Россія ждетъ Великаго Князя» и что Верховный Главнокомандующій, возглавившій Русскую армію за рубежомъ, потрясетъ этимъ и сердца совѣтскихъ офицеровъ, когда-то сражавшихся подъ его командованіемъ. Онъ отчетливо понималъ и то, что для всякой «работы на дѣло спасенія Россіи» Великій Князь имѣетъ столько-же шансовъ, сколько и онъ самъ. Конечно, имя Великаго Князя, бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго союзной арміи, обязываетъ къ вниманію со стороны бывщихъ союзниковъ. Но пойдетъ-ли это вниманіе дальше обязательныхъ формъ оффиціальнаго протокола? Не родится-ли, наконецъ, вокругъ Великаго Князя совершенно естественное «средостѣніе», которое его именемъ будетъ направлять «работу» и будутъ-ли его совѣтники такъ-же близки той арміи, которую Врангель возсоздалъ, которую онъ организовалъ, которую онъ уберегъ?

Эти опасенія далеки отъ страха «стать однимъ изъ звеньевъ подчиненія». Наблюдая за нимъ въ эти дни, я наоборотъ восхищался его необычайному мужеству. Для меня было ясно, что въ ту эпоху самъ Врангель былъ безсиленъ что-либо сдѣлать. Но отъ него ожидали дѣйствій. Былъ удобный случай свалить отвѣтственность на другого, а самому занять почетное, но безотвѣтственное мѣсто. Возглавленіе Великаго Князя Николая Николаевича представлялось мнѣ не только политически и психологически неизбѣжнымъ, но счастливымъ обстоятельствомъ, спасавшимъ престижъ Врангеля въ глазахъ его соратниковъ.

Но Врангель объ этомъ думалъ меньше всего. Онъ боялся разочарованія, но не въ немъ лично, а въ принципѣ.

* *
*

Не вѣрилъ Врангель и въ «объединеніе русскихъ людей»: этому научила его жизнь.

Когда въ 1926 году собрался въ Парижѣ Зарубежный съѣздъ, онъ отдалъ приказъ, въ изъятіе приказа № 82, о разрѣшеніи чинамъ Русскаго Обще-Воинскаго союза принимать участіе въ съѣздѣ. Къ этому былъ рядъ основаній. Во первыхъ съѣздъ оффиціально предполагался «внѣпартійнымъ», объединяющимъ «національно-мыслящую эмиграцію». Во вторыхъ — этотъ съѣздъ долженъ былъ подвести широкую общественную базу подъ Великаго Князя Николая Николаевича: Верховный Главнокомандующій становился уже вождемъ эмиграціи.

Въ самый послѣдній моментъ я получилъ настойчивыя просьбы поѣхать въ Парижъ въ качествѣ делегата. Я пошелъ къ Врангелю за совѣтомъ.

— «Вы знаете», — сказалъ онъ, — «что я разрѣшилъ всѣмъ ѣхать на съѣздъ. Если вы меня спрашиваете, то значитъ спрашиваете Петра Николаевича. Какъ Петръ Николаевичъ скажу вамъ: не совѣтую. Изъ этого ничего не выйдетъ, кромѣ огорченій».

Я не поѣхалъ.

* *
*

Занимался-ли Врангель той «работой», которая стоила жизни генераламъ Кутепову и Миллеру?

Я этого не знаю. Знаю только, что у него было особое чутье, какой-то интуитивный даръ по разпознаванію провокаторовъ. Но что я доподлинно знаю, это то, что широкія массы, слѣпо ему довѣрявшія, можетъ быть и ждали отъ него какой-то «внѣшней линіи», но не видѣли въ этой «внѣшней линіи» единственнаго смысла его работы: Главнокомандующій долженъ бодрствовать, пользоваться всѣмъ, что идетъ ко благу русскаго дѣла, но никто не могъ и помыслить, что это русское дѣло

сводится единственно къ сношеніямъ съ совѣтскими людьми, а еще менѣе требовать отъ него такой работы.

Въ этомъ воспитывалъ Врангель своихъ подчиненныхъ. Армія — это резервуаръ высокаго духа, готовности къ жертвѣ «когда потребуютъ», величайшаго самопожертвованія и величайшаго терпѣнія. Армія — хранительница воинскихъ добродѣтелей и славныхъ традицій. Она противополагается всему совѣтскому, въ томъ числѣ и совѣтской арміи, хотя и состоящей изъ тѣхъ-же русскихъ людей. Сила ея не въ томъ, въ чемъ она похожа на совѣтскую, а въ томъ, чѣмъ она отъ нея отлична.

Вотъ почему онъ такъ рѣзко и опредѣленно всталъ противъ «евразійства»: въ немъ заговорилъ европеецъ и въ немъ заговорилъ человѣкъ, не терпящій компромиссовъ съ потусторонней Россіей. Онъ провидѣлъ въ этомъ первую попытку создать «духовный мостъ» съ той стороной и предчувствовалъ, что эта попытка кончится разоблаченіемъ совѣтскаго непосредственнаго участія.

Уже послѣ отъѣзда Врангеля въ Брюссель начали появляться слѣды новаго теченія, столь враждебные его духу. Появились «Письма оттуда» красныхъ командировъ, становилась популярна мысль, что «русская армія едина», стали модными иллюзіи, что совѣтскіе командиры, а можетъ быть и солдаты, ждутъ сверженія совѣтской власти и видятъ въ насъ естественныхъ союзниковъ. Стало моднымъ дѣлать намеки, что при извѣстныхъ условіяхъ «и Врангель и Буденный могли-бы сѣсть за однимъ столомъ».

Врангель энергично боролся съ этими дѣтскими утопіями. Онъ понималъ, что мы сильны нашей непримиримостью, а не нашимъ соглашательствомъ.

Весною 1928 года эти мысли о возможности контакта были высказано печатно однимъ изъ видныхъ русскихъ генераловъ. Я отвѣтилъ на это выступленіе статьей, которую озаглавилъ: «Братаніе». Я провелъ ту мысль, что борьба не кончена, что она продолжается въ другой формѣ и что призывъ «къ взаимному пониманію» есть повтореніе призыва къ братанію

на германскомъ фрнтѣ 1917 года. Черезъ нѣкоторое время я получилъ отъ Врангеля письмо. Оно было короткое, въ нѣсколько строкъ, написанное на пишущей машинкѣ, и лишь внизу, карандашомъ, стояла еле выведенная, и не похожая на обычную подпись: «П. Врангель». Въ письмѣ этомъ было написано:

«Третью недѣлю тяжко боленъ, послѣдніе дни наступило облегченіе. Не могу не написать вамъ спасибо за вашу прекрасную статью «Братаніе». Вы сказали какъ-разъ то, что надо было сказать. Обнимаю».

Дата стояла: 5 апрѣля 1928 года. Черезъ три недѣли его не стало.

* *
*

Мы подошли къ десятилѣтію его смерти.

Тяжелыя потрясенія недавнихъ дней показали, какъ дорого намъ его созданіе — Русскій Обще-Воинскій союзъ. Та свистопляска, которая разыгралась послѣ гибели ген. Миллера, только сильнѣе сплотила всѣхъ, оставшихся ему вѣрными.

Но эти-же событія показали, что во многомъ виновны мы сами, которые уклонились отъ начертанныхъ имъ путей.

Каждый годъ на его могилѣ въ бѣлградскомъ храмѣ совершается панихида. Молча смотрятъ на молящихся старыя императорскія знамена, около самой могилы примыкаютъ къ нимъ знамена славныхъ добровольческихъ частей, а надъ его прахомъ рѣетъ георгіевскій значекъ Главнокомандующаго и теплится трехцвѣтная лампада въ терновомъ вѣнцѣ. Казалось-бы, за эти десять лѣтъ эти панихиды могли войти въ обычай и собирать безучастную и равнодушную публику, отбывающую свою оффиціальную повинность.

Но этого нѣтъ. Въ этотъ день какъ-то иначе звучатъ панихидныя пѣснопѣнія, какъ-то проникновеннѣе раздается надгробное слово, какъ-то торжественно-взволнованны освѣщен-

ныя свѣчами лица. Что такое молитва? Есть-ли это только обращеніе къ Богу, чтобы Онъ успокоилъ «болярина и воина Петра» «въ мѣстѣ свѣтлѣ, мѣстѣ злачнѣ и мѣстѣ покойнѣ», или это есть мысленное соединеніе съ усопшимъ, жажда помощи отъ его безсмертнаго духа, надежда, что Господь «и насъ помилуетъ, яко благъ и человѣколюбецъ»?

Бѣлградская панихида въ день его смерти есть именно такая молитва. Она и поможетъ намъ стать на его путь.

В. Даватцъ.

3.

Русскій Обще-Воинскій Союзъ (РОВС).

Тотчасъ же по эвакуаціи Крыма, Врангель быстро учелъ, что положеніе Русской арміи за рубежемъ сдѣлаетъ ее руководящей частью эмиграціи и что участіе ея въ политической и общественной жизни русскаго зарубежья станетъ совершенно реальнымъ. Но, съ другой стороны, не зная еще какъ сложится международная обстановка и отдавая себѣ полный отчетъ, что зарубежная армія, какъ военная и политическая сила, останется цѣнной только въ условіяхъ сохраненія своего воинскаго уклада жизни и своей дисциплины, — онъ, за все время своего возглавленія арміи, а потомъ и созданнаго имъ Русскаго Обще-Воинскаго союза, не допускалъ чиновъ ихъ участвовать въ партійно-политической жизни эмиграціи. Между тѣмъ, сама по себѣ армія и РОВС представляли собой наиболѣе цѣнную за рубежемъ политическую силу. Единственнымъ, поэтому естественнымъ для него рѣшеніемъ было, пользуясь арміей и РОВС-омъ, какъ своей базой, и опираясь на свой личный авторитетъ, руководить политикой самому и одному.

До принятія Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ верховнаго возглавленія РОВС-омъ, генералъ Врангель являлся фактически центромъ наиболѣе широкой національной части эмиграціи. Внѣ его вліянія находились ему въ оппо-

90

зиціи и часто въ открытой враждѣ ея правый, партійно-монархическій и лѣвый республиканско-демократическій фланги.

Константинопольскій періодъ не представлялъ для Врангеля большихъ затрудненій для утвержденія въ національной части эмиграціи бѣлой политической доктрины, признанія за арміей и за нимъ самимъ руководящихъ позицій, и проведенія сознанія, что Русская армія за рубежемъ должна быть совершенно независима отъ всякихъ международныхъ оріентацій и можетъ базировать свою внѣшнюю политику только на Національную Россію.

Русскій совѣтъ въ Царьградѣ привлекъ представителей самаго широкаго круга русскаго зарубежья. Первыя затрудненія возникли у него съ Казачьими атаманами. Въ результатѣ долгихъ переговоровъ, они отказались войти въ Русскій совѣтъ. Атаманы считали, что они облечены прерогативами высшей власти въ своихъ краяхъ и что интересы казачьихъ войскъ не позволяютъ имъ признать, фактомъ своего вхожденія въ совѣтъ, высшую власть въ лицѣ Главнокомандующаго Русской арміей, бывшаго Правителя Юга Россіи. Они образовали Объединенный совѣтъ Дона, Кубани и Терека, какъ независимую федерацію трехъ наиболѣе крупныхъ казачьихъ краевъ и объявили, что казачьи части Русской арміи, имѣя прямое подчиненіе своимъ атаманамъ, лишь временно переданы въ строевое подчиненіе генералу Врангелю. Однако, находившіеся въ Константинополѣ Астраханскій и Уральскій атаманы въ эту федерацію не вошли, а войсковыя казачьи части, въ лицѣ своего командиаго состава, продолжая видѣть въ своихъ атаманахъ административныхъ возглавителей своихъ краевъ, сохранили полное подчиненіе своему Главнокомандующему и видѣли въ немъ высшій военный и политическій авторитетъ. Надо, при этомъ, отмѣтить, что и со стороны Врангеля, и со стороны атамановъ, были предприняты мѣры, чтобы возникшій конфликтъ не распространить на толщу строевыхъ частей. Однако, отношенія между обѣими сторонами были прерваны и Объединенный совѣтъ Дона, Кубани и Терека никогда арміей признанъ не былъ. А

руководители казачества, съ тѣхъ поръ, вели свою самостоятельную политику.

Размѣщеніе главной части арміи по Балканскимъ странамъ вызвали сопротивленіе нашего дипломатическаго представительства къ переѣзду въ Софію или Бѣлградъ Русскаго совѣта. Причинъ для этого было много. Съ одной стороны, это, по ихъ мнѣнію, могло затруднить переговоры по принятію частей арміи со стороны правительствъ заинтересованныхъ государствъ, съ другой же стороны, наши посланники, бывшіе въ то время признанными въ этихъ странахъ оффиціальными представителями антибольшевицской Россіи, не желали имѣть рядомъ съ собой русскую бѣлую организацію правительственной конструкціи, что могло вызвать вѣдомственныя тренія или же создать впечатлѣніе о непризнаніи за ними того единственнаго представительства, которое зарубежная Россія имѣетъ въ принимавшихъ армію странахъ для сношеній съ правительственными учрежденіями.

Не желая вносить осложненій въ этомъ вопросѣ и дабы облегчить усилія нашихъ посланниковъ по полученію согласія королевства С.Х.С. и Болгаріи на пріемъ нашихъ частей, генералъ Врангель, послѣ совѣщанія съ товарищами предсѣдателя Русскаго совѣта, передъ своимъ отъѣздомъ въ Бѣлградъ, предложилъ Русскому совѣту прекратить свою дѣятельность, что совѣтомъ и было принято.

Прибывши въ Бѣлградъ, Врангель вновь столкнулся съ вопросомъ объ осуществленіи политическаго руководства связанной съ арміей русской эмиграціи, которая попрежнему являлась наиболѣе широкой частью русскаго разсѣянія.

Въ этой борьбѣ Врангель вновь обрелъ положеніе центра Русской эмиграціи. Онъ не оставался одинокимъ. Къ нему прислушивались всѣ руководители національной части эмиграціи. Именно онъ находилъ для нея тѣ пути, по которымъ затѣмъ шла главная толща русскаго разсѣянія. Руководящее положеніе Врангеля среди нея было тѣмъ болѣе доминирующимъ, что въ національной части эмиграціи не создалось такихъ органи-

заций, которыя охватили бы своей сѣтью широкія массы. Было много выдающихся политическихъ дѣятелей, объединенныхъ въ совѣты, комитеты и правленія, но самихъ объединеній (организацій) почти не было. Это чаще всего были политическіе генералы, не имѣвшіе солдатъ. Только монархическія группировки сумѣли развить свою сѣть во многихъ странахъ, включая въ свой составъ и рядовую эмиграцію.

Успѣхъ политической дѣятельности Врангеля зависѣлъ не только отъ этихъ данныхъ. Исключительную роль играло его глубокое убѣжденіе въ своей политической правотѣ, что онъ умѣлъ передавать всѣмъ, кто къ нему прислушивался. Наконецъ, его политическая позиція въ его глазахъ имѣла свою политическую цѣльность и полноту. Фактически это была та Бѣлая идеологія, которая привлекла для борьбы съ большевизмомъ, за возрожденіе Національной Россіи, сотни тысячъ бойцовъ, которые, въ жертвенномъ порывѣ, заполняли мѣста своихъ погибшихъ соратниковъ. Сходить съ нея онъ не считалъ возможнымъ. Онъ не могъ согласиться съ возраженіями, что Бѣлая идеологія не имѣетъ необходимой политической базы, что она не имѣетъ внутренняго содержанія и что она имѣла свое значеніе только въ періодъ Гражданской борьбы, для объединенія разномыслящихъ политическихъ силъ, для борьбы противъ большевизма. Врангель считалъ Бѣлую идеологію имѣющей глубокія политическія основы и не развившей лишь своей соціальной базы, для чего въ періодъ Гражданской войны не было времени, а за рубежемъ не было возможности.

Въ бѣлой идеологіи Врангель видѣлъ антипода коммунизму и не раздѣлялъ точки зрѣнія, что политическое міросозерцаніе можетъ имѣть только два вида: — монархическое или же республиканское. Онъ видѣлъ, вѣрнѣе провидѣлъ, другое раздѣленіе политическихъ доктринъ, причемъ красной доктринѣ онъ не находитъ другого противупоставленія, какъ Бѣлую идеологію.

Тогда еще фашизмъ не достигъ своего законченнаго вида, тогда не было еще тоталитарнаго строя въ Германіи, тогда еще

нельзя было видѣть въ Бѣлой идеологіи прообраза фашизму, почему не всегда было легко отражать упреки въ томъ, что Бѣлая идеологія построена лишь на отрицательномъ признакѣ непримиримости къ большевизму.

Бѣлградскій періодъ связанъ съ реорганизаціей арміи въ Русскій Обще-Воинскій союзъ. Эта реформа сыграла исключительную роль въ жизни зарубежнаго русскаго воинства.

Не имѣя матерьяльной возможности продолжать содержаніе воинскихъ частей, Врангель далъ имъ такую организацію, при которой, обезпечивая свое существованіе собственнымъ трудомъ, войсковыя части сохранили бы воинскій духъ, дисциплину и установили бы такой укладъ жизни, который не вызывалъ бы затрудненій къ легализаціи ихъ иностранными властями.

Въ вопросѣ монархическихъ настроеній въ эмиграціи генералу Врангелю приходилось занять опредѣленную позицію. Онъ не считалъ возможнымъ примкнуть къ возникшему теченію, если бы ему пришлось поступиться своей политической позиціей. Поэтому, передъ тѣмъ какъ рѣшиться на признаніе Великаго Князя Николая Николаевича верховнымъ вождемъ Русскаго Обще-Воинскаго союза, онъ счелъ необходимымъ выяснить будущую политическую позицію Великаго Князя и получить завѣреніе въ объединеніи, подъ руководствомъ Главнокомандующаго, то есть его самого или его замѣстителя, рѣшительно всѣхъ воинскихъ организацій, которыя признаютъ верховное возглавленіе Великаго Князя. Единству зарубежнаго воинства Врангель придавалъ исключительное значеніе. Онъ допускалъ сохраненіе монархическихъ лозунговъ тѣми организаціями, которыя ихъ уже приняли, но не считалъ возможнымъ участія ихъ членовъ въ политическихъ группировкахъ.

Когда на это послѣдовало со стороны Великаго Князя вполнѣ удовлетворявшія Врангеля указанія, онъ немедленно же принялъ то рѣшеніе, которое и было приведено имъ въ исполненіе послѣ личной встрѣчи съ Великимъ Княземъ, и по которому Врангель перешелъ на положеніе лишь возглавителя РОВС-а. Съ этого времени собственная политическая дѣятель-

ность Врангеля закончилась и вся его дѣятельность сосредоточилась на защитѣ единства РОВС-а.

Будучи фактически отвѣтственнымъ за судьбы вывезенной имъ арміи, онъ утратилъ полноту и безъ того трудно осуществляемой власти. Между тѣмъ, со времени верховнаго возглавленія РОВС-а Великимъ Княземъ, не прекращались до самой кончины Врангеля попытки раздѣлить РОВС на двѣ части. По существу, это было стремленіе дать возможность выйти изъ подчиненія Врангеля тѣмъ организаціямъ, которыя приняли монархическіе лозунги и не препятствовать ихъ участію въ политической дѣятельности партійно-монархическихъ группировокъ. . . надо, при этомъ, отмѣтить, что со стороны самого Великаго Князя особыхъ возраженій къ такому рѣшенію не имѣлось.

Захватившій эмиграцію церковный расколъ, какъ извѣстно, принялъ крайне острыя формы. Большинство ея раздѣлилось на два лагеря. При этомъ цѣлыя организаціи примкнули къ той или другой сторонѣ. Врангель, послѣ происшедшаго раскола, занялъ для РОВС-а нейтральную позицію, предоставивъ совѣсти каждаго слѣдовать за тѣмъ или инымъ пастыремъ и воспретилъ по этому вопросу въ организаціяхъ РОВС-а какую бы то ни было пропаганду. Эта его позиція защитила РОВС отъ тѣхъ острыхъ формъ столкновеній, которыя имѣли мѣсто въ эмигрантской средѣ.

Вотъ вкратцѣ та общая обстановка, въ которой Врангелю приходилось выполнять свою историческую роль, какъ руководителю зарубежной арміи, стремившемуся сохранить ея единство и вѣрность завѣтамъ Бѣлыхъ вождей, среди которыхъ онъ занимаетъ достойное его мѣсто. Помимо искуснаго управленія войсками въ періодъ Гражданской войны и смѣло проведенной имъ въ Крыму соціальной и административной дѣятельности, въ основу которой онъ вложилъ принципы, весьма близкіе къ осуществленнымъ затѣмъ тоталитарнымъ доктринамъ, онъ является создателемъ законченнаго политическаго міросозерцанія національной части Русской эмиграціи. Во всѣхъ крупныхъ во-

просахъ, выдвигавшихся въ жизни эмиграціи, онъ являлся руководящимъ началомъ. За нимъ слѣдовали другіе. Необходимо, при этомъ, отмѣтить, что не было случая, чтобы не оправдывалась цѣлесообразность его рѣшеній.

Всѣ тѣ организаціи, которыя не пошли по его пути, иногда широко раскинувъ свою сѣть и свою дѣятельносгь въ эмиграціи, постепенно сходили на нѣтъ и именно потому, что они не учли завѣта Врангеля, что ихъ и привело либо къ политическому тупику, либо къ утерѣ возможности согласованія своей дѣятельности съ реальной политической и жизненной дѣйствительностью. Русская же армія и Русскій Обще-Воинскій союзъ, бывшіе при немъ и его замѣстителяхъ общепризнанными центрами эмиграціи сохранили свою цѣнность.

Одной изъ важнѣйшихъ для этого причинъ была полно проведенная его политическая позиція въ усвоеніи ея арміей и РОВ союзомъ. Онъ завѣщалъ РОВС-у независимость отъ международныхъ оріентацій, отчужденіе отъ партійно-политической грызни, утвержденіе въ своемъ политическомъ міросозерцаніи Бѣлой идеологіи и сохраненіе духа дисциплины и традицій Бѣлой борьбы и старой Императорской арміи.

Исключительныя личныя дарованія Врангеля были основаніемъ того положенія въ эмиграціи, которое было занято арміей, РОВС-мъ и имъ самимъ. Онъ имѣлъ всѣ необходимыя данныя для военнаго и политическаго вождя. Ясный и свѣтлый умъ, величіе духа, даръ провидѣнія, глубокое пониманіе всѣхъ явленій общественной и политической жизни, умѣніе вліять на массы и полное пониманіе души и сердца своихъ соратниковъ, создали ему обаяніе и популярность и среди руководителей эмиграціи, и особенно въ ея рядовой средѣ.

Все это выдвинуло его въ положеніе центра русскаго разсѣянія, несмотря на всѣ тѣ трудныя условія, въ которыхъ протекала его дѣятельность за рубежемъ.

Кончина генерала Врангеля застала РОВС въ закончившейся организаціи. Оба его, такъ трагически погибшихъ замѣстителя, генералы Кутеповъ и Миллеръ, продолжали его дѣло.

Будучи его непосредственными сотрудниками и участниками его дѣятельности, они не уклонились отъ того пути, который съ ихъ помощью, твердо велъ Врангель, отводя всѣ встрѣчавшіяся по пути препятствія. Оба они вкладывали въ свое руководство и свои индивидуальныя качества и склонности. Кутеповъ вкладывалъ большую часть своихъ силъ въ активную борьбу съ большевизмомъ въ Россіи. Миллеръ больше дѣйствовалъ въ области закрѣпленія организаціонной стороны РОВС-а, но оба они неизмѣнно отстаивали единство РОВС-а, его Бѣлую доктрину и сохранили оставленное имъ Врангелемъ наслѣдство незадѣтымъ никакими политическими теченіями и оставались независимыми отъ всякихъ международныхъ комбинацій. Врангелевская оріентація только на Россію была и ихъ защитой отъ какихъ бы то ни было посягательствъ.

П. Шатиловъ.

Памяти П. Н. Врангеля

Надъ могилою Вождя

1.

Все сокрыто отъ насъ Божіимъ Промысломъ. Мы смотримъ впередъ и вдаль, — и видимъ только темную облачную завѣсу надъ нашей униженной и замученной Россіей. Не видимъ мы еще путей, ведущихъ къ ея освобожденію и возстановленію. Сами — разсѣянные, усталые, нищіе, оглушенные катастрофой, не уразумѣвшіе до глубины ни причинъ, ни послѣдствій этого крушенія, не сговорившіеся еще ни о цѣляхъ, ни о средствахъ нашей борьбы, — мы видимъ себя во власти историческаго рока, который влечетъ насъ впередъ, не спрашивая нашего согласія и не объявляя намъ своихъ намѣреній. Fata nolentem trahunt...

Не мы дѣлаемъ, — насъ влечетъ. Не мы выбираемъ и рѣшаемъ, — что то рѣшается за насъ и совершается надъ нами. Ураганъ идетъ надъ міромъ. Черный вихрь исторіи вотъ уже двадцать лѣтъ крутитъ людей, какъ пыль въ сухомъ смерчѣ, — бросая, и поднимая опять, и наметая пылевые сугробы. Возможно ли противостать ему и противостоять? Есть ли для насъ еще какая нибудь возможность поступка? Не обречены ли мы всѣ на пассивное приспособленіе, на растерянную суетню, на медленное вымираніе въ чужихъ странахъ? Развѣ нынѣ въ че-

ловѣческихъ силахъ — бороться и поступать? Развѣ въ лицо этому черному вихрю и вздымающей его сатанинской силѣ — возможно смотрѣть, не опуская взоръ? Развѣ возможенъ въ борьбѣ со стихіей, со стихіей вѣками сложившагося безбожія и соблазна и развязавшейся въ человѣкѣ животности и порочности, — *духовный поступокъ и побѣждающій характеръ?* . . —

Не словами, нѣтъ, не словами надо отвѣчать на эти вопросы утомленія и унынія. Не словъ, не фразъ ждетъ и требуетъ отъ насъ Господь, попустившій этому черному вихрю вскрутить человѣческую пыль. Въ великой исторической трагедіи — слова мертвы, если за ними нѣтъ бóльшаго. . . И на искушеніе растерянностью, слабостью и унынiемъ надо отвѣчать дѣломъ, поступками, живой системой рѣшеній, усилій и свершеній, — духовнымъ характеромъ, всею своею личностью.

«Нѣтъ душевныхъ силъ бороться и поступать», — шепчетъ голосъ соблазна. . . Пусть такъ! Но «душевными силами» и не исчерпывается совсѣмъ то, что *благодатно* дано человѣку свыше: ибо даны еще *духовныя* силы, силы Божественнаго происхожденія, силы священныхъ корней.

Не каждый изъ насъ знаетъ объ этомъ; многіе не вѣрятъ въ это и не повѣрятъ до конца; а есть и такіе, которые причастны этимъ духовнымъ силамъ, но не разумѣютъ ихъ природы и не умѣютъ вызывать ихъ къ жизни. Но въ дѣйствительности силы эти даны намъ; и время, переживаемое нами, есть время, требующее ихъ проявленія. Мы не умѣемъ находить ихъ въ себѣ и часто живемъ всю жизнь, не помышляя о нихъ. Но нынѣ исторія и Россія требуютъ ихъ отъ насъ и мы должны укрѣпляться въ нихъ и жить, пребывая въ ихъ потокѣ.

Исторія требуетъ отъ насъ *героизма.* А подлинный героизмъ есть огонь духа, есть живое явленіе Божіей силы въ человѣкѣ.

И какъ бы въ доказательство того, что это требованіе выполнимо, что оно не чрезмѣрно и духовно обосновано, — Провидѣніе посылаетъ намъ *живые личные очаги такой духовной, сверхчеловѣческой силы,* — *героевъ*, видящихъ, идущихъ и ве-

дущихъ. При одномъ воспріятіи ихъ исчезаютъ всѣ соблазны безсилія и унынія, всѣ искушенія пассивностью. Ибо нѣтъ доказательства болѣе убѣдительнаго, нѣтъ пробужденія болѣе дѣйствительнаго, какъ явленіе человѣка героической воли и героическаго образа дѣйствій. При видѣ его, его дѣлъ и его образа жизни, при одномъ сознаніи того, что «это» возможно, что «это» реально, что должное, и сверхсильное есть *живое событіе,* что оно уже состоялось и продолжаетъ осуществляться, — въ душѣ просыпаются... не удивленіе и не стыдъ за свою временную слабость, а именно тѣ самыя, духовныя, напряженія, которыя только что казались непосильными, и именно тѣ самыя силы, которыя необходимы для этихъ «непосильныхъ» поступковъ. Живой духъ пробуждаетъ въ людяхъ духовность; совѣстный человѣкъ заставляетъ другихъ слѣдовать совѣсти; храбрость вождя родитъ храбрыхъ людей; за героемъ слѣдуетъ живой потокъ героизма. То, чего я никакъ не могъ начать, — это «непомѣрное», требующее «непомѣрныхъ» усилій, — вотъ, оно уже начато... Какъ же мнѣ не влиться въ него? То, что мнѣ предносилось, какъ невозможное, — вотъ, оно уже совершено на половину... Значитъ — оно возможно и состоится... Не зная, какъ, и не понимая, они ли сами сдѣлали это, или вождь совершилъ это въ нихъ, надъ ними, за нихъ, — люди дѣлаютъ и вотъ, уже сдѣлали вѣрное, необходимое и спасительное... И съ радостью убѣдились, что казавшееся невозможнымъ — реально...,

Эта радость духовнаго одолѣнія и окрыленія дается героемъ негерою въ порядкѣ зова, велѣнія, примѣра, зараженія и подражанія, — въ живой повседневной борьбѣ со страхами и угрозами чернаго вихря. Отсюда возникаетъ драгоцѣнное и священное чувство *связи съ героемъ:* это не зависть, а радостная благодарность, не униженность передъ нимъ, а вознесенность имъ, не ревность, а довѣріе, преданность и любовь. Какъ же не вѣрить ему и не вѣрить въ его силу и побѣду, когда въ общеніи съ нимъ я самъ выросъ и окрылился? Какъ же не радоваться, не благодарить и не любить, когда я благодаря ему

научился измѣрять вѣрно свои собственныя силы, извлекать изъ себя духовныя напряженія, уважать себя по достоинству и служить моему дѣлу, дѣлу моей Родины такъ, какъ я къ этому призванъ и какъ это подобаетъ. Герой становится опорой другихъ людей, ихъ пробудителемъ, ихъ окрылителемъ, живымъ мѣриломъ, живымъ примѣромъ, залогомъ предстоящей побѣды *центромъ совокупнаго поступка и спасенія,* персональнымъ источникомъ всеобщаго рѣшенія и свершенія. Имѣть героя въ своей средѣ — радость и счастье. Потерять героя — горе и бѣда. И никакія земныя условности, никакія соглашенія, избранія или назначенія не могутъ и не помогутъ замѣнить утраченнаго героя — негероемъ. . .

И вотъ, мы потеряли вождя и героя въ лицѣ Петра Николаевича Врангеля.

2.

Объ историческомъ человѣкѣ — слово принадлежитъ исторіи; но и то только предпослѣднее слово. Послѣднее же — принадлежитъ Господу, видящему сердца людей и судящему объ ихъ дѣлахъ по ихъ любви, намѣреніямъ и побужденіямъ. . .

А мы, современники, близко и иногда очень близко стоявшіе къ почившему герою, мы можемъ и должны высказать лишь то, чѣмъ онъ былъ для насъ, что́ мы въ немъ осязали и видѣли, чего мы отъ него ждали, и чего онъ хотѣлъ отъ насъ... Мы должны сказать это такъ, чтобы наши слова и наши, связанныя со словами прошлыя и будущія дѣла—остались живымъ и удостовѣрительнымъ матеріаломъ для будущихъ историковъ нашего лихолѣтья. Мы должны сказать о немъ то и такъ, чтобы правдивая прямота и открытая честность нашего свидѣтельства дали бы историку вѣрный путь къ уразумѣнію ума и дара, сердца и воли нашего полководца и правителя; такъ, чтобы слава его и доблесть его были признаны и занесены на страницы въ назиданіе будущей Россіи. И я вѣрю въ то, что мы всѣ вмѣстѣ, всѣ знавшіе его, искренно преклонявшіеся передъ его духовною си-

лою, — найдемъ эти слова и соберемъ эти матеріалы, необходимые для его вѣрнаго отображенія. . .

Чѣмъ же онъ былъ для насъ?

Неисчерпаемымъ источникомъ вѣры, силы и уваженія къ самимъ себѣ.

Имѣя его во главѣ, мы вѣрили въ правоту творимаго нами дѣла и въ близящуюся побѣду въ борьбѣ за Россію. Ибо мы не только знали о нашей правотѣ, но чувствовали ежечасно, что эта правота имѣетъ въ его лицѣ изумительный, неутомимый волевой óрганъ; что наше дѣло находится въ рукахъ рыцарственныхъ, призванныхъ и могучихъ; что русская государственность со всѣми ея славными традиціями имѣетъ въ немъ

«боговъ оргáнъ живой (Тютчевъ),

какъ бы нарочито созданный для этого историческаго часа и дѣла.

Поэтому мы вѣрили *ему* до конца и вѣрили *въ него* до конца. Вѣрили не сослѣпу, но потому, что видѣли его *дѣла* и знали, какое сердце скрывается за этими дѣлами. Мы говорили: Господь послалъ намъ суровыя испытанія, но онъ послалъ намъ и героя; нельзя любить Россію и не помогать ему. И дѣйствительно, всѣ, кто не помогалъ ему въ его національной борьбѣ за освобожденіе Россіи, — всѣ они будутъ отмѣчены исторіей, какъ люди, любившіе себя больше родины.

Онъ былъ для насъ источникомъ нашей совокупной силы. Не только потому, что онъ самъ былъ весь напряженная сила, весь сосредоточенное горѣніе; но и потому, что мы чувствовали, какъ растутъ наши собственныя силы отъ содѣйствія ему, отъ общенія съ нимъ, отъ сознанія, что впереди стоитъ, идетъ и ведетъ человѣкъ *его* духовныхъ размѣровъ и его благородства: умѣющій рѣшать, брать на себя отвѣтственность и вести, — и не только къ побѣдѣ, но, что еще гораздо больше, вести въ бѣдѣ, въ неудачѣ, въ промежуточные періоды бездѣйствія и упадка. Мы знали, что *онъ* впереди насъ, и отъ этого въ насъ росло

чувство увѣренности въ себѣ, чувство уваженія къ самимъ себѣ: ибо непоколебима была наша увѣренность въ томъ, что онъ не поведетъ насъ по путямъ малодушія, соблазна, безчестія и политической интриги. Его фамильный девизъ — «Rumpo non plecto» — «ломаю, не гну» и въ то же время «сломлюсь, но не согнусь», — опредѣлялъ его жизненный путь и предначертывалъ путь нашей побѣды. Это онъ, атаковавшій подъ Каушеномъ вражескую артиллерію въ конномъ строю; это онъ, пославшій свое незабвенное, историческое обличительное письмо Главнокомандующему Вооруженными силами Юга Россіи, письмо, которое читалось въ большевицкой Москвѣ, какъ спасительный набатъ; это онъ, ушедшій въ изгнаніе и возглавившій крымское сидѣніе, зная о его стратегической безнадежности; это онъ, отвѣчавшій «союзникамъ» съ «Лукулла»; онъ, создавшій Галлиполи и Общевоинскій Союзъ. . . Мы знали, что значитъ «Rumpo non plecto» въ его девизѣ и въ его устахъ; знали и съ презрѣніемъ относились ко всѣмъ политическимъ интригамъ и нашептамъ. Надо было молиться за него и беззавѣтно помогать ему.

Намъ гордо было сознавать, что въ годы національнаго крушенія и развала русскіе люди сумѣли выдѣлить изъ своей среды такого человѣка, признать его, принять его, возвести его и добровольно подчиниться ему; мы гордились имъ, при приближеніи къ которому приходили въ восхищеніе и англичане, и французы, и нѣмцы, и правые, и соціалисты, — ибо мы знали, что въ его лицѣ ведетъ и побѣждаетъ *русская честь* и *русское качество;* мы знали, что въ кровавой борьбѣ и въ государственномъ правленіи, на родинѣ и за границей — въ его лицѣ *Россія была на высотѣ,* на высотѣ своей исконной доблести, организуемости, самоотверженія и безстрашнаго напора на свою черную судьбу.

И какъ же намъ, современникамъ всего этого историческаго позора, намъ, чье чувство національной чести такъ остро изболѣлось и изголодалось, какъ же намъ было не залѣчивать эти раны и не утолять этотъ голодъ возлѣ имени, возлѣ дѣлъ,

возлѣ доблести, возлѣ политической проницательности и государственной воли Петра Николаевича Врангеля?

3.

Что́ мы осязали въ немъ, что́ видѣли?

Законченное совѣстное благородство. Мужественную, неистощимую волю. Дальнозоркую, утонченную интуицію.

Въ наше время, когда такъ легко разувѣриться въ чистыхъ путяхъ, въ ихъ жизненной силѣ и политической цѣлесообразности; когда на каждомъ шагу душу сторожитъ соблазнъ ухватиться за дурныя и порочныя средства въ борьбѣ со злодѣями, по безстыдству и свирѣпости превзошедшими всѣ историческія уродства и мерзости; когда озлобленные люди, ограниченные или политически безотвѣтственные, склонны проповѣдовать большевицкіе пріемы борьбы, воображая во слѣдъ за іезуитами, будто «цѣль оправдываетъ средства», — Врангель неустанно предупреждалъ противъ этихъ путей, воспрещалъ ихъ и внутренно отвращался отъ нихъ. Идея бѣлой борьбы не уживалась въ его представленіи съ грязными дѣлами, осуществляемыми во имя спасенія родины. Онъ не разъ выговаривалъ это прямо, что «низостью и безчестіемъ Россію не спасешь» и что «бѣлые» злодѣи Россіи не нужны. Онъ зналъ, что такое жертва; но не признавалъ посягательства и не посягалъ даже тогда, когда обличалъ трагическія ошибки своего предшественника. Онъ, какъ никто, умѣлъ властвовать: самое существо его воли и его личности дышало властью; но обязательство подчиненія, свободно имъ данное, было для него священнымъ. Онъ, способный, какъ никто, къ взрывамъ огненнаго негодованія, умѣлъ спокойно судить и строго осуждать, ломать невѣрное и рвать недостойныя нити, рѣзать правду въ глаза и за глаза, не считаясь ни съ какими личными отношеніями. Но къ кривизнѣ и интригѣ онъ былъ органически неспособенъ. Онъ могъ, какъ въ Константинополѣ передъ возвращеніемъ въ Крымъ, связать свое имя съ завѣдомо проиграннымъ дѣломъ и взять на себя, изъ побужде-

ній патріотизма и чести, бремя чужой неудачливости и растерянности. Но въ воспоминаніяхъ его друзей будетъ много разъ отмѣчено, какъ онъ встрѣчалъ всякіе нерыцарственные совѣты и предложенія, — личныя, общественныя, политическія и организаціонныя. Онъ запрещалъ даже отвѣчать въ печати на тѣ несправедливые и злые выпады, которымъ онъ изрѣдка подвергался со стороны недоброжелателей, считая, что распри въ бѣломъ станѣ вредны и что на нерыцарственныя выходки надо отвѣчать рыцарственной апелляціей къ суду исторіи. . .

Мы видѣли въ немъ огромный зарядъ воли, — эту изумительную способность къ выбору и рѣшенію, одинокому выбору, одинокому рѣшенію, способность спокойно принимать на себя отвѣтственность и нести ее въ самыхъ трудныхъ и сложныхъ жизненныхъ положеніяхъ. Онъ всегда и прежде всего рѣшалъ самъ; всегда выслушивалъ чужіе совѣты и соображенія, но рѣшалъ одинъ и принималъ всю отвѣтственность на себя. Онъ стоялъ самъ и шелъ самъ. Онъ не терпѣлъ возлѣ себя, какъ это дѣлаютъ слабовольные люди, безотвѣтственныхъ шептуновъ, безличныхъ совѣтниковъ, общественно-политическихъ «вліятелей». Именно поэтому и только поэтому онъ импонировалъ другимъ и могъ вести другихъ за собою.

И, какъ у всѣхъ людей съ могучей волей, у него было не много разныхъ желаній, а одна единая цѣль, которой все въ немъ подчинялось, которой отдавалась вся личная и семейная жизнь, — та цѣль русскаго національнаго спасенія, которою было одержимо все его существо. Силою этой единой и единственной волевой преданности дѣлу спасенія родины, — онъ становился *живымъ óрганомъ Россіи,* а жизнь его становилась живымъ движеніемъ къ этой цѣли.

Отсюда эта изумительная сила его характера, его опредѣленность, его граненость, его сверкающій чеканъ, — его умѣніе жить не состояніями, а *дѣйствіями;* его искусство властно импонировать другимъ людямъ, и волевымъ, и безвольнымъ, и русскимъ, и иностранцамъ; его обычай не сторониться отъ опасности и враговъ, а итти имъ навстрѣчу; его умѣніе не покоряться

судьбѣ, а искать власти надъ нею и лѣпить ее; его нравъ — не перелагать бремя на другихъ, а брать его на свои плечи; его даръ — двигаться по линіи наибольшаго сопротивленія. Вотъ почему согласно общему закону, по которому *воля сама есть источникъ новой силы,* — онъ былъ и оставался всегда гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ каждый изъ его сильныхъ поступковъ. Когда его воинская часть не могла сдержать натискъ сильнѣйшаго врага, — онъ становился во главѣ ея и переходилъ въ наступленіе. Когда онъ видѣлъ себя и свой Обще-Воинскій Союзъ окруженнымъ политическою интригою, онъ принималъ властныя рѣшенія, отдавалъ суровые приказы и приступалъ къ очистительной спайкѣ своихъ рядовъ. Только смерть могла погасить эту волю. Но угашая ее, она не могла не раскрыть для всѣхъ качественное благородство его сердца.

Мы знали за нимъ проницательность, доходившую до неошибающейся прозорливости. Мы знали за нимъ дальнозоркую, творчески свободную интуицію.

Владѣя нѣкимъ духовнымъ чутьемъ, онъ всегда смотрѣлъ прежде всего вдаль, различая и предвидя тамъ то, чего не видѣли, а иногда и не подозрѣвали окружающіе его люди. Близкіе горизонты, текущая жизнь, окружающія событія не заслоняли ему далей; напротивъ, все то, что ближе во времени и по впечатлѣнію, получало у него своеобразную оцѣнку, измѣрялось всегда другимъ, бо́льшимъ, *главнымъ* мѣриломъ и масштабомъ. Онъ видѣлъ, конечно, и близкое, особенно приближающихся къ нему людей; и притомъ, нерѣдко, съ изумительною ясностью, — читая съ лица у человѣка, мгновенно узнавая его характеръ, его замыслы, его духъ, опредѣляя его однимъ словомъ, безошибочно узнавая подосланнаго провокатора или интригующаго пролазу.

Но и въ близкомъ, и въ далекомъ онъ всегда видѣлъ *главное,* существенное, прочное, непреходящее, то, что *всегда* и *навсегда.* Онъ жилъ, какъ человѣкъ съ большимъ и глубокимъ замысломъ, съ *волевою идеею* глубокаго и священнаго значенія, съ долгимъ и сильнымъ волевымъ дыханіемъ. И сколько

разъ, обсуждая съ нимъ большіе вопросы и планы, я изумлялся не только его сосредоточенному, неутомимому *созерцанію темы,* присущему только большимъ мыслителямъ и ученымъ; и не только изумительной остротѣ и быстротѣ его ума и, выражаясь Пушкинскимъ терминомъ, *точности* его слова; и не только волевому способу разсматривать всѣ вопросы, — но еще особенно его способности *жить и думать изъ русскаго національнаго и государственнаго инстинкта самосохраненія...* Сколько разъ я думалъ о томъ, что русскій народъ передъ революціей растерялъ этотъ драгоцѣнный и спасительный инстинктъ, расшатанный, соблазненный и обезсиленный; и что вотъ этотъ инстинктъ долженъ пробудиться и жить за всѣхъ въ душѣ героя и вождя; и еще, что я имѣю радость и счастье видѣть передъ собою такого человѣка. И сколько разъ потомъ я вспоминалъ этотъ отрывокъ изъ стихотворенія князя П. А .Вяземскаго о «мужествѣ»:

«Подъ бурей дубъ растетъ и крѣпнетъ,
Подъ вѣтромъ падаетъ лоза;
И гдѣ предъ солнцемъ филинъ слѣпнетъ,
Орелъ глядитъ во всѣ глаза. . .

4.

Чего же мы ждали отъ него?

Мы ждали отъ него авторитетнаго указанія, что́ дѣлать для спасенія Россіи, и непосредственнаго водительства по путямъ этой борьбы.

Мы ждали того, что онъ, съ его чувствомъ личной и національной чести, съ его умѣніемъ говорить отъ лица русской исторической силы и русскаго государственнаго достоинства (какъ тогда, на «Лукуллѣ»! . .); съ его огромнымъ политическимъ тактомъ и личнымъ безстрашіемъ; съ его замѣчательнымъ сочетаніемъ необходимой тактической гибкости, ширины и подлинной идейной принципіальности, — сумѣетъ найти и создать

тотъ національно-силовой выходъ, при которомъ завершится наше позорное и унизительное лихолѣтье и Россія возстанетъ изъ своего провала.

Этого ждали мы отъ него. А онъ хотѣлъ отъ насъ одного: *вѣрности* нашей родинѣ, нашей волевой идеѣ; и согласно этому, служенія ей до конца: служенія не партійнаго, не политиканствующаго, но патріотическаго и національнаго, блюдущаго честь, но не преслѣдующаго цѣлей личнаго честолюбія. О «захватѣ власти» не помышлялъ никто: онъ самъ не разъ говорилъ, что если національное спасенье придетъ изнутри, то онъ съ радостью и вѣрностью подчинится тому, кто окажется ведущимъ и спасающимъ.

И вотъ, Господь отозвалъ его и мы его потеряли... Но именно эта потеря, этотъ внезапный и безвременный уходъ — раскрылъ многимъ глаза. Подобно тому, какъ утрата нашей родины заставила насъ ощутить со всею глубиною и остротою, чтó мы въ Россіи имѣли и чтó мы въ ней потеряли и въ чемъ состоитъ священная сущность Россіи, — такъ утрата Врангеля какъ бы возвращаетъ нашу мысль и наше чувство къ тому, что составляетъ самую суть бѣлаго движенія и бѣлой идеи. Бѣлая идея есть русская національная идея, которою строилась и держалась въ исторіи Россія: христіанская идея *жертвеннаго служенія*, идея *личной и національной чести*, идея *всежизненнаго, беззавѣтнаго стоянія за священные истоки русскаго духа и русской государственности*. Эта идея подвигла сердце Лавра Георгіевича Корнилова и его сподвижниковъ возстать за Россію. Эта идея вела Петра Николаевича Врангеля по путямъ его доблестнаго служенія. Эта идея утверждается нами и по ихъ смерти и поведетъ насъ и впредь.

Все то, что мы доселѣ обозначали словомъ «бѣлое движеніе» было только началомъ, первымъ, героическимъ порывомъ къ осуществленію бѣлой идеи. Эта идея не въ прошломъ, а въ будущемъ. Ей предстоитъ еще сказать свое свѣтлое и властное слово и повести за собою русскій народъ. И совершится это тогда, когда русскій народъ проснется отъ давящаго его кош-

мара, скинетъ съ себя гипнозъ террора и иго коммунизма и произнесетъ тѣ великія слова, которыя выражаютъ самое естество бѣлой идеи и бѣлаго движенія: *героическая борьба и жертвенное служеніе.* Придетъ часъ и данный отъ Бога русскому народу инстинктъ національнаго самосохраненія обратится къ этимъ, нашимъ идеямъ и приметъ эти, наши пути. Знаемъ, что нынѣ въ глубинѣ Россіи царитъ вынужденное могильное молчаніе, что наши братья, тамъ, даже простонать не могутъ о томъ, о чемъ взываетъ ихъ душа. Но въ незримомъ, таинственномъ единеніи съ ними, отъ нихъ и за нихъ, отъ лица Корнилова и Врангеля, за насъ самихъ и за всю Россію, волею и любовью, вѣрою и разумомъ выговариваемъ мы эти священные завѣты и зовы національной Россіи: *героическая, жертвенная борьба и христіански-рыцарственное, безкорыстное, но грозное служеніе.*

Подъ этимъ знаменемъ стоялъ, съ нимъ насъ велъ нашъ почившій вождь и правитель. И Россія никогда не забудетъ ни его имени, ни его доблести, ни его идеи.

И. А. Ильинъ.

Военная дѣятельность П. Н. Врангеля

I.

Въ началѣ 90 г.г. семья барона Н. Г. Врангель *) проводила лѣто въ деревнѣ, на югѣ Россіи. Въ одинъ изъ семейныхъ праздниковъ рѣшено было устроить костюмированный вечеръ. Петру Николаевичу, тогда еще подростку, сшили костюмъ «черта». Съ рожками, хвостомъ и прочими атрибутами. Примѣривъ костюмъ и оставшись имъ совершенно довольнымъ, П. Н., по пылкости своего характера, захотѣлъ сейчасъ же провѣрить эфектъ новой игрушки. Выскочивъ изъ дома, онъ незамѣтно подкрался къ работавшимъ въ полѣ крестьянамъ. Внезапное появленіе «біса», исполнявшаго, какой то «адскій» танецъ, чрезвычайно ихъ испугало, а въ особенности бабъ. Съ крикомъ и визгомъ, всѣ въ ужасѣ разбѣжались. . .

Когда прошелъ первый испугъ, крестьяне рѣшили изловить черта и, угрожающе размахивая косами, двинулись къ нему. Мальчикъ сообразилъ, что крестьяне дѣйствительно приняли его за черта и что казавшаяся ему столь интересной шутка внезапно превратилась въ несомнѣнную и большую опасность. Устрашенный П. Н. помчался домой. Ободренная тол-

*) Баронъ Н. Врангель, Воспоминанія, Берлинъ. 1924. Стр. 146.

па — за нимъ. Гибель была неизбѣжной. Но въ тотъ моментъ, когда косы уже протянулись къ нему, П. Н. пріостановился, быстро повернулся въ сторону крестьянъ и самъ ихъ «атаковалъ». Тѣ въ паникѣ снова отбѣжали. Такъ повторялось нѣсколько разъ и П. Н. благополучно добѣжалъ домой. За нимъ, въ усадебный дворъ ввалилась и возбужденная толпа, гдѣ къ общему удовольствію все и разъяснилось.

Въ этой дѣтской шалости, П. Н. проявилъ не только большое мужество, но и удивительныя для своихъ лѣтъ самообладаніе и находчивость. Инстинктомъ онъ мгновенно понялъ создавшееся положеніе и спасалъ себя стремительными «контръатаками». Ибо всякое его иное тогда поведеніе окончилось бы гибелью: несомнѣнно, что еслибы мальчикъ сбросилъ даже маску и попытался бы разъяснить свою шутку, то обезумѣвшіе рабочіе все равно бы ему не повѣрили и искренно посчитали, что это чертъ «отводитъ глаза», а потому и превратился въ «панича»...

Приведенный случай наглядно показываетъ, какими особенностями надѣлила природа умъ, волю и характеръ П. Н. Проявленные имъ тогда пылкость и самообладаніе, храбрость и глазомѣръ, все это были черты, указывавшія на то, что военная дѣятельность можетъ быть истиннымъ призваніемъ богато одареннаго ребенка. Въ дальнѣйшемъ такъ и случилось, хотя П. Н. и не готовилъ себя къ военной службѣ.

Поступивъ въ Горный институтъ и окончивъ его, молодой Врангель тѣмъ самымъ, казалось, избралъ для себя иные жизненные пути и иную, но не военную карьеру. Въ тѣ годы, П. Н., видимо, еще не осознalъ себя и своего настоящаго призванія. Чтобы такое призваніе проявилось, чтобы воспламенились еще дремлющіе военные инстинкты, необходимъ былъ, какой то внѣшній толчекъ. Имъ и была Русско-Японская война. Къ тому времени, П. Н. отбылъ уже, воинскую повинность и на общемъ основаніи, числился корнетомъ запаса. Этимъ только и ограничивалась его связь съ арміей. Въ силу патріотическихъ побужденій, Врангель добровольно отправляется въ Манчжу-

рію. Тамъ, среди повседневныхъ опасностей строевого офицера, онъ убѣждается, что борьба и ея предѣльное, наиболѣе яркое воплощеніе — война являются его настоящимъ призваніемъ. И П. Н. не ошибся, ибо теперь, уже въ исторической перспективѣ, мы хорошо знаемъ, что борьба и война были тѣми стихіями, которыя оказались наиболѣе родственными его страстной, огневой натурѣ.

Почувствовавъ свое призваніе, Врангель и слѣдуетъ ему со всей своей темпераментной рѣшительностью: онъ отказывается отъ карьеры горнаго инженера, выдерживаетъ офицерскій экзаменъ и поступаетъ Л. Гв. въ Конный полкъ. Затѣмъ оканчиваетъ Императорскую Военную академію, но не прельщается службою по генеральному штабу, а возвращается въ полкъ, съ которымъ черезъ два года и отправляется на войну. Одинъ изъ блестящихъ боевыхъ эпизодовъ перваго періода войны — атака въ конномъ строю германской батареи и орденъ Св. Георгія, дѣлаютъ имя ротмистра барона Врангеля широко извѣстнымъ въ арміи.

Нѣтъ нужды подробно задерживаться на дальнѣйшихъ служебныхъ этапахъ П. Н. во время Великой войны. Характерно только то, что онъ продолжаетъ оставаться въ строю и командуетъ лишь строевыми частями. Въ масштабѣ Міровой войны, занимаемыя имъ должности конечно, не давали Врангелю возможности полностью проявлять и свою кипучую энергію и свой военный кругозоръ. Однако, даже и въ сравнительно узкихъ рамкахъ командира 1 Нерчинскаго казачьяго полка, онъ неизмѣнно проявляетъ огромный порывъ, никогда не гаснувшую инціативу и тонкое пониманіе природы конницы. Такъ въ бою 22 Августа 1916 г. его полкъ даетъ примѣръ лихой и красочной конной атаки, во время которой П. Н. и былъ раненъ.

Высочайшее пожалованіе флигель-адъютантскихъ вензелей, чинъ полковника, а затѣмъ производство въ генералы и назначеніе командиромъ бригады свидѣтельствуютъ о томъ, какъ успѣшно развивалась его военная карьера. Великая война ста-

Май 1919 г. Командующій Кавказской арміей генералъ-лейтенантъ Баронъ Врангель, генералъ-квартирмейстеръ полковникъ Кусонскій и начальникъ оперативнаго отдѣленія полковникъ фонъ-Лампе у разрушеннаго большевиками моста на р. Салъ.

См. стр. 10.

10

ла для П. Н. той школой, которая дала ему возможнсть накопить большой военный опытъ и оформить свое военное міровоззрѣніе. Въ результатѣ, въ лицѣ Врангеля выявился весьма крупный кавалерійскій начальникъ. Обстоятельство, каковое необходимо подчеркнуть, ибо въ дальнѣйшемъ оно всегда оказывало сильное воздѣйствіе на военные замыслы генерала Врангеля...

Наступила революція. Ея теченіе формально не входитъ въ задачу настоящаго очерка. Однако, чтобы понять духовный обликъ Врангеля, необходимо задержаться на событіяхъ 1917 года. П. Н. не принялъ революцію. Удивительно яркій и законченный типъ индивидуалиста, онъ, конечно, органически не понималъ революціонной идеологіи, проповѣдовавшей въ тѣ дни «обожествленіе» массъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, революція олицетворяла борьбу, т. е. была стихіей наиболѣе понятной Врангелю. Естественно, что въ эту стихію онъ и окунулся со всею страстностью своей натуры. Подобно большинству національно настроеннаго офицерства, онъ мечталъ пріостановить развалъ арміи и сократить разгулъ революціи. Какъ извѣстно, изъ этого ничего не получилось, но знакомство съ психологіей того времени, знакомство съ методами революціонной работы давало огромный опытъ. Не только своимъ большимъ и гибкимъ умомъ, но и сердцемъ усвоилъ онъ необходимость «дерзать». Дерзать всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, ибо революція значительно измѣнила былые законы соотношенія силъ и средствъ. Освоить въ такомъ смыслѣ опытъ 17 г. было тѣмъ легче и естественнѣе для П. Н., что «дерзаніе», ставшее въ дальнѣйшемъ для него основою міропріятія, было способностью вообще свойственной его рѣшительному и волевому характеру.

Такимъ образомъ, революція не только не «согнула» П. Н., какъ это она сдѣлала со многими, но наоборотъ вызвала къ дѣйствію весь его духовно-волевой потенціалъ.

Въ результатѣ, ко времени появленія генерала Врангеля въ Добровольческой арміи, его внутренній обликъ, какъ воен-

наго, былъ уже вполнѣ законченъ: умный и отважный, готовый всегда дерзать, но умѣвшій считаться съ обстановкой, онъ вѣрилъ въ себя, въ свою звѣзду и жаждалъ борьбы.

Многіе считали П. Н. честолюбивымъ, однако подобное упрощенное опредѣленіе едвали соотвѣтствовало дѣйствительности. Скорѣе, онъ былъ славолюбивъ, т. е. обладалъ той чертой характера, какая, по мнѣнію Суворова, является добродѣтелью для военачальника. Добродѣтелью потому, что побуждаетъ на ратные подвиги.

По прибытіи въ Добровольческую армію, Врангель былъ назначенъ командиромъ бригады 1-й конной дивизіи, которая въ то время входила въ составъ войскъ дѣйствовавшихъ на Сѣверномъ Кавказѣ. За временнымъ отсутствіемъ начальника дивизіи, П. Н., какъ старшій, вступилъ въ командованіе дивизіей. Въ этотъ двухмѣсячный періодъ, онъ знакомился съ новыми для него условіями веденія гражданской войны и создалъ ту моральную связь между собою и частями, какая всегда была и будетъ одной изъ главнѣйшихъ основъ боевого успѣха.

Интересно отмѣтить тѣ пріемы, какими онъ пользовался для этого. Прежде всего и чаще всего П. Н. примѣнялъ личный примѣръ, участвуя въ конныхъ атакахъ дивизіи. Такое поведеніе новаго начальника быстро дало ему обладаніе сердцами подчиненныхъ и о Врангелѣ скоро заговорили какъ о генералѣ большой личной храбрости, какъ о генералѣ съ настоящимъ кавалерійскимъ сердцемъ.

Одновременно, онъ съ огромной энергіей занялся вопросами снабженія дивизіи. Пишетъ, настаиваетъ, требуетъ. Иными словами, — проявляетъ себя весьма заботливымъ начальникомъ, входящимъ во всѣ подробности хозяйственныхъ нуждъ подчиненныхъ частей.

Въ результатѣ, имя генерала Врангеля становится, среди войскъ, настолько почитаемымъ, что послѣдующее его назначеніе командиромъ корпуса (начало Ноября 1918 г.) принимается и одобряется войсками, какъ вполнѣ заслуженное. Такое отношеніе тѣмъ характернѣе, что разсматриваемый періодъ

отнюдь не былъ для П. Н. многопобѣднымъ. Огромное превосходство силъ и средствъ большевиковъ сильно затрудняло и осложняло операціи по освобожденію Сѣв. Кавказа. Борьба велась тяжелая и жестокая. Не разъ 1-я конная дивизія имѣла неудачи и попадала въ критическое положеніе. Два раза самъ Врангель только чудомъ избѣгъ плѣна. Однако и въ это трудное время, его излюбленный пріемъ вожденія войскъ была конная атака. Онъ не колеблясь бросаетъ свои полки въ атаку и самъ несется впереди. . .

Ко времени назначенія генерала Врангеля командиромъ 1-го коннаго корпуса, обстановка на Сѣв. Кавказѣ стала мѣняться въ нашу пользу. Правда, боевые кризисы еще повторялись, но все же чувствовалась, что большевицкая Таманская армія уже выдыхается.

Освобожденіе Кубани и какъ послѣдствіе этого— уширеніе оперативной дѣятельности бѣлыхъ войскъ, побудили Главнокомандующаго генерала Деникина осуществить новую организацію своихъ силъ. Поэтому, войска Сѣв. Кавказа были сведены въ Кавказскую Добровольческую армію, въ командированіе которой и вступилъ 10 Января 1919 г. *) ген. Врангель. Въ этой новой должности, его непосредственныя усилія были направлены на очищеніе Терека отъ красныхъ.

Послѣ жестокихъ боевъ у станицъ Самашинской, Михайловской и Слѣпцовской, большевики были окончательно разгромлены, при чемъ только въ этихъ бояхъ Кавказская армія захватила 7 бронепоѣздовъ, всю непріятельскую артиллерію и болѣе 10.000 плѣнныхъ. Такимъ образомъ, къ концу Января 1919 г. Сѣв. Кавказъ былъ освобожденъ. Имя молодого командующаго арміей становится популярнымъ; рядъ станицъ избираетъ генерала Врангеля почетнымъ казакомъ; Кубанская Рада награждаетъ его вновь учрежденнымъ Крестомъ Спасенія Кубани 1 степени. Но въ эти побѣдные дни, П. Н. не пришлось полностью восчувствовать выпавшую на его долю славу:

*) Всѣ даты по старому стилю.

онъ заболѣваетъ сыпнымъ тифомъ и притомъ въ очень тяжелой формѣ, на пятнадцатый день болѣзни положеніе признается безнадежнымъ. .. Однако, послѣ прибытія къ больному чудотворной иконы Божьей Матери, сразу и неожиданно наступило улучшеніе. Крѣпкій организмъ П. Н. и самоотверженный уходъ его жены баронессы Ольги Михайловны помогли преодолѣть кризисъ. П. Н. сталъ, хотя и медленно, но поправляться.

Упоминаніе въ данномъ очеркѣ о болѣзни Врангеля имѣетъ свой внутренній и значительный смыслъ, ибо ко времени болѣзни или точнѣе — выздоровленія надо отнести зарожденіе причинъ тѣхъ разногласій, какія въ дальнѣйшемъ создались между генераломъ Деникинымъ и генераломъ Врангелемъ. Дѣло въ томъ, что во время выздоровленія бурно-дѣятельная натура Врангеля томилась вынужденнымъ физическимъ бездѣйствіемъ. Естественно, что въ такомъ состояніи его умъ и его военное воображеніе работали повышеннымъ темпомъ.

Размышляя о ходѣ дальнѣйшей борьбы съ большевиками, П. Н. останавливается на мысли о необходимости направить наши главныя усилія въ сторону Волги, и въ первую очередь — къ Царицыну. Царицынъ расцѣнивался имъ съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) какъ весьма важная база красныхъ и 2) какъ пунктъ, дающій возможность установить непосредственную связь съ арміей адмирала Колчака. Кто близко зналъ Врангеля, тотъ, конечно, зналъ и одну изъ его характернѣйшихъ особенностей: — неудержимо загораться полюбившейся ему идеей. Идеей «Волжскаго плана» и загорѣлся П. Н. Свои соображенія по этому вопросу онъ изложилъ въ секретномъ рапортѣ отъ 4 Апрѣля 1919 г. на имя генерала Деникина.

Проэктъ Врангеля не встрѣтилъ, однако, сочувствія Ставки, но сложившаяся, затѣмъ, на фронтѣ обстановка, какъ бы подтверждала предвидѣніе П. Н. и въ результатѣ, по совокупности общаго положенія, рѣшено было овладѣть Царицынымъ. Руководство новой операціей возлагалось на командующаго Кавказской арміей, т. е. генерала Врангеля. Царицынская опе-

рація была самой крупной изъ всѣхъ боевыхъ задачъ, какія ему приходилось, до того времени, выполнять и въ ней во всемъ блескѣ проявились, какъ военное дарованіе Врангеля, такъ и его кавалерійское сердце. *)

---

*) От ъ редакціи: Подробное описаніе царицынской операціи, представляющее собою главу изъ не напечатанной еще пока книги Н. Бѣлогорскаго (генерала Н. В. Шинкаренко) «Святая Война», было предназначено для помѣщенія въ настоящемъ сборникѣ. Однако, вслѣдствіе необходимости ограничить сборникъ опредѣленнымъ числомъ страницъ, къ сожалѣнію, выполнить этого не удалось и потому здѣсь приводятся только тѣ слова, которыя генералъ Шинкаренко предпослалъ своему труду, приславъ ихъ въ редакцію съ антибольшевицкаго фронта подъ Мадридомъ:

«То коротенькое, что я напишу сейчасъ, — вотъ здѣсь подъ Васіамадридомъ, по сосѣдству съ такъ медленно текущимъ Мансанаресомъ и сидя въ окопахъ, отъ которыхъ всего лишь двѣсти и триста шаговъ до чужихъ линій, красныхъ, — будетъ такъ, почти ничто... Только нѣсколько мыслей: не въ память, а для памяти Врангеля.

И, если хотите, будетъ это коротенькимъ сразу и введеніемъ и послѣсловіемъ къ «Царицыну»; къ тому, что было почти что самымъ красивымъ и самымъ блестящимъ во Врангелевской жизни, — въ военной.

Не знаю, прочту ли это я самъ по печатному, въ книгѣ, которая выйдетъ лишь въ будущемъ году. Вѣдь я сейчасъ на войнѣ, въ испанскомъ Иностранномъ легіонѣ, въ его 9-й бандерѣ, — очень славной. На войнѣ противъ красныхъ, — такихъ же самыхъ, какіе были и на Кубани, и подъ Царицыномъ. Пусть, — говорящихъ иначе, на чужомъ языкѣ. Пусть... Но суть вещей всетаки та же самая.

И на войнѣ не знаешь, что будетъ съ тобой: прочтешь ли?

Я хочу сказать, что въ жизни своей я встрѣтилъ много крупныхъ людей. Въ томъ числѣ и покойнаго Пилсудскаго и живого сейчасъ Кемаля. Сравнивать не къ чему. Но мое глубочайшее, всей кровью, ощущеніе, что Врангель былъ человѣкъ сильнаго и самаго яркаго таланта.

Побѣднаго... Даннаго Богомъ для побѣдъ.

Не одержанныхъ? Не до конца одержанныхъ? Да!

Но это уже другое, — внѣ Врангелевскаго таланта лежащее. Трещина отъ землетрясенія историческаго... Или можно еще и иначе сказать. По разному. Объ этомъ разномъ и о землетрясеніяхъ историческихъ, я сейчасъ не собираюсь говорить.

Повторяю лишь то, что самъ то Врангель былъ для побѣдъ. Осіян-

Ко времени принятія имъ командованія бѣлыя войска уже вели упорные и затяжные бои въ раіонѣ рѣки Маныча. Наши части уже понесли сильныя потери и явно выдыхались. Надеждъ подходъ свѣжихъ резервовъ не было, ибо одновременно всѣ фронты Вооруженныхъ силъ юга Россіи переживали тяжелый кризисъ. Донская армія изнемогала въ борьбѣ съ превосходными силами красныхъ, и совершенно измученные защитники Донецкаго бассейна напрягали свои послѣднія силы. Положеніе въ армейскомъ тылу, гдѣ бушевали политическія страсти, было тоже тяжелое. Только новый боевой успѣхъ и успѣхъ крупный могъ обезпечить южно-бѣлому движенію его дальнѣйшее развитіе. . .

Извѣстіе о назначеніи генерала Врангеля возглавителемъ ведущейся на Манычѣ операціи, сразу подняло настроеніе войскъ. Таково было уже тогда обаяніе его имени.

Быть можетъ никогда въ дальнѣйшей своей дѣятельности П. Н. не давалъ такого мощнаго разряда своей боевой энергіи, какъ въ тѣ историческіе манычскіе дни. Въ немъ, какъ бы созрѣлъ до предѣльныхъ высотъ тотъ маленькій «бісъ», который когда то такъ напугалъ крестьянъ своимъ видомъ, Былой дѣтскій задоръ переродился въ неудержимое дерзаніе, а былой дѣтскій глазомѣръ осмысленный уже большими знаніями и опытомъ, обострился до крайности.

Глубочайшая вѣра въ себя владѣла имъ въ тѣ дни и передавалась войскамъ. На прекрасномъ конѣ, сопровождаемый

но побѣднымъ. И остался такимъ для насъ навсегда, вопреки нашему крымскому пораженію.

Остался побѣднымъ, — отъ того что нѣтъ никого, кто не чувствовалъ бы инстинктивно Врангелевскую побѣдную сущность!

И я бы хотѣлъ, чтобы эти немногія мои строки, написанныя снова подъ большевицкимъ огнемъ, объяснили всякому, что «Царицынъ» не только воспоминапія, но и призывъ быть воистину на дѣлѣ на Врангелевскомъ военномъ пути.

Н. Бѣлогорскій.

11/24 сентября 1937 г.»

георгіевскимъ значкомъ командующаго арміей, онъ объѣзжалъ свои полки, какъ красочное и бодрящее явленіе. Краткими «врангелевскими» словами подбадривалъ утомленныя части и звалъ ихъ къ побѣдѣ. . .

Быстро разобравшись въ сложной боевой обстановкѣ, неожиданно къ тому же ухудшившейся въ связи съ подходомъ къ противнику коннаго корпуса Думенко, генералъ Врангель весьма остроумной мѣрой переправилъ войска черезъ болотистый, трудно проходимый Манычъ и развернулъ свои конныя силы на восточномъ берегу. Приказалъ развернуть знамена, а трубачамъ играть полковые марши. . .

Какъ на парадѣ, строились полки, гремѣла музыка и рѣяли знамена! Затѣмъ блеснули шашки, раздалось могучее «ура» и конная масса понеслась въ атаку. . . Эта классическая батальная картина, лучше длительныхъ описаній даетъ представленіе, какъ о пріемахъ веденія боя Врангелемъ, какъ и о его духовномъ обликѣ, какъ полководца.

Успѣхъ былъ полный, а съ послѣдующимъ занятіемъ станицы Великокняжеской ликвидировалась и вся X армія красныхъ, чѣмъ возстанавливалось, наконецъ, наше стратегическое положеніе. Въ теченіе этой блестящей операціи большевики потеряли до 15.000 ч. только плѣнными, 55 орудій и до 150 пулеметовъ. Путь къ Царицыну, а слѣдовательно и къ Волгѣ былъ открытъ. . .

Довершивъ пораженіе врага энергичнымъ преслѣдованіемъ, ген. Врангель, во исполненіе директивы Главнокомандующаго, — «овладѣть Царицыномъ» — продолжаетъ движеніе на востокъ. Усиленные свѣжими резервами и имѣя изъ Москвы рѣшительныя требованія во чтобы то ни стало удержать «Красный Верденъ», большевики проявляли большое упорство. Чтобы судить о томъ напряженіи, съ какимъ Врангель велъ бои за овладѣніе укрѣпленнымъ Царицыномъ, достаточно указать, что за время этихъ боевъ его Кавказская армія потеряла убитыми и ранеными — 5 начальниковъ дивизій, 2 командировъ бригадъ и 11 командировъ полковъ.

Послѣ семнадцатидневной операціи войска Врангеля овладѣли 17-го Іюня Царицыномъ. Необходимо, при этомъ, отмѣтить, тотъ удивительно смѣлый планъ, какой примѣнилъ Врангель для непосредственнаго овладѣнія городомъ: онъ совершенно обнажилъ свой фронтъ на двадцать слишкомъ верстъ, сосредоточилъ три четверти своихъ силъ на правомъ флангѣ и столь внушительнымъ кулакомъ нанесъ ударъ вверхъ по Волгѣ. Это была внѣшне азартная, но въ дѣйствительности совершенно обдуманная ставка на психологію врага. И большевицкая карта была бита. . . Въ Манычскихъ бояхъ, а затѣмъ въ Царицынской операціи проявились весьма ярко двѣ главныхъ черты характера Врангеля: неудержимый порывъ и изумительная настойчивость. Сочетаніемъ такихъ крайностей и характеризуется большое военное дарованіе.

II.

Изучая жизнь и дѣятельность П. Н. Врангеля, невольно приходишь къ заключенію, что по своимъ послѣдствіямъ, тогда еще незримымъ, овладѣніе Церицыномъ явилось для П. Н. событіемъ чрезвычайно важнымъ, а въ извѣстномъ смыслѣ и роковымъ. Царицынская побѣда создала его имени большую популярность въ войскахъ. Въ тоже время, на него обратила вниманіе и имъ заинтересовалась иностранная дипломатія въ лицѣ представителей Англіи и Франціи. Такимъ образомъ, генералъ Врангель сразу и замѣтно выдвинулся изъ среды старшихъ начальниковъ, каковое обстоятельство и предопредѣлило, какъ его дальнѣйшую роль въ ведущейся борьбѣ, такъ и его дальнѣйшій крестный путь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, взятіе Царицына послужило, какъ бы причиной къ обостренію отношеній между генераломъ Деникинымъ и генераломъ Врангелемъ, что въ свою очередь оказало большое вліяніе на послѣдующія событія.

Съ занятіемъ Царицына коренным образомъ измѣнялось стратегическое положеніе Бѣлыхъ армій Юга-Россіи. Иниціати-

ва переходила въ руки генерала Деникина и это обстоятельство давало ему долгожданную оперативную свободу. Прибывъ въ Царицынъ, Главнокомандующій отдалъ тамъ 20 Іюня свою извѣстную директиву, вошедшую въ исторію Бѣлой борьбы подъ названіемъ «Московской». Согласно этой директивы, рѣшительный ударъ по большевикамъ предполагалось нанести въ направленіи Донецкій бассейнъ — Харьковъ — Курскъ — Орелъ — Москва. Въ связи съ такимъ планомъ, ударная группа Донецкаго бассейна усиливалась за счетъ войскъ Кавказской арміи. Такимъ образомъ, въ предстоящей операціи на Москву, Кавказской арміи отводилась роль лишь подсобная.

Какъ указывалось уже раньше, П. Н. во время своей болѣзни пришелъ совсѣмъ къ иному плану дальнѣйшихъ дѣйствій, плану, въ который онъ и увѣровалъ со всею страстностью своей натуры. Поэтому не трудно понять, какъ мало онъ сочувствовалъ содержанію Московской директивы.

Исторія всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ знаетъ не мало примѣровъ, когда рѣшенія Главнокомандующихъ не встрѣчали сочувствія подчиненныхъ. Однако, такое разномысліе не имѣло, обычно, никакихъ трагическихъ послѣдствій. Въ данномъ же случаѣ, т. е. въ вопросѣ о Московской директивѣ, обстановка или выражаясь точнѣе — психологическая обстановка, оказалась весьма сложной, а потому и трудной.

По складу ума, характера и по своимъ міровоззрѣніямъ А. И. Деникинъ и П. Н. Врангель были людьми совершенно различными. И судьбѣ было угодно, чтобы столь разныя натуры усвоили, каждый вполнѣ самостоятельно, одно и тоже убѣжденіе. Генералъ Деникинъ и генералъ Врангель заподозрили другъ друга въ томъ, что ихъ коренное расхожденіе по вопросу о Московской директивѣ объясняется не идейными соображеніями, а исключительно личными мотивами. Это трагическое, но вполнѣ добросовѣстное заблужденіе повлекло за собою въ дальнѣйшемъ много печальныхъ и тяжелыхъ послѣдствій. . .

Генералъ Врангель, конечно, принялъ къ исполненію Мос-

ковскую директиву и сталъ выполнять ее со всею добросовѣстностью подчиненнаго. Но Врангель не былъ натурой ординарной, а потому къ нему и нельзя подходить съ обычными, шаблонными мѣрками. Онъ могъ или ярко горѣть выполняемымъ имъ дѣломъ и тогда давать изумительные взлеты своей энергіи и своей творческой фантазіи или только добросовѣстно исполнять директиву, что конечно не воодушевляло П. Н. и не давало его дѣятельности должнаго военнаго вдохновенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, бурная потенціальная энергія Врангеля требовала своего использованія и въ результатѣ, владѣвшее имъ огромное внутреннее напряженіе естественно обратилось въ сторону генерала Деникина. Свою неудовлетворенность онъ фиксировалъ въ рапортахъ и письмахъ, направляемыхъ Главнокомандующему. Къ сожалѣнію, взаимное непониманіе не только не разъяснялось, но наоборотъ углублялось и обострялось. Страстности и порыву одной стороны противопоставлялись упорство и неподвижность другой. . .

Разбирая теперь, т. е. въ уже исторической перспективѣ, а слѣдовательно и съ полнымъ безпристрастіемъ Московскую директиву, надо признать, что если съ точки зрѣнія военныхъ принциповъ «волжскій варіантъ» Врангеля былъ несомнѣнно правильнымъ, то и московскій варіантъ плана борьбы въ масштабѣ обще-россійскомъ, имѣлъ свои положительныя стороны съ точки зрѣнія какъ экономическихъ, такъ и политическихъ соображеній.

Что касается волжскаго варіанта, то онъ давалъ надежду на возможность соединенія южно бѣлыхъ армій съ восточными арміями адмирала Колчака. Въ этомъ была его огромная цѣнность, огромная военная цѣлесообразность.

III.

Въ началѣ Марта 1920 г., генералъ Врангель былъ освобожденъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и выѣхалъ въ Константинополь. Судьба, однако, готовила ему не вынужденное бездѣйствіе, а новый и тернистый путь. 22-го Марта онъ былъ назначенъ преемникомъ генералу Деникину и вступилъ въ командованіе остатками Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, собравшимися въ Крыму послѣ различныхъ эвакуацій.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію дѣятельности П. Н. Врангеля, какъ Главнокомандующаго, необходимы нѣкоторыя предпосылки, знакомство съ которыми помогутъ вѣрно уяснить логику и направленіе его дальнѣйшей работы.

Положеніе строевыхъ начальниковъ въ гражданскую войну было чрезвычайно тяжелымъ. Постоянные, упорные и затяжные бои, обычно съ численно превосходнымъ врагомъ, требовали крайняго напряженія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ. Въ этой непрерывной боевой страдѣ, все вниманіе строевыхъ начальниковъ неизбѣжно отдавалось заботамъ только текущаго дня. Такая обстановка не давала возможности сосредоточиться на разборѣ и провѣркѣ уже имѣвшагося огромнаго боевого опыта и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы. Только отдѣльныя лица, склонныя къ философскому мышленію пытались осознать происходившія событія и разобраться въ ихъ военно-идейной сущности. А разобраться было въ чемъ и необходимость такого синтеза была очевидной. . .

Революція и начавшаяся затѣмъ гражданская война внесли въ военный обиходъ рядъ существеннѣйшихъ измѣненій. Прежде всего и больше всего измѣнила привычную, вѣками сложившуюся военную психологію идея добровольчества. Являясь въ первый періодъ своего осуществленія выраженіемъ величайшей жертвенности, эта идея постепенно подмѣняла свою первоначальную формулу высокой моральной цѣнности «воюю потому что хочу», иной болѣе низменной, а потому и таившей въ себѣ источникъ опасныхъ соблазновъ — «воюю какъ хочу».

Въ результатѣ, былой комплексъ военно-идейныхъ понятій подвергся значительному измѣненію, что въ свою очередь и неизбѣжно закрѣпило въ жизни и дѣятельности Бѣлой арміи систему импровизацій. Этика, принципы дисциплины, оперативное творчество, административныя мѣропріятія, все это подверглось переоцѣнкѣ. Былыя высокія идеи снижались и низводились до уровня господствующихъ тогда упрощенныхъ взглядовъ и огрубѣвшихъ понятій. Правовыя нормы замирали...

Впрочемъ въ первый періодъ добровольчества, совокупность всѣхъ этихъ ошибокъ, недочетовъ и заблужденій не давала еще всѣхъ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, какія выявлялись въ дальнѣйшемъ, ибо армія была небольшой, дѣйствовала въ кулакѣ и собственнаго тыла не имѣла. Когда же борьба развернулась уже во всероссійскомъ масштабѣ и Вооруженныя силы юга Россіи заняли тысячеверстный фронтъ — отъ Волги до Днѣпра, армейскій организмъ оказался уже тяжело больнымъ. Запущенная болѣзнь приняла острыя формы.

По неизмѣннымъ военнымъ законамъ прежде всего сталъ сдавать и разваливаться плохо организованный тылъ. Въ результатѣ, располагая всѣми возможностями для своего усиленія, армія, ко времени рѣшительнаго столкновенія съ большевиками, оказалась настолько обезсиленной, что исправить органическіе недочеты всей системы не могла уже и легендарная доблесть фронта.

Переписка генерала Врангеля съ генераломъ Деникинымъ въ 1919 г. свидѣтельствуетъ, что П. Н. одинъ изъ первыхъ понялъ необходимость измѣненія методовъ борьбы и упроченія въ арміи регулярныхъ началъ. Однако онъ, какъ и всѣ другіе строевые начальники, былъ слишкомъ перегруженъ текущей работой, чтобы имѣть возможность рѣшить вопросъ о назрѣвшихъ реформахъ. Эту возможность онъ получилъ только тогда, когда обстоятельства заставили его временно прервать свою службу въ арміи и выѣхать заграницу. Такимъ образомъ, судьбѣ было угодно, чтобы въ эти весьма для него морально тяжелые дни, П. Н. могъ продумать все то, что подсказывалъ ему

108

раньше его военный инстинктъ. Поэтому, когда Врангель вернулся снова въ Крымъ, чтобы возглавить борьбу, онъ привезъ съ собой продуманный и стройный планъ реорганизацiи армiи. Былъ ли такой планъ записанъ на бумагѣ или оформился только въ его умѣ, это, конечно, неважно. Важно то, что, находясь въ изгнанiи, Врангель предрѣшилъ реформу.

Одной изъ первыхъ мѣръ генерала Врангеля, какъ Главнокомандующаго, было переименованiе Вооруженныхъ силъ юга Россiи въ Русскую армiю. Этотъ фактъ необходимо отмѣтить потому, что это переименованiе являлось не только формальнымъ, но знаменовало собою программу рѣшительныхъ, коренныхъ реформъ. Въ крымскiй перiодъ, дiагнозъ болѣзни былъ поставленъ вѣрно и руководимыя новымъ Главнокомандующимъ крымскiя войска свернули наконецъ на единственно вѣрный путь — путь Русской армiи! Въ результатѣ, реформированная Русская армiя, съ поразительной быстротой, снова вернула вѣру въ себя и въ свое нацiональное значенiе.

Мы знаемъ теперь, какой, казалось, безнадежной представлялась политическая и военная обстановка Крыма въ тѣ дни, когда, повинуясь только долгу, П. Н. принялъ на себя тяжкiй крестъ Правителя и Главнокомандующаго. Какимъ пламеннымъ духомъ надо было обладать, какую несокрушимую волю надо было тогда имѣть, чтобы не только вернуть лично себѣ вѣру въ возможность продолженiя борьбы, но увлечь этой вѣрой и свои войска! Что то былинное, нечеловѣческое проявлялось тогда въ духовномъ образѣ Врангеля. . .

Надѣленный всей полнотой власти, П. Н. въ должности Главнокомандующаго, ведетъ чрезвычайно красочные бои за выходы изъ Крыма и за дальнѣйшее уширенiе оперативнаго плацдарма. Характерной особенностью этихъ боевъ являлось гармоничное сочетанiе порывовъ кавалерiйскаго сердца Врангеля съ точнымъ, хладнокровнымъ расчетомъ одареннаго полководца.

Чтобы имѣть представленiе о полководческой дѣятельности Врангеля вообще, достаточно указать на его операцiю

противъ коннаго корпуса Жлобы, операцію, потрясающую военное воображеніе. Съ удивительнымъ искусствомъ и хладнокровіемъ. Врангель заманилъ конную массу красныхъ, окружилъ ее пѣхотными частями и затѣмъ стремительнымъ ударомъ покончилъ съ нею. Военная исторія знаетъ немного примѣровъ, когда принципъ сосредоточенія силъ, т. е. важнѣйшій военный принципъ, былъ бы столь полно и блестяще осуществленъ, какъ осуществилъ его генералъ Врангель въ этой операціи.

Въ крымскій періодъ борьбы съ большевиками, военную дѣятельность П. Н. нельзя разсматривать, какъ только внутренне-русское дѣло. Въ это время велась и Польско-совѣтская война. И для того, чтобы оцѣнить все значеніе личности и дѣятельности генерала Врангеля, необходимо указать, что болѣе 40 пѣхотныхъ и болѣе 20 конныхъ совѣтскихъ пополненныхъ и устроенныхъ полковъ, уже направленныхъ на польскій фронтъ, были съ пути повернуты на югъ и брошены противъ Врангеля. Не трудно себѣ представить, что произошло бы, еслибы эти внушительныя силы продолжали бы свое движеніе на западъ... Впрочемъ, кто и когда, за рѣдчайшимъ исключеніемъ, цѣнилъ русскіе самопожертвованіе и героизмъ?

Въ Крыму Врангель сдѣлалъ все, что было въ его возможностяхъ, и, конечно, не его вины въ томъ, что соотношеніе силъ и средствъ оказалось несоизмѣримымъ.

Разсматривая дѣятельность генерала Врангеля, какъ Главнокомандующаго, невозможно не остановиться на вопросѣ объ эвакуаціи Крыма, ибо эта операція, по своей сущности, чрезвычайно сложная и трудная, проявила во всей полнотѣ административныя дарованія П. Н. Задуманная втайнѣ, подготовленная очень вдумчиво, она была осуществлена съ полнымъ успѣхомъ. Врангель предусмотрѣлъ все, что было въ человѣческихъ силахъ. Его задачей было вывезти боеспособную армію, ибо на этой задачѣ основывались и всѣ его дальнѣйшіе политическіе расчеты. Чтобы судить о томъ, какъ обезпечилъ Врангель свои войска, вывозя ихъ изъ Россіи, достаточно при-

вести хотя бы краткій перечень того огромнаго имущества, которое въ Константинополѣ было «реквизировано» французскими оккупаціонными властями у Русской арміи въ уплату за скудный армейскій паекъ:

45.000	винтовокъ
350	пулеметовъ
60.000	ручныхъ гранатъ
330.000	снарядовъ
12.000.000	ружейныхъ патроновъ.

300.000	пудовъ зерна
20.000	пудовъ сахару
17.000	пудовъ чаю
50.000	пудовъ разныхъ продуктовъ.

до 200.000	комплектовъ обмундированія
340.000	комплектовъ бѣлья
58.000	паръ обуви
40.000	пудовъ кожи
140.000	штукъ одѣялъ
810.000	метр. сукна и мануфактуры
	и пр. и пр.

И, понятно, что менѣе всего повиненъ генералъ Врангель въ томъ, что въ дальнѣйшемъ русскія войска терпѣли невѣроятныя лишенія въ лагеряхъ Галлиполи и Лемноса. Въ лицѣ своей арміи и его Главнокомандующаго, Россія снова была предана. . .

Впрочемъ, такое поведеніе бывшихъ «союзниковъ» лишь послужило къ вящему усиленію авторитета Врангеля, какъ вождя. Въ тѣ незабываемые трагическіе дни Босфоръ являлъ картину единственную въ своемъ родѣ: голодная, холодная, раздѣтая и только что покинувшая свою Родину армія съ ве-

личайшимъ энтузіазмомъ встрѣчала своего Главнокомандующаго!

Встрѣчала такъ, потому что П. Н. Врангель былъ природнымъ вождемъ. Въ этомъ было его призваніе, въ этомъ былъ и его рокъ!

Б. Штейфонъ.

Бѣлградъ 6-го октября н. с. 1929 г. Гробница генерала Барона П. Н. Врангеля въ русской церкви въ день перенесенія его праха изъ Брюсселя въ Бѣлградъ.

Нашъ Вождь

«... Пусть говорятъ намъ, что Россія погибла, что родныхъ намъ Арміи и Флота нѣтъ — мы знаемъ, что это ложь!.. Россія жива... — Истерзанную и измученную мы вынесли Ее на своихъ знаменахъ. Этихъ знаменъ, пока мы живы, не вырвать изъ нашихъ рукъ... Мы пронесемъ ихъ сквозь смерть и страданія и водрузимъ на Родной Землѣ»...

(Изъ приказа ген. Врангеля).

Исторія знаетъ мало примѣровъ, чтобы въ постигшемъ его пораженіи вождь не только сохранилъ свои авторитетъ и обаяніе, но и утроилъ, уесятерилъ ихъ — Русская Бѣлая армія и ея вождь-спаситель дали въ этомъ урокъ и самой исторіи... — Кому неизвѣстно, что та гордость, любовь и восхищеніе, что наполняли сердца бойцовъ арміи ген. Врангеля въ періодъ героической крымской эпопеи, какъ дань ореолу славы своего вождя, перешли въ поклоненіе, обожаніе и восторгъ въ годъ крушенія всего и страшныхъ моральныхъ испытаній? — Чѣмъ объяснить это «колдовство», т. к. вѣдь ясно, что какимъ-то даромъ «чарованія» владѣлъ тотъ, для чьего возвеличанія были лишними всякія званія и титулы, ибо и само одно только имя его уже покоряло своею стальной звучностью?..

Я не преувеличиваю. — Въ оплетенныхъ колючей проволокой лагеряхъ Польши, гдѣ четыре мѣсяца тосковали отряды генерала Бредова, куда достигли поистинѣ страшные слухи о Новороссійской катастрофѣ, убивъ, казалось, послѣднія на-

дежды, кѣмъ-то произнесенное имя «Врангель» стало въ кратчайшій срокъ не требующимъ никакихъ доказательствъ въ своей силѣ, оплотомъ всѣхъ сразу вдругъ вновь возродившихся упованій; — какое-то инстинктивное чувство безграничнаго довѣрія вспыхнуло въ уставшихъ сердцахъ къ человѣку, котораго подавляющее большинство знало лишь по наслышкѣ, а то и вовсе не знало. Изъ отрывочныхъ пересказовъ людей, слышавшихъ о прошломъ генерала или послужившихъ подъ его начальствомъ короткое время, уже стали складываться эпическія былины, въ коихъ новый богатырь-Вождь надѣлялся всѣми дарами и качествами, требуемыми отъ истиннаго, Божьей милостью, Вождя.

Казалось-бы, что русскихъ офицера и добровольца временъ Гражданской войны нельзя было удивить ни удалью, ни отвагой, ни подвигомъ, ни славой; а ихъ вожди составляли исключительно героическій и подвижническій сонмъ, гдѣ каждый за вѣнкомъ лавровымъ награждался и вѣнцомъ терновымъ. Но и въ этой безконечно-славной стаѣ Императорскихъ орловъ Врангель все же выдѣлялся своимъ кипѣніемъ, красочностью, государственнымъ умомъ и военными дарованіями; въ немъ какъ-бы слилось воедино все лучшее и сильнѣйшее, чѣмъ богаты были вожди Бѣлой арміи. Правда, что «кому больше дано, съ того больше и спросится». Врангелю было дано многое: и кровь многовѣкового рода воиновъ, и положеніе въ обществѣ, и способности, и блестящая карьера. Все это вмѣстѣ взятое и способствовало созданію славы и обаянія того человѣка, которому въ сердцахъ его соратниковъ суждено было стать тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ.

— «Здравствуйте, родные орлы! . .»

— Да, среди насъ были орлы — орлы отважные, быстролетные, лихо бьющіе. . . Но къ кому больше всего подходилъ этотъ эпитетъ «орелъ», какъ не къ самому Врангелю, изъ чьихъ устъ мы всегда слышали это незабываемое «Врангелевское» привѣтствіе? — Да, но не «орелъ», а «*орелъ*» — могучій, стремительный въ полетѣ и въ ударѣ, царственно величественный

сердцемъ, но и царственно простой. Орелъ, не считающій враговъ, презирающій опасность, благородный и отважный. . .

Всѣ лучшія качества русскаго человѣка, дворянина и офицера, — блестящее дарованіе полководца — «конника», — трезвый всеобъемлющій умъ, безпредѣльная преданность долгу и пониманіе его, хладнокровіе въ сочетаніи съ порывистостью и кипучей энергіей, врожденный аристократизмъ духа наравнѣ съ необычайной простотой, глубочайшая любовь къ своимъ «роднымъ орламъ» и сердечныя заботы о нихъ, и, наконецъ, его умѣніе держать высоко, твердо и гордо Русское Знамя въ любыхъ условіяхъ, передъ любыми людьми и, даже одному передъ цѣлой коалиціей государствъ. . . — Да, такъ было! . . — ибо никакіе «высокіе комиссары» великихъ державъ, со всѣми ихъ угрозами, подкрѣпляемыми эскадрами дредноутовъ, не смогли сломить упорной воли вождя, рѣшившаго сохранить свою армію и *ее сохранившаго.*

. . . Такъ «просто» было-бы въ свое время не ѣхать въ Крымъ, на почти безнадежную борьбу; — такъ «просто» было-бы, спася титаническимъ усиліемъ полтораста тысячъ русскихъ людей и заслуживъ ихъ благодарность, отойти «въ сторону», не «донкихотствовать», вернуться къ спокойной семейной жизни, обезпеченной какой-либо пенсіей отъ довольныхъ такой развязкой «союзниковъ»; — такъ «просто» было-бы сказать: «Намъ не повезло — борьба кончена!» и помочь своимъ соратникамъ разсѣяться по бѣлу-свѣту. Этому помогла бы вся демократическая Европа, вся русская либеральная (и лѣвѣе того) общественность, коей не нужно было-бы уже «спасать армію отъ Врангеля. . .»

— Такъ все было-бы «просто и честно»! . .

Въ «босфорскій моментъ» эпопеи 1920 года, когда послѣднія надежды побѣдить исчезли, когда голодная и измученная армія осталась безъ союзниковъ, территоріи, оружія, казны и всякаго проблеска впереди, безсильная, вся на милости версальскихъ побѣдителей — въ этотъ моментъ понадобилось все величіе Врангеля, вся его духовная мощь, чтобы не поддаться

отчаянію и чтобы, — наоборотъ, — придти къ героическимъ рѣшеніямъ, лишній разъ давшимъ славу Русской арміи.

Мы не знаемъ, какъ дались Врангелю эти рѣшенія; можетъ-быть, послѣ тяжелыхъ и безплодныхъ совѣщаній, измученный, подавленный происшедшимъ, угнетенный «натискомъ» Верховныхъ комиссаровъ Антанты, оставшись — одинъ, онъ, сидя за столомъ, нервно сжималъ голову обѣими руками и въ тысячный разъ передъ нимъ возставалъ роковой вопросъ: — «быть или не быть?» — уступить-ли ужасной дѣйствительности, нажиму «союзниковъ» и совѣтамъ друзей и прервать временно борьбу, поставивъ крестъ на томъ, что невозможно было сохранить — или, вопреки всему на свѣтѣ, перебороть это самое «невозможное» и удержать поднятымъ на чужбинѣ Русское знамя до лучшихъ временъ? . .

Врангель рѣшилъ «вопреки всему на свѣтѣ»... Прошло съ тѣхъ поръ уже семнадцать лѣтъ и это Врангелевское «вопреки всему на свѣтѣ» существуетъ и понынѣ, въ лицѣ Русскаго Обще-Воинскаго союза, отъ Галлиполи и иныхъ лагерей до смерти своего послѣдняго Главнокомандующаго и отъ этой смерти до сихъ дней выдерживающаго всѣ атаки, со всѣхъ сторонъ — справа и слѣва, отъ друзей и враговъ, отъ «союзниковъ» и соотечественниковъ; скала, о которую разбиваются бѣшенныя волны, отщепливающія лишь надтреснувшіе кусочки... Помни завѣты Врангеля — все будетъ нипочемъ! . .

... Господь далъ намъ такого вождя! . . Именно «Вождь Божьей милостью». Если Русская армія на чужбинѣ и устояла отъ перваго, десятаго и сотаго натиска, то лишь по слову своего вождя, передъ которымъ, по существу совершенно безсильнымъ человѣкомъ, пасовали всѣ власть и силу имущіе. Каковы бы не были достоинства и недостатки Врангеля (у кого послѣднихъ нѣтъ?), но никто другой не смогъ-бы его замѣнить въ его борьбѣ за армію. И значекъ Главнокомандующаго не упалъ въ ту пору со своего древка и склонился лишь послѣ, для того, чтобы осѣнить непробуднымъ сномъ спящаго вождя...

Унижаемымъ лично и въ своей любви къ Родинѣ и въ гор-

дости за ея былое величіе русскому офицеру и русскому добровольцу было безмѣрно отрадно слышать смѣлый, полный глубочайшаго достоинства, благородства и справедливаго негодованія голосъ своего вождя, беззавѣтно отдавшаго себя до конца дней своихъ на защиту Бѣлаго дѣла, на защиту Русской арміи, ея чести и славы. . .

Вотъ все это и дѣлало генерала барона Врангеля — просто «Врангелемъ» для его соратниковъ и изъ Главнокомандующаго — Вождя-кумира. Было что-то и еще — неуловимое и необъяснимое, какія-то «чары» обаянія, связывавшія наши души съ душей нашего любимѣйшаго вождя — «Божьей милостью Вождя», ибо именно таковымъ былъ Врангель: «водить» полки — одно, но стать Вождемъ сердецъ — это не достигается науками, трудами или стараніями — это даръ природы, даръ свыше. Врангель не завоевывалъ сердца насильно — они сами покорялись его обаянію, ореолу его славы, исключительности его натуры. — Полный благородства и отваги, истинный «богъ войны», всегда готовый и самъ поскакать на врага, какъ когда-то во времена Каушена, — блестящій и импозантный, несмотря на старую черкеску, весь въ порывѣ, Врангель легко плѣнялъ чувства и сердца тѣхъ, кто изъ-за высокихъ чувствъ пошелъ на борьбу, этими чувствами жилъ и кто всѣмъ сердцемъ ждалъ и искалъ человѣка, способнаго его воодушевлять и вести къ священной цѣли.

Нашъ долгъ запечатлѣть на-вѣки тотъ моментъ въ жизни арміи и Врангеля, который сталъ его апофеозомъ — его посѣщеніе Галлиполи лѣтомъ 1921-го года.

Смотръ-парадъ Галлиполійскому гарнизону. . . Несмолкаемое, изступленное «ура». . . Турки срываютъ съ себя фески — ихъ захватилъ тоже общій восторженный психозъ. . .

Парадъ въ лагерѣ. . . Хмурое небо, завѣса тучъ, разорвавшаяся подъ лучами сіяющаго солнца, когда Врангель сошелъ съ автомобиля — какъ въ доброе старое время въ Царскіе смотры. . . И съ надъ-лагерной горы, кружа и паря въ прекрасной синевѣ вразъ очистившагося неба, слетѣлъ огромный орелъ —

навстрѣчу орлу-вождю. . . — Случайность? Совпаденіе? Пусть такъ, но въ глазахъ многихъ тысячъ готовыхъ за своимъ вождемъ идти на смерть людей это былъ знакъ, что и сама природа отмѣчаетъ исключительнымъ образомъ того, въ комъ все было исключительно. . .

Давно это было. . . мы были молоды, восторженны. . . Такими мы были и на «Акъ-Денизѣ», когда по дорогѣ въ Болгарію, въ Царьградѣ, чуть не съ разсвѣта ждали пріѣзда своего Врангеля, когда нѣсколько тысячъ человѣкъ, отъ трюма и до мачтъ, слились въ одномъ безумномъ и безконечномъ «ура», какъ только Врангель показался вдали на синей глади Босфора, пока «приставалъ», поднимался и обходилъ весь пароходъ — непрерывное «ура» тѣхъ, кто его видѣлъ и не видѣлъ... Мы кричали, мы смѣялись, мы лили слезы отъ радости видѣть своего вождя — потому-ли только, что мы были молоды и восторжены? Но отчего-же были слезы на глазахъ у тѣхъ двухъ старыхъ полковниковъ, что стояли на палубѣ рядомъ со мной и также, какъ я и другіе, дико и несуразно «вопили» «ура», всполошившее весь Босфоръ? . .

И будто что-то оторвалось отъ сердца, когда высокая фигура, стоя на катерѣ, сгибалась въ поясномъ поклонѣ, съ обнаженной головой, долго-долго, пока не исчезъ и самый катеръ. . .

— Кто зналъ, что это было прощаніе навсегда!

Когда я былъ на минѣ «Перникъ», въ Болгаріи, мнѣ пришлось стать передатчикомъ словъ П. Н. Врангеля, адресованныхъ «перничанамъ»; переписанное надлежащимъ образомъ впослѣдствіи, послѣ смерти любимаго вождя, это обращеніе въ рамкѣ подъ стекломъ заняло почетное мѣсто на одной изъ стѣнъ Галлиполійскаго собранія, гдѣ, навѣрное, находится и понынѣ. Такъ какъ это обращеніе не носитъ характера «частно-перничанскаго», а выражаетъ мысли и чувства П. Н. Врангеля для всѣхъ его вѣрныхъ соратниковъ, то я его и привожу:

«. . . Личной жизни у меня давно нѣтъ — она отдана родной Арміи и Россіи, отдана легко, ибо вѣра и любовь, которую

чувствую постоянно, помогаютъ нести легко тяжелый крестъ. Путь крестный еще не конченъ, но пока мы сильны своимъ единствомъ, онъ не страшенъ. Передайте моимъ соратникамъ, что оторванный отъ нихъ, я мыслями и сердцемъ денно и нощно съ ними».

Строкъ немного, строки простыя, но полныя глубокихъ чувствъ. Ихъ правда была доказана много-много разъ, ихъ искренность была подтверждена послѣднимъ вздохомъ Врангеля, послѣднею мыслью: «Боже, спаси Армію». Наконецъ, смыслъ этихъ строкъ былъ тотъ, что онѣ являлись отвѣтомъ на тѣ чувства, какими полны были сердца «родныхъ орловъ» въ отношеніи своего вождя и подтвержденіемъ той внутренней душевной связи, какая существовала между ними и ихъ вождемъ.

Въ горестные апрѣльскіе дни 1928 года наши сердца охватывала исключительная печаль, порой отчаяніе, такъ какъ мы не мыслили себя безъ своего Врангеля, да и слишкомъ много надеждъ было на него возложено, слишкомъ ярка была его личность и слишкомъ крѣпко она слилась въ одно общее съ Бѣлымъ дѣломъ, чтобы въ нашихъ головахъ и сердцахъ его смерть не восприняла значенія финальной и непоправимой катастрофы.

. . . «Ломаюсь, но не гнусь! . .»

Таковъ гордый фамильный девизъ Врангеля, имъ оправданный до конца дней своихъ. Этотъ девизъ создалъ ему жизнь, богатую событіями, подвигами, озаренную славой, отравленную ненавистью однихъ и украшенную любовью другихъ, полную борьбы; — этотъ девизъ далъ ему силу гордо и смѣло держать на чужбинѣ Русское Знамя, онъ-же вписалъ его имя въ исторію, онъ же подорвалъ его здоровье и привелъ его прахъ подъ сѣнь полутораста Русскихъ знаменъ бѣлградскаго храма — упокоеніе, достойное Вождя-героя! . .

В. Варнекъ.

Лампада душъ.

Въ русскомъ храмѣ Бѣлграда склонились знамена,
Надъ могилою скромной въ мерцаньи лампадъ
Къ той могилѣ идутъ отъ изгнанья и стона,
Чей къ Руси устремляется взглядъ. . .

У знаменъ, осѣняющихъ эту могилу,
Истомленные горемъ и гнетомъ судьбы,
Люди русскіе ищутъ надежду и силу
Для терпѣнья и новой борьбы.

Тамъ спитъ Вождь! . . Честный вождь русской арміи бѣлой,
Не щадя съ дѣтскихъ лѣтъ ни здоровья, ни силъ,
Онъ служенью Россіи, съ отвагою смѣлой,
Свою душу и жизнь посвятилъ.

Онъ Россію любилъ и ей вѣрилъ глубоко,
За нее, въ дни войны и кровавыхъ невзгодъ,
Всталъ онъ — рыцарь безъ страха и тѣни упрека
Крѣпкій духомъ — герой патріотъ!

За церквей поруганье, за кровь, за могилы,
На все злое, что родину стало терзать,
Вдохновляя другихъ, отдавая всѣ силы,
Велъ онъ бѣлую рать!

Не сподобилъ Господь, за труды и страданья
Увидать ему мигъ, когда цѣпи спадутъ,
И всѣ русскіе сердцемъ, изъ дали изгнанья
Снова въ русскую землю придутъ.

Онъ угасъ на пути, съ вѣрой чистой и смѣлой,
Спитъ подъ сѣнью склоненныхъ знаменъ,
И какъ рыцарь мечты нашей честной и бѣлой
Въ русскихъ душахъ останется онъ.

И когда для насъ время настанетъ иное,
И разсвѣта лучи на востокѣ блеснутъ,
Къ возрожденной Россіи, оцѣнку героя,
Изъ изгнанья въ сердцахъ принесутъ!!

Скажутъ всѣмъ, какъ была она душамъ отрада,
Какъ предъ нею смирялся нашъ стонъ
И горѣть она будетъ всегда, какъ лампада,
У родныхъ нашихъ русскихъ знаменъ.

Озаряя насъ свѣтомъ мечты издалека,
Вѣчной мыслью, о томъ, какъ во мглѣ,
Рыцарь бѣлый безъ страха и тѣни упрека,
Звалъ *примѣромъ* насъ къ русской землѣ!

Кн. Федоръ Косаткинъ Ростовскій.

Родъ Врангелей.

Въ 1219 г. король датскій Вальдемаръ II Побѣдоносный завоевалъ Эстляндію, и до 1347 г. бо́льшая часть этой страны входила въ составъ датскаго государства. Въ «Liber Census Daniae» (около 1240 г.) упоминается Dominus Eilardus которому принадлежитъ деревня «U v a r a n g a l a e in parochia Halelae»; это — нынѣшнее Варангу въ Галяльскомъ приходѣ въ восточной Эстляндіи. Въ этой части страны уже въ 13-мъ столѣтіи находились обширныя ленныя владѣнія рода, который тогда сталъ называться по мѣсту Варангу. Впервые мы встрѣчаемъ фамилію *«Врангель»* въ документѣ 1277 г., гдѣ упоминается D o m i n u s H e n r i c u s d e W r a n g e l e; 5. 3. 1279 г. онъ палъ въ сраженіи противъ литовцевъ, вмѣстѣ съ ревельскимъ фохтомъ Эйлардомъ и другими эстляндскими рыцарями, участвовавшими въ походѣ Магистра Ордена Эрнста ф.-Расберга.

Въ 1346 г. датскія территоріи въ Эстляндіи были проданы Ордену. До потери своей самостоятельности, въ 1561 г., Лифляндія (въ обширномъ смыслѣ) состояла изъ Орденской области и территорій архіепископа и четырехъ епископовъ. Въ этотъ періодъ родъ Врангелей увеличивалъ свои владѣнія и многіе члены его занимали видныя должности; владѣтельными правителями были: епископъ дерптскій Генрихъ II (1400—

1410 гг.), серебряныя монеты съ гербомъ котораго сохраняются въ ревельскомъ музеѣ, и епископъ ревельскій Морицъ (1558-1561 гг.). —

Съ 14-го столѣтія можно установить безпрерывную филіацію; родъ раздѣляется на три главныхъ линій:

Первая прекратилась въ 1737 г.; ея послѣднимъ представителемъ былъ брюссельскій губернаторъ, римско-императорскій фельдмаршалъ и испанскій *графъ Фабіанъ Врангель.*

Вторая главная линія подраздѣлилась на три вѣтви, понынѣ процвѣтающія; ко второй вѣтви принадлежитъ шведскій *фельдмаршалъ Баронъ Карлъ-Генрихъ Врангель* (1681-1755 г.г.), герой сраженія подъ Вильманстрандомъ; къ третьей — знаменитый изслѣдователь полярныхъ странъ, генералъ-адъютантъ, *Адмиралъ Баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель* (1796—1870 г.г.), имя коего сохранилось и въ географическихъ названіяхъ (напр. городъ Wrangell и гора Wrangell въ Аляскѣ и острова Врангеля въ Ледовитомъ океанѣ).

Третья главная линія состоитъ изъ одиннадцати вѣтвей; къ одной изъ коихъ принадлежитъ *Баронъ Петръ Николаевичъ Врангель.* Упомянемъ изъ числа выдающихся представителей этой третьей главной линіи лишь трехъ шведскихъ *фельдмаршаловъ: Германа* «Старшаго» († около 1627 г.), *Германа* «Младшаго» (1585—1643 гг.) и *Графа Карла-Густава* (1613-1676 гг.), главнокомандующаго шведской арміи въ Германіи въ послѣдній періодъ Тридцатилѣтней войны; затѣмъ трехъ кавалеровъ ордена Серафимовъ: вице-адмирала *Графа Антона-Іогана* (1679-1763 гг.), Адмирала *Графа Антона-Іогана* (1724-1799 гг.) и министра иностранныхъ дѣлъ и оберкамергера *Графа Германа* (1857-1934 г.г.); наконецъ двухъ кавалеровъ ордена Св. Георгія 3-й степени: генералъ-адъютанта, генерала отъ инфантеріи *Барона Александра Евстафьевича* (1804-1880 гг.); отличавшагося на Кавказѣ, и генерала-отъ-инфантеріи *Барона Карла Карловича* (1800-1872 гг.), извѣстнаго взятіемъ турецкой крѣпости Баязета въ 1854 г.

Во второй половинѣ 16-го и въ началѣ 17-го столѣтій Эстляндія и Лифляндія присоединяются къ Швеціи, подъ властью которой продолжаютъ состоять до 1710 г. Въ этотъ періодъ Врангели, отличавшіеся на государственной, особенно на военной, службѣ, награждаются шведскими монархами помѣстьями и баронскими и графскими титулами. Нѣкоторые изъ нихъ переселяются въ Швецію и основываютъ тамъ вѣтви рода, частью прекратившіяся (какъ напр. потомство Фельдмаршала Графа Карла-Густава, знаменитый дворецъ котораго — Скугклостеръ на Меларскомъ озерѣ — теперь принадлежитъ Барону фонъ-Эссенъ), частью понынѣ процвѣтающія въ этой странѣ. Особенно внушителенъ списокъ Врангелей въ книгѣ А. Левенгаупта «Karl XII: s Officerare». Изъ 79 Врангелей, служившихъ въ арміи короля-героя, убито 13 (изъ нихъ три подъ Полтавой *) и умерло во время службы и въ плѣну семь.

Въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го столѣтія Врангели начинаютъ отличаться на русской службѣ. Высшихъ военныхъ чиновъ достигаютъ они особенно въ царствованія Императоровъ Николая I. и Александра II. Мы уже упомянули о двухъ кавалерахъ Ордена Св. Георгія 3-й степени. Когда 26. дек. 1870 г. прусскій фельдмаршалъ и Графиня Врангель въ Берлинѣ праздновали шестидесятилѣтіе своей свадьбы, они получили отъ Врангелей изъ С.-Петербурга поздравительную телеграмму, подписанную между прочимъ двумя генералами — отъ — инфантеріи, однимъ генераломъ — отъ — кавалеріи, однимъ генераломъ — отъ — артиллеріи и однимъ адмираломъ. *)

Прусская линія Врангелей беретъ свое начало въ 18-мъ столѣтіи. При Фридрихѣ Великомъ изъ Курляндіи въ Пруссію переселился Фридрихъ Эрнстъ фонъ Врангель, который до-

*) Часто цитированное фамильное преданіе, что въ шведской могилѣ при Полтавѣ покоятся 22 Врангеля, не соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ.

*) Другой россійскій адмиралъ — Генералъ-адъютантъ Баронъ Ф. П. Врангель — скончался въ Маѣ того же года.

стигъ чина генералъ-маiора и получилъ орденъ «Pour le Mérite» (1720-1805 гг.). Старшiй его сынъ, генералъ-лейтенантъ *Баронъ Людовикъ ф. Врангель* (1774-1851 гг.), является родоначальникомъ нынѣ процвѣтающей прусской линiи, младшiй-же — *фельдмаршалъ Графъ Фридрихъ ф.-Врангель* (1784-1877 гг.) прiобрѣлъ историческую извѣстность не столько какъ выдающiйся кавалеристъ и какъ главнокомандующiй союзными прусско-австрiйскими войсками въ войнѣ 1864 г., сколько безкровнымъ укрощенiемъ революцiи 1848 г. въ Берлинѣ, гдѣ благодарный Король воздвигъ ему памятникъ на Лейпцигской площади; память объ этой популярной личности понынѣ жива среди берлинцевъ. Фридрихъ ф. Врангель, большой другъ Россiи и поклонникъ рыцарски-благороднаго ея Императора Николая I, еще въ 1807 г. получилъ орденъ Св. Владимiра IV ст. съ бантомъ, который онъ постоянно носилъ; впослѣдствiи ему были пожалованы орденъ Св. Андрея Первозваннаго съ бриллiантами и шефство 33-го Елецкаго пѣхотнаго полка; портретъ, изображающiй фельдмаршала въ русской формѣ, показывался на Врангельской выставкѣ въ Лундѣ, въ августѣ 1937 г. — Племянникъ его, генералъ отъ инфантерiи *Баронъ Карлъ фонъ Врангель* отличился въ 1866 и 1870/71 гг. Онъ четвертый представитель сравнительно немногочисленной прусской линiи рода который былъ награжденъ орденомъ «Pour le Mérite»; памятникъ его находится въ гор. Шлезвигѣ.

Наконецъ есть и голландская вѣтвь рода, которая происходитъ изъ Швецiи. Извѣстнѣйшимъ ея представителемъ является нидерландскiй генералъ-лейтенантъ Jonkheer Willem v. Wrangel auf Lindenberg (1815-1896 гг.). —

Что касается прямыхъ предковъ Главнокомандующаго, генералъ-лейтенанта *Барона Петра Николаевича*, то, какъ уже было указано, онъ принадлежитъ къ третьей главной линiи рода. Безпрерывная филiацiя ея начинается съ Thidericus (Tile) Wrangele, упомянутаго въ 1346 г. въ качествѣ совѣтника Короля датскаго въ Эстляндiи. *Германъ «Старшiй»*,

въ началѣ 17-го столѣтія былъ шведскимъ фельдмаршаломъ. *) Его внукъ, ротмистръ (впослѣдствіи полковникъ) *Германъ* Врангель († 1675 г.) королевою Христиною въ 1653 г. былъ возведенъ въ баронское достоинство (friherre Wrangel, till Ludenhof); родъ его внесенъ въ списокъ шведскихъ бароновъ въ 1664 г., за № 55.

Сынъ его, *Баронъ Георгій-Густавъ* (1662-1734 гг.) былъ подполковникомъ и командиромъ полка въ арміи Карла XII. Внука и правнука Георгія-Густава мы видимъ уже на русской службѣ, перваго въ чинѣ маіора, второго — поручика.

Сынъ послѣдняго, дѣдъ Барона Петра Николаевича, *Баронъ Егоръ Врангель* (1803-1868 гг.) служилъ Лейбъ-Гвардіи въ Гренадерскомъ полку, въ Турціи (1828 г.) и въ Польшѣ (1831 г.); онъ имѣлъ орденъ Св. Владиміра съ бантомъ и былъ штабсъ-капитаномъ гвардіи. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ имѣнія въ С.-Петербургской губерніи, былъ избранъ Ямбургскимъ предводителемъ дворянства (1853-1868 гг.) и награжденъ чиномъ дѣйствительно статскаго совѣтника. Супруга его, Доротея рожденная фонъ-Траубенбергъ, имѣла въ числѣ своихъ предковъ генералъ-аншефа Абрама Петровича Ганнибала, знаменитаго «Арапа Петра Великаго».

Гербомъ Врангелей, общимъ для всѣхъ линій, является черная стѣна съ тремя зубцами на серебряномъ фонѣ; старѣйшая его форма, впрочемъ — не стѣна, а балка съ тремя зубцами. Первое описаніе герба встрѣчается въ 1314 г. Начиная съ 17-го столѣтія, жалуются нѣкоторымъ членамъ рода дополненія къ гербамъ, къ каковымъ принадлежитъ и шведскій баронскій гербъ, пожалованный предку Барона Петра Николаевича въ 1653 г. Королевою Христиною.
Изображеніе этого баронскаго герба до сихъ поръ виситъ въ залѣ дома дворянства (Riddarhuset) въ Стокгольмѣ.

Баронъ М. Врангель.

---

*) Фельдмаршалъ Германъ «старшій», а не фельдмаршалъ Графъ Карлъ-Густавъ (какъ это указано въ мемуарахъ Барона Николая Егоровича) является предкомъ Барона Петра Николаевича.

Высочайшимъ приказомъ отъ 27 Ноября 1916 г. даровано два года старшинства въ чинѣ полковника съ . . . . 1912 Дек. 6.

Командиромъ 2-ой бригады Уссурійской конной дивизіи . . . . 1916 Дек. 24.

Высочайшимъ приказомъ произведенъ за боевое отличіе въ генералъ-маіоры . . . 1917 Янв. 13.

со старшинствомъ съ . . . . . 1916 Авг. 22.

Временно командующій Уссурійской конной дивизіей . . . . 1917 Янв. 23.

Командующій 7 Кавалер. дивизіей — 1917 Іюля 9.

Командующимъ сводным̃ъ коннымъ корпусомъ . . . . 1917 Іюля 10.

Постановленіемъ наградныхъ Думъ частей своднаго коннаго корпуса утвержденнымъ Командующимъ 8-ой Арміей, награжденъ солдатскимъ Георгіевскимъ Крестомъ 4-ой степени за отличія, оказанныя имъ, какъ командиромъ своднаго коннаго корпуса, прикрывавшаго отходъ нашей пѣхоты къ линіи р. Сбручъ въ періодъ съ 10 по 20 Іюля 1917 года . . 1917 Іюля 24.
Приказомъ Верховнаго Главнокомандующаго назначенъ командиромъ 3 коннаго корпуса — 1917 Сент. 9.
Вслѣдствіе большевистскаго переворота отъ службы врагамъ Родины отказался и въ командованіе корпусомъ не вступилъ.

Вступилъ въ ряды Добровольческой Арміи . . . . 1918 Авг. 28.

Временно командующимъ 1-ой конной дивизіей . . . . 1918 Авг. 31.

Начальникомъ 1-ой конной дивизіи — 1918 Окт. 31.
Командиромъ 1-го коннаго корпуса—1918 Ноябр. 15.
Приказами Главнокомандующаго Добровольческой Арміей:

назначенъ командиромъ 1-го коннаго корпуса . . . . 1918 Ноябр. 15.
за боевыя отличія произведенъ въ генералъ-лейтенанты . . . . 1918 Ноябр. 22.
Назначенъ Командующимъ Добровольческой Арміей . . . . 1918 Дек. 27.
Назначенъ Командующимъ Кавказской Добровольческой Арміей . . . . 1919 Янв. 10.
Назначенъ Командующимъ Добровольческой Арміей и Главноначальствующимъ Харьковской области . . . . 1919 Ноябр. 26.
Въ виду расформированія Арміи, зачисленъ въ распоряженіе Главнокомандующаго . . . 1919 Дек. 20.
Уволенъ въ отставку . . . . . . 1920 Февр. 8.

(Телеграмма Главнок. № 002531).

Приказомъ Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи назначенъ Главнокомандующимъ Вооруженными Силами на Ю.-Россіи — 1920 Мар. 22.
Получилъ званіе кавалера Св. Гроба Господня и пожалованъ Честнымъ Крестомъ Св. Гроба Господня . . . . 1920 Авг. 20.
Орденская Николаевская Дума 1-го Армейскаго Корпуса 15-го Ноября постановила просить Главнокомандующаго принять орденъ Св. Николая Чудотворца II степени.
Согласно просьбѣ командира и всѣхъ чиновъ I-го армейскаго корпуса, Главноком. принялъ для ношенія на груди Галлиполійскій знакъ — 1921 Ноября 29.
Главнокомандующій принятъ въ почетные старики и коренные жители многихъ станицъ Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ, зачисленъ въ войсковое сословіе Всевеликаго Войска Донского. Зачисленъ въ списки (по датамъ) I-го Екатеринодарскаго Кошевого Атамана Чепеги полка, I-го Корниловска-

го ударнаго полка, I-го пѣхотнаго Генерала Маркова полка, Лейбъ-Гвардіи казачьяго полка, эскадрона конной гвардіи, Гусарскаго Ингерманландскаго дивизіона, Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго полка и I-го стрѣлковаго Генерала Дроздовскаго полка.

Сынъ Гланокомандующаго баронъ Петръ Врангель въ воздаяніе заслугъ его отца приказами Атамановъ состоитъ: урядникомъ Кубанскаго казачьяго войска и подхорунжимъ I-го Астраханскаго казачьяго полка.

XI. Женатъ первымъ бракомъ на фрейлинѣ *Ихъ Императорскихъ Величествъ* потомственной дворянкѣ дочери Камергера *Высочайшаго Двора* дѣвицѣ Ольгѣ Михайловнѣ *Иваненко.*

Имѣетъ дѣтей: дочь Елену, сына Петра и дочь Наталію. *)

XII. Недвижимаго имущества не имѣетъ.

XIII. Наказаніямъ или взысканіямъ не подвергался.

XIV. Участвовалъ:

Въ походахъ со 2 Аргунскимъ полкомъ въ составѣ Отряда Генерала Ренненкампфа съ — 1904 Марта 12 по 1905 Мая 29.

Въ развѣдкѣ и дѣлахъ со 2 сотней Отдѣльнаго Дивизіона развѣдчиковъ съ — 1905 Іюня 1 по 1905 Окт. 15.

Въ походахъ противъ Германіи съ 1914 Іюля 22 по 1917 Сент. 9.

---

*) Сынъ Алексѣй родился въ эмиграціи.

Въ дѣлахъ и походахъ противъ большевиковъ съ 1918 Авг. 31.

Въ службѣ сего генерала не было обстоятельствъ, лишающихъ его права на полученіе знака отличія безпорочной службы, или отдаляющаго срокъ выслуги къ сему знаку.

Подписалъ: Вр. и. д. Начальника Штаба Главнокомандующаго Русской Арміей, Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ *Кусонскій.*

Скрѣпилъ: Начальн. Отдѣленія Генеральнаго Штаба Генеральн. Штаба Полковникъ *Подчертковъ.*

ЗАРУБЕЖНЫЯ ИЗДАНІЯ, ПОСВЯЩЕННЫЯ ГЕНЕРАЛУ БАРОНУ П. Н. ВРАНГЕЛЮ

1921 г.

В. фонъ-Дрейеръ. Крестный путь во имя родины. Двухлѣтняя война краснаго сѣвера съ бѣлымъ югомъ. 1918—1920 гг. Берлинъ. 1921.

А. П. Правосудіе въ войскахъ генерала Врангеля. Константинополь. 1921.

Ген. *Я. А. Слащевъ-Крымскій*. Требую суда общества и гласности. Константинополь. 1921.

1922 г.

Г. В. Немировичъ-Данченко. Въ Крыму при Врангелѣ. Берлинъ. 1922.

1923 г.

Русская армія въ изгнаніи. (На правахъ рукописи). 1920—1923.

В. Х. Даватцъ и *Н. Н. Львовъ*. Русская армія на чужбинѣ. Бѣлградъ. 1923.

1924 г.

Е. К. Миллеръ. Армія. Бѣлградъ. 1924.

1925 г.

Herzog G. von Leuchtenberg. Russlands letzte Helden. München. 1925.

1926 г.

В. Даватцъ. Годы. Очерки пятилѣтней борьбы. Бѣлградъ. 1926.

1927 г.

W. Dawatz. Fünf Sturmjahre mit General Wrangel. Berlin. 1927.

1928 г.

Генералъ *П. Н. Врангель*. Записки. Часть I. «Бѣлое Дѣло», т. 5-й. Берлинъ. 1928.

Генералъ *П. Н. Врангель*. Записки. Часть 2. «Бѣлое Дѣло», т. 6-й. Берлинъ. 1928.

Болѣзнь, смерть и погребеніе Главнокомандующаго Русской арміей генералъ-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля въ Брюсселѣ. Брюссель. 1928.

«Отечество». Журналъ. № 9-й. Іюнь. Парижъ. 1928.

«Вѣстникъ Галлиполійцевъ въ Болгаріи». № 12-й. Сентябрь. Софія. 1928.

1929 г.

«Часовой». Журналъ. № 7—8. Апрѣль. Парижъ. 1929.

Перенесеніе праха генерала Врангеля въ Бѣлградъ 6 октября 1929 г. Бѣлградъ. 1929.

6 октября 1929 г. въ Бѣлградѣ (два изданія). Бѣлградъ. 1929.
The Memoirs of General Wrangel. London. 1929.

Н. М. Котляревскій. Перечень дѣлъ архива Главнокомандующаго Русской Арміей генерала барона П. Н. Врангеля, отправленныхъ 4 апрѣля 1929 г. на храненіе въ Hoover war Library. Брюссель. 1929. Рукопись.

1930 г.

Mémoires du général Wrangel. Paris. 1930.

1933 г.

«Часовой». Журналъ. № 103—104. Май. Парижъ. 1933.

1937 г.

А. фонъ-Лампе. Орденъ Святителя Николая Чудотворца. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Acta Wrangeliana». Tallinn. 1937.

«Вѣстникъ Галлиполійцевъ». Журналъ № 46-й 15-го апрѣля. Софія. 1937.

1938 г.

Главнокомандующій Русской арміей генералъ Баронъ П. Н. Врангель. Сборникъ статей подъ редакціей А. фонъ-Лампе. Берлинъ. 1938.

Примѣчаніе 1. Въ 1919 году въ Царицынѣ было начато изданіе (вышло всего 56 страницъ) книги: «Краткій военно-историческій очеркъ боевыхъ дѣйствій Кавказской арміи, 1-го коннаго корпуса и 1-й конной дивизіи подъ командой генерала Врангеля». Царицынъ. 1919.

Примѣчаніе 2. Въ списокъ не вошли газетныя и журналь-

ныя статьи и замѣтки посвященныя генералу барону П. Н. Врангелю. Онѣ появлялись въ зарубежьи, какъ въ русской, такъ и въ иностранной прессѣ въ большомъ количествѣ; особенно усилялись онѣ въ такіе періоды, какъ вступленіе генерала Врангеля въ командованіе (1920 г.), эвакуація арміи изъ Крыма (1920 г.), разселеніе арміи на Балканахъ 1(922—23 гг.), кончина Главнокомандующаго и перевозѣ его праха въ Бѣлградъ (1928—1929) и т. д. Не приведено также и наименованіе книгъ, въ которыхъ лишь отдѣльныя главы были посвящены генералу барону П. Н. Врангелю, какъ напримѣръ книги: Сборникъ «Русскіе въ Галлиполи». Берлинъ 1923., Баронъ Н. Врангель. «Воспоминанія». Берлинъ 1924 и очень многія другія.

Указатель именъ.

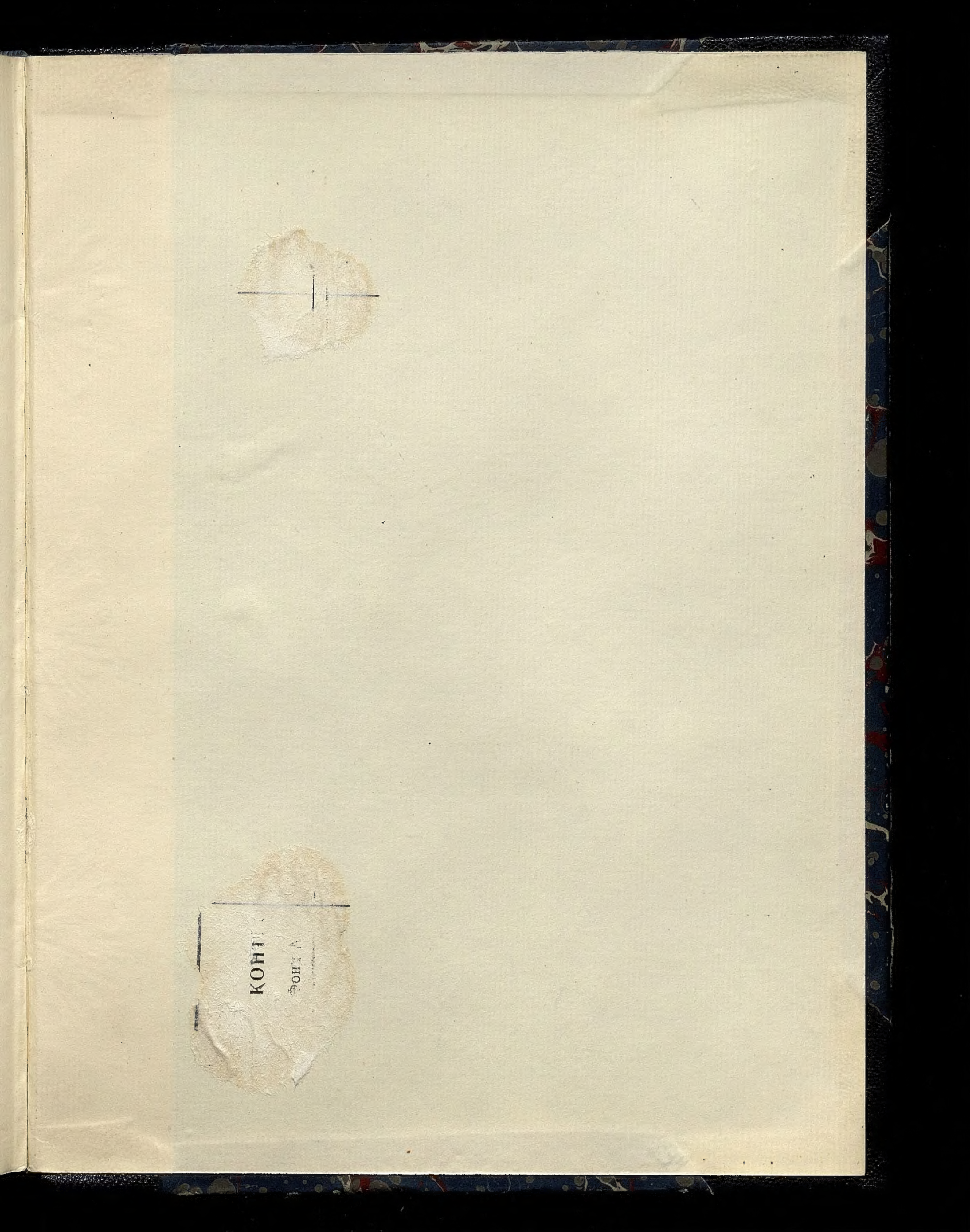
Указатель иллюстрацій.

Содержание.

Приложенія:

К-ВО „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

Printed in Germany


КОНТ

Государственный архив Российской Федерации

Лист использования документов

Фонд № р-5153 Опись № 1 Дело № 87

Заголовок дела

Дата исполь-зования	КОМУ ВЫДАНО Фамилия, инициалы (разборчиво)	ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (копирование, выписки, просмотр и др.)	№№ использо-ванных листов	Подпись лица, использо-вавшего дело

Государственный архив Российской Федерации

ЛИСТ-ЗАВЕРИТЕЛЬ ДЕЛА

Фонд № р 5153 **Опись №** 1 **Дело №** 87

В деле подшито и пронумеровано 127 (сто двадцать семь) листов
(цифрами и прописью)

с № ______ по № ______

В том числе:
литерные номера листов 1а, 1

пропущенные номера листов ______

+ листов внутренней описи ______

Особенности физического состояния и формирования дела	Номера листов
1	2

Ведущий ______ [подпись]
Наименование должности работника — подпись — расшифровка подписи

23 01 20 11 г.

Заказ № 4.18.10.16.13